

КУЙБЫШЕВ

И. Дубинский-
Мухадзе

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В книге рассказывается о жизни и деятельности Валериана Владимировича Куйбышева (1888–1935) — революционера, а затем советского партийного и политического деятеля.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

- [И. Дубинский-Мухадзе](#)

-
-
-
-
- [= 1 =](#)
- [= 2 =](#)
- [= 3 =](#)
- [= 4 =](#)
- [= 5 =](#)
- [= 6 =](#)
- [= 7 =](#)
- [= 8 =](#)
- [= 9 =](#)
- [= 10 =](#)
- [= 11 =](#)
- [= 12 =](#)
- [= 13 =](#)
- [= 14 =](#)
- [= 15 =](#)
- [= 16 =](#)
- [= 17 =](#)
- [= 18 =](#)

- [REDACTED]

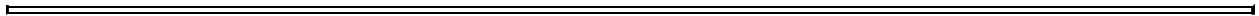
-
-
-
-
-
-
-

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 8

(496)

МОСКВА

1971

И. Дубинский-Мухадзе

КУЙБЫШЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

*

© Издательство «Молодая гвардия», 1971 г.

P. B. Kyndemul

«Нет величия там, где нет простоты, добра и правды».

Л. Толстой

«Человеческое счастье? Испытывать могучие стремления, быть в созидательном огне. А несчастье? Если содеянное тобой забудется и канет в небытие».

Георгий Чичерин,

Ответы французскому журналисту

Ташкентские старожилы до самого землетрясения показывали плоскокрыший домик на Зерабулакской улице, где десятилетия назад работал крупный широкоплечий человек с огромным покатым лбом и серыми ясными глазами. «Немного поэт, — обронено в автобиографии. — Интересует работа в области пролетарской культуры, где, мне кажется, я мог бы многое создать».

А на дверях рабочего кабинета табличка: «Валериан Владимирович Куйбышев, член Военного Совета Туркестанского фронта». Фронт от степного оренбургского раздолья до ледников Памира, до обжигающих барханов Каракумов.

Члену Военного Совета, главному работнику Турккомиссии ВЦИК, Туркбюро ЦК РКП (б), чрезвычайному послу России в Бухаре — тридцать один год. Партийный стаж — шестнадцать лет. Восемь арестов. Три судебных процесса. Четырежды «водворен на поселение» в Восточную Сибирь, Нарым, в Туруханский гиблый край.

Посол в Бухаре — другу в Москву: «Завидую вам — европейцам, мерзнующим и голодающим. Думаю поехать на съезд Советов в декабре. Глотну всеми легкими воздуха и снова нырну в здешние воды. У меня имеется к Вам большая просьба. Я бы очень просил Вас купить и скупать все литературные новинки и направлять их мне с курьерскими поездами до Ташкента...»

Просто так, совпадение, а может, и нет. В Москве при распределении

обязанностей между секретарями весьма немногочисленного Центрального Комитета партии Куйбышеву поручено заниматься делами книжными, направлять отдел агитационно-пропагандистский. Пленум, выборы третьего апреля 1922 года. Десятого числа Валерия-ну Владимировичу записка от Ленина: «Рекомендую тов. Адоратского — литератор, *знающий марксист*. Надо ему помочь всячески... Прошу издать быстро; с именем автора; *не солить*».

Для Ильича адрес не новый. Скорее привычный. Надежный. Прошлой осенью девять писем и коротких записок. С обязательными для Ленина вопросами: «Согласны ли?», «Как Ваше мнение?» Все о миссии Куйбышева сверхделикатной. Возложенной Советом Труда и Оборона. Вести переговоры, заключить договор о беспрецедентном эксперименте. «Автономная индустриальная колония Кузбасс» — группа американских рабочих, инженеров, голландский коммунист Рутгерс — добивается получить в эксплуатацию бездействующий Надеждинский металлургический завод и несколько заброшенных предприятий Кузнецкого бассейна в Сибири. Обязуется все восстановить. Пустить в ход с наивысшей производительностью.

«Дело это очень важное, — Ленин — Куйбышеву тридцатого сентября 1921 года. — Получит несомненно *международную* огласку...

Очень прошу Вас записать или продиктовать нашей стенографистке (это меньше оторвет Вас от работы) весь ход дела, специально то, что Вы мне по телефону говорили...

Дело и в Цека поставлено. Точно и полно информировать и Цека и Профинтерн нам придется...»

За океаном, в газете «Нью-Йорк тайме мэгэзин», портрет, написанный приезжавшим в Москву американским художником Чезаре. Портрет и автограф: «В. Куйбышев, г. Москва, 30.VIII — 22». От редакции броско: «Правители красной России. Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии».

Секретарь ЦК своей давней-давней знакомой:

«Я весь в происходящей борьбе, весь без остатка. Не только приемлю ее всю, с ее грубостью, жестокостью, беспощадностью ко всему, что на пути, не только приемлю, но и сам в ней весь, всем своим существом, всеми помыслами. Все надежды, вера, энтузиазм в ней, в борьбе. Все, что не связано с ней, чуждо мне, я люблю, мне близко только то, что с ней слито...»

В записной книжке «на каждый день 1923 года»:

«Апрель, 2, вторник.

Комиссия о трестах.

Профинтерн.

7 ч. — совещание с завотделами.

Ночью: Мариетта Шагинян «Перемена».

Июнь, 29.

Кубань. Хлеб сносный.

4 ½ часа. Кисловодск.

Заснул после трех. Книга Форда.

Июль, 3.

Крокет.

Корректурa писем Ильича.

Читал Бекгауза «Марс».

Июль, 27.

Телеграмма для Безыменского.

Верхом 36 верст.

Дождь. Разговор «рассудок и темперамент». Трудности и неожиданные впечатления — доказательства темперамента...

Ходить по одной стороне улицы — это значит лишиться многих радостей жизни, связанных с неожиданными встречами».

Год тот же — двадцать третий. Октябрьский объединенный пленум Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии.

Спрашивают Троцкого:

— Почему же вы не используете легальных путей для решения партийных вопросов, почему действуете через голову ЦК и в случае несогласия с ним не обращаетесь в ЦКК?

Ответ достаточный:

— Потому что там Куйбышев!..

В некотором роде коллега Куйбышева — первый генеральный консул России в Афганистане, в городе Герате, Николай Равич после восьмилетней разлуки встречается с Валерианом Владимировичем в Москве. «В это время В. В. Куйбышев был уже членом Политбюро, председателем ВСНХ — словом, занимал самые высокие посты в государстве. Однажды осенью, купив заранее два билета в кинотеатр «Унион», у Никитских ворот, я отправился вечером смотреть какой-то фильм. Начался проливной дождь. Подъехав к кинотеатру, я увидел перед кассой на улице длинный хвост желающих попасть на сеанс. В очереди стоял высокий мужчина, в шляпе с широкими полями и в непромокаемом, довольно старом пальто с поднятым воротником. Что-то знакомое показалось мне в его облике. Я подошел к этому человеку и обомлел — это был В. В. Куйбышев.

— Валериан Владимирович, что вы здесь делаете?

— Как видите, — отвечал он хмуро, наклоняя голову, чтобы вода стекала с полей шляпы, — стою в очереди...

— Ведь есть правительственные места, глупо будет, если вы простудитесь...

— Другие люди стоят за билетами в очереди, почему я должен быть исключением?

— Ну так вот вам один билет, и идите в театр.

Он подозрительно посмотрел на меня:

— А вы как пройдете?

— У меня есть второй и, кроме этого, именной пропуск главреперткома на служебное место.

Куйбышев потоптался по мокрому тротуару в своих черных, тоже довольно поношенных ботинках и наконец сказал:

— Раз уж так совпало, что у вас действительно есть лишний билет, тогда, пожалуй, пойдём...»

XVI съезд партии, тридцатый год. Серго Орджоникидзе выступает с отчетным докладом Центральной Контрольной Комиссии. С темпераментом, бурно нарастающим, разносит Высший Совет народного хозяйства, во главе которого стоит Куйбышев, друг многих лет. Громит, хлещет. Нисколько не щадит хозяйственников.

Валериан Владимирович возвращается со съезда предельно взволнованный. «Всю ночь со второго на третье июля, — вспоминает Ольга Андреевна Лежава, жена и строгий биограф Куйбышева, — он шагает по своему кабинету. Кремлевские куранты вызывают четыре часа. Брезжит рассвет. Валериан Владимирович жадно вдыхает свежий воздух. Садится к столу. Набрасывает письмо своим молодым сотрудникам».

«Я почувствовал, что вы взволнованы выступлением т. Орджоникидзе. Взволнован и я. Что говорить, картина получилась убийственная. Я вот не могу заснуть и решил написать вам выводы, к которым пришел. Верна ли критика в целом (о частностях не стоит говорить)?

...Представьте себе картину: пахарю нужно во что бы то ни стало вспахать десятину до захода солнца. Завтра будет непогода, завтра уже поздно. Лошадка добросовестная, работает бойко, тянет по совести. Но этого мало...

Стране необходимо ценой сверхнапряженного труда возможно скорее запахать «десятину социализма».

Разве неправильно, что мы, хозяйственники, несмотря на добрую волю многих из нас, нуждаемся в такой резкой постановке вопроса... Не надо

допустить, чтобы хозяйственники выступали с критикой доклада Орджоникидзе. Если вы согласны со мной, примите нужные меры...

Не унывайте, друзья!.. Вдумайтесь, и вы поймете...»

Уже после того, как тромб — вроде бы небольшой сгусток крови — свершил непоправимое, младший брат Куйбышева Николай Владимирович показал Орджоникидзе это письмо. Серго читал, все более мрачняя. Вернулся к началу. Стиснул листки.

— Никогда ни одного слова мне... Понимаешь, ни одного слова! — Глаза Серго загорелись. — Я-то хорошо знаю, какую сверхчеловеческую тяжесть он нес всю свою жизнь...

«СПИСОК

кадетам III класса

Сибирского кадетского корпуса за 1900/01 учебный год

.....

17. Куйбышев 2-й, Валериан».

«ПРОГРАММА

литературно-музыкального утра 14 октября 1901 года 1-е отделение

.....

10. «Бурлаки». Стихи господина Некрасова. Прочитает кадет Куйбышев 2-й».

Второй. Непременно второй. Ибо в Сибирском кадетском корпусе есть еще Куйбышев 1-й — Анатолий и Куйбышев 3-й — Михаил. Дворянина Владимира Яковлевича Куйбышева сыновья. Подполковника. Начальника воинской команды в городе Кокчетаве. «Три года скачи — не доскачешь», — обычно говорят о таких захолустных городах.

В офицерских чинах, хотя и не очень высоких, ходил и покойный дед Яков. Дед, отец, внуки. Наследственная, должно быть, приверженность.

Куйбышев 2-й, Валериан — Воля по-домашнему, тот с самого малолетства объявил себя полководцем Суворовым. Категорически забраковал перину, пуховые подушки, горячую воду для умывания. Спал на голых досках. Под голову примазывал что-нибудь потверже — связку книг, еще предпочтительнее полено. Для полного самоутверждения в плотную черноту зимних вечеров маршировал по кладбищу. Сопровождавшие своего генералиссимуса мальчики с деревянными ружьями почтительно замирали у ограды.

Военная косточка. В трёх поколениях!.. Дед Яков, положим, карьеры не сделал. Кончил жизнь самоубийством. Владимир Яковлевич с шестнадцати лет на действительной службе. По государевой милости взят рядовым на правах вольноопределяющегося-в пехотный линейный батальон. Не оставлен-милостью и при-зачислении в юнкерское училище.

Для продолжения службы послан младшим офицером в гарнизон Семипалатинска. Прапорщик Куйбышев вскорости почувствует в этом перст судьбы. В семипалатинской глуши в семье рано овдовевшего

чиновника Николая Гладышева хорошеет, цветет дочка Юленька. Устоять невозможно. Открыться слишком боязно. Вдруг засмеет — прыснет, убежит. Пишутся, тут же рвутся на мелкие клочки отчаянные послания. Настает девятое сентября 1879 года. В руках у Юленьки опечатанное казенным сургучом письмо. Заветное. Долгожданное. «Я буду тебя любить и буду верен тебе до последнего вздоха».

Характер у Юлии сильнее, тверже. Она утешает жениха, поспешившего с горьким признанием: «Я считаю своим долгом предупредить тебя о том, в какие условия ты попадешь, выйдя за меня замуж. Обстановка нашей квартиры изрядно-таки бедна. Мамаша и крестна спят на войлоке, который расстилается на-ночь на пол. Вообще у нас беднота и простота».

Четыре года потребуются — а каждый день как вечность! — покуда, нет, не Юленька, военная каста соблаговолит дать согласие на брак. Офицер, не достигший двадцати семи лет от роду, не имеет права жениться, если у него или у невесты не припасены пять тысяч рублей. Наличностью, драгоценностями, дозволяется и недвижимым имуществом.

Пять тысяч на предмет обеспечения любви! Зеленый прапор оценить заботы не в состоянии. Богохульствует: «Совсем пустым мне кажется обряд брака... Я готов на все. Я презираю суд молвы, общественное мнение и все эти глупые этикеты, китайские церемонии, я признаю брак сердец, соединение по любви, хотя и без благословения церкви... Ведь я от тебя не скрывал, что не верю, то есть не имею почти никакой религии, а если и имею, то совершенно своеобразную».

Богобоязненная, воспитанная в строгой вере Юлия требует возврата к благоразумию и смирению безусловному. Пока без особого успеха. «Извини, дорогая моя, я не хотел тебя огорчать. С Украинским полком я расстался при крайне неблагоприятных условиях: меня суд общества офицеров приговорил к исключению из полка, но я защитил себя и теперь могу служить в Омске. Считаю недостойным утаить от тебя... я однажды на полковом празднике освистал и ошикал командира полка, который заслужил этого по своей подлой натуре. За это я чуть не поплатился своею службою».

Низко нависшие грязно-серые тучи проносит. Стихает гроза... Поздней осенью 1883 года офицер Владимир Яковлевич Куйбышев и учительница Юлия Николаевна Гладышева идут под венец. Дозволено!

Много детей — хорошо или плохо? Верный ли признак счастья родителей? У Куйбышевых ребят одиннадцать. Августа и Сергей умерли младенцами. Михаил погиб четырнадцатилетним. Его нечаянно застрелил

из ружья соученик по кадетскому корпусу. Восемь выходят в люди.

В Омске двадцать пятого мая^[1] 1888 года родился Валериан. Восьмимесячным туго запеленатым несмышленьшем его на тройке с бубенцами доставляют в Кокчетав. К новому месту службы отца.

Дом воинского начальника заметный. У сопок, вблизи озера Копя. По весне под окнами цветет черемуха. Летом и осенью разбрасывается, играет красками ковер из цветов. А в долгую зиму, когда стены и крыша — все плотно укрыто сугробами, перед глазами одни только верхушки берез.

Дом на виду. Хозяева гостеприимные. Почти каждый вечер на окнах в столовой зажженная свеча. Сигнал, известный горожанам: «У нас все в добром порядке. Двери отперты. Заходите!» К тому же у Куйбышевых, у них у одних, можно разжиться книгой, журналом — новинкой. Библиотеки в уездном городе нет. Впоследствии подполковник с женой учредят Народный дом, презентуют ему собрание книг.

Свои занятия у подрастающего Валериана. В погожие дни — крокет, лапта, горелки. Прогулки с братьями и сестрами в ближние горы. В подражание воинской команде отца — марши, стрельбы из самодельных деревянных ружей, караулы у «крепости». В непогоду, в морозы мальчишки за большим столом выпиливают, вырезают, лепят смешные фигурки. Девчушки вяжут, вышивают. Все по очереди читают вслух. Успехом пользуются и комические представления в детской. Взрослым посылаются особые приглашения.

Много-много лет спустя младшая сестра Валериана Елена Владимировна возвращается в старый родительский дом. Дом-музей, ею созданный. Там память так услужлива!.. «Знакомая девушка пела у нас на крыльце грустную песню о сироте. Трогательно звучал ее печальный голос, и Валериан, слушая песню, украсил шляпу девушки цветами. Он всегда оказывал певцу или музыканту хотя бы маленькое внимание.

На другой день Воля играл на мандолине эту печальную песню и сложил на нее слова:

*Слушайте братцы, песенку мою,
Эту песнь сложил я про судьбу свою,
Эта песня вырвалась из души, как стон.
Как-то, братцы видел я страшный-страшный сон:
Будто бы остался я в свете одинок
И никто мне ласковых слов сказать не мог...*

Однажды брат Миша, фантазер и выдумщик, таинственно сообщил Воле, что он подслушал разговор отца с матерью: оказывается, Воля вовсе не наш, его взяли у нищих. Воля легко поверил: он сам часто слышал, что знакомые говорили, что он ни на кого из семьи не похож. Воля стал задумываться, избегать шумных игр, еще больше углубился в книги. Собирался даже бежать из дому...

У мамы с Волей часто бывали разговоры о том, что он читал по ночам в постели. Когда в доме наступала тишина, он зажигал лампу и читал иногда до утра. Как-то Воля заснул, не погасив лампы. Керосин догорел, и фитиль стал коптить. Черная копоть хлопьями летала по комнате, садилась на белые подушки, на лица спящих мальчиков. Утром ребята соскочили с постелей черные, как трубочисты. Поднялась возня, смех. Воля, чувствуя свою вину, молча взял тряпку и стал стирать копоть со стола, стряхивать с подушек, но сажа еще сильнее размазывалась.

— У нас теперь не комната, а паровозная топка, — шутил Миша.

Валериан в отчаянии смотрел на потолок, на стены, которые тоже были покрыты копотью. Он безнадежно махнул рукой и, обвязав палку тряпкой, стал вытирать потолок, размазывая черные жирные круги.

За этим занятием и застала его мама. Она не сумела удержаться от смеха, глядя на чумазых мальчиков и особенно на Валериана. Мама хотела рассердиться, но не смогла. Ее замешательством воспользовался Миша. Он так повернул дело, будто не один Воля виноват, а все мальчики.

Спешно затопили баню и отправили «трубочистов» мыться, а комнату белили и проветривали.

На Валериана все случившееся произвело большое впечатление. Улучив минуту, он подошел к маме и, ласково обняв ее, сказал:

— Я один виноват. Даю честное слово, что больше обманывать не буду, а вас прошу, не запрещайте мне читать вечерами. Когда в доме тихо, мне читать приятнее, я больше понимаю.

Так Валериан добился для себя права читать по ночам, и с тех пор мама только горестно вздыхала, глядя на его бледное лицо и воспаленные глаза».

Детские забавы, радости, горести — все оборвется в один день. В пронизанный солнцем августовский день 1898 года.

Подан возок. Нетерпеливо бьют копытами кони. Начальник воинской команды подполковник дворянин Владимир Яковлевич Куйбышев самолично отвозит сыновей Анатолия и Валериана в кадетский корпус. Дабы получили они воспитание, «проникнутое духом христианского вероучения и строго согласованное с общими началами русского

государственного устройства... Оно воспитание, — говорится далее в Положении о кадетских корпусах, — имеет главной целью подготовку воспитывающихся юношей к будущей службе государю и отечеству посредством постепенной, с детского возраста выработки в кадетах тех верных понятий и стремлений, кои служат прочной основой искренней преданности престолу...».

Писарь безупречным почерком вносит в список питомцев Сибирского кадетского корпуса: «Куйбышев 1-й — Анатолий, Куйбышев 2-й — Валериан». Позже прибавит: «Куйбышев 3-й — Михаил». «Кои служат прочной основой искренней преданности престолу»! Военная косточка. Сыновья офицера. Внуки офицера...

Да, в трех поколениях. Бедность в трех поколениях. Острая, постоянная. Дед сломался. Отец — сопротивляемости повышенной. Тянет лямку. Жалованья воинского начальника на достойное содержание большущей семьи никак не хватает. Чтобы исхитриться, как-то свести концы с концами, Юлия Николаевна, помимо нескончаемых домашних забот — кухня, шитье, экономия на всем, — должна еще учительствовать. Ее недюжинные педагогические способности замечают в кругах самых высоких. Ей — почти что чудо! — жалуют золотую медаль. А прибавки к окладу ни-ни. Восемь целковых в месяц раз и навсегда. Большого вознаграждения учительнице единственной школы город выдержать не в состоянии.

В записях Елены Владимировны: «Одежда и обувь от старших переходили к младшим детям. Все это тщательно переделывалось, перешивалось по несколько раз».

Так куда, если не в кадетский корпус, пристраивать сыновей. На казенный кошт. Обучение и содержание детей офицеров и дворян в кадетских корпусах и военных училищах бесплатное. Отслужит престолу!..

Трехэтажное здание кадетского корпуса из самых завидных в городе Омске. «Искусственном городе» — по отзывам философствующих обывателей. Придуман как крепость у рек Оми и Иртыша. Потом произведен в стольный град генерал-губернатора Степного края. К длинным красным казармам и тюремному белому зданию на выезде прибавились каменные близнецы под железной крышей. Присутственные места. Чиновничество — гражданское и военное. Хлеба, мяса, рыбы потребляют по великой своей потребности. К самовару по утрам всегда готовы горячие, жирные шаньги. К обеду миски пельменей, лафитнички с настойкой и водочка тоже. Вечерами пулька. Опять же с возлияниями.

Два или три раза в неделю — как управится — газетка «Степной Край» прилежно громит отцов города за дурное содержание тротуаров и тьму непроглядную. Еще облюбованная тема — побоища, учиняемые кадетами и гимназистами. Господа гимназисты расппевают: «Кадет на палочку надет». Бравые кадеты величают шпаков-гимназистов: «Ослиная голова». По той простой причине, что на бляхах гимназических поясов буквы «О. Г.» — «Омская гимназия». Обмен любезностями требует отмщения. Бои в полусасыпанных рвах старой крепости. Иногда в загородной роще. С той и с другой стороны выходят по несколько десятков бойцов. Особенно отличившихся местные барды славят в одах...

Семь лет предстоит провести в столь приятном городе Куйбышеву Валериану. Оды в его честь слагать не станут. «Кадету 5-го класса Куйбышеву В., хотя и выполнившему условия на получение похвального листа, такового не выдавать за не вполне одобрительное поведение его».

Педагогический комитет более чем справедлив. Вполне одобрить поведение кадета еще никак нельзя. Все пока в начальной стадии. В компании милых, славных гимназисток и их друзей.

У гимназисток — Нади Куйбышевой, старшей сестры Валериана, Вали Дедовской, Елены и Ревекки Ревзон — коммуна. Жить вместе, ни от кого не зависеть, самим готовить, убирать, стирать, шить. И много-много читать. Преимущественно книги запрещенные. Их можно добыть у заведующей городской общественной библиотекой Заложиной. Или у Щеголевой, высланной из Петербурга курсистки.

Коммунарки — сюда вкладывается понятие самое широкое — все приезжие из глухих городков. Первая забота — найти комнату, суметь

удержаться в ней. Выставляли хозяева по причинам дремучим.

— Как-то по пути из гимназии я встретила Валериана, — глуховатый голос Валентины Дедовской крепнет, десятилетия сброшены с хрупких плеч. — Он на ходу сказал мне: «Валя, из-за тебя всех вас гонят с квартиры...» Я удивилась и огорчилась, ничего не понимая. Дома наша старшая, Елена Ревзон, со смехом мне объявила, что хозяйка лишает нас комнаты, так как мы много льем воды. «Особенно недовольна тобой, говорит, что даже маленькая при умывании много тратит воды, хотя от этого красивее не станет».

Елена и Надя через некоторое время нашли хорошую комнату с отдельным ходом в доме почтового чиновника. В первый субботний вечер собрался кружок: Воля, Гриша Минский, Рая Бржезовская и Костя Ларин — званые гости, и все коммунарки. Горячо обсуждали книгу Бебеля «Женщина и социализм». Потом решили спеть «Дубинушку». От полноты чувств не заметили, как распахнулись двери. Нагрязнула хозяйка. Гнев переполнял ее. «Ай да барышни! На что это похоже!! Что это за песня — подвернем да выдернем...»

В комнате Девушкам, понятно, снова отказали. После трудных хлопот им удалось поместиться на Сажинской улице, против наплывного моста через Омь, в польской семье Холево. С субботы на воскресенье сюда часто приходил Куйбышев и приводил своего младшего брата Колю. Читали самое разное: «Жан-Жак Руссо» Карелина (Засулич), памфлет Толстого «Николай Палкин», запрещенные цензурой стихи, «Речь на суде рабочего Петра Алексеева», «Обоснование народничества в трудах Воронцова», «Вяленую воблу» Салтыкова-Щедрина, «Эрфуртскую программу» Каутского, книгу Плеханова — он тогда подписывался «Бельтов» — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»...

Старшеклассницы окончили гимназию, уехали из Омска. Остались доучиваться Воля Куйбышев и Валя Дедовская. В одно из воскресений Валериан пришел к девушке чуть свет. Сообщил, что за Иртышем назначена маевка, им надо торопиться. Отправились на паром, потом шли полем и перелесками. В одном месте встретили маленькую группу по виду мастеровых с железной дороги. Они сидели с корзинами, бутылками и различной снедью, как будто на пикнике. Куйбышев сказал пароль, и пошли дальше. На пути располагались еще такие посты. Когда добрались, увидели много знакомых гимназистов, гимназисток, рабочих. Начался митинг.

За Иртышом пробыли несколько часов. Возвращаясь обратно, еще издали заметили на берегу и на пароме полицейских и жандармов.

Валериан понял, что им переезжать на пароме нельзя. Он вывел к реке, к кустам, где была спрятана лодка. Усадил Валю и двух железнодорожников в лодку, и все они поплыли по течению. Мастеровые предложили спеть «Вниз по матушке по Волге» и с песней добрались до поселка при станции Омск. Там разошлись в разные стороны.

— Солнце уже было низко, когда я пришла домой, — заключила Ледовская. — На лавочке сидел Валериан, ждал меня. «Не поссорились ли, что пришли порознь?» — спросила сестра хозяйки. Я ответила, что мы держали пари, какой путь короче. «Ах, Валя, Валя, проиграли! Кадет давно пришел», — сказала она мне.

Год обозначен самим Валерианом на первом листе автобиографии. «Еще будучи в 6-м классе корпуса (1903/04 учебный год), завязал связь с нелегальным социал-демократическим кружком в Омске». В опросных листах, анкетах, во всех документах: «Время вступления в партию?» С 1904 года член РСДРП (большевиков)».

В другом загадка — на нее ответа не найти, невозможно — кто именно взял на себя открыть дворянскому сыну, кадету шестнадцати неполных лет, где обрывистый и трудный путь. Единственный, по которому тесной кучкой, крепко взявшись за руки, идут большевики. Со всех сторон окруженные врагами, почти всегда под их обстрелом.

Кто-то из трех.

Сестра Надежда? Революционное подполье для нее не тайна. Едва закончив занятия в гимназии, она отправляется в Челябинск, чтобы *занять там видное место* в кругах социал-демократов...

Ссылная курсистка Щеголева? В Петербурге она привлекается по долу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В Омске живет в одном доме с дядей Валериана — Александром Гладышевым. Пользуясь этим, Воля часто заходит к Щеголевой. Берет нелегальные издания. Жадно расспрашивает...

Член Омского нелегального комитета Крамольников? От него Валериан получает книгу, отпечатанную за тридевять земель, в немецком городе Штутгарте. Знаменитое «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения» Н. Ленина. И нелегальные листовки. Для распространения в летние каникулы среди солдат подполковника Владимира Яковлевича Куйбышева. В казармах и на стрельбище.

Каждую листовку аккуратист Валериан скатывает тугой трубочкой. Перевязывает цветным гарусом, заимствованным из рабочей шкатулки матери, Юлии Николаевны. Воинский начальник собственноручно приобрел этот гарус в Гостином дворе, будучи на пасху в Петербурге. Сразу

узнал, когда офицеры и унтеры явились с отнятыми у нижних чинов листовками.

Может, и к лучшему. Объяснения с отцом не избежать. Не в этот приезд — так в следующий. Или генерал-директор корпуса, дознавшись, вытребует отца в Омск.

Говорили ночью. С глазу на глаз. Подполковник не запрещал. Не грозил. Попросил только: «Вспомни, Воля, о декабристах! У царя сила неодолимая!...»

Педагогический комитет снова рассматривает дерзкое и весьма своевольное поведение кадета выпускного — 7-го класса Куйбышева Валериана. Перед тем кадету сбавлены два балла по поведению «за держание у себя вовсе недозволенных изданий, предпринятых за границей».

Суть нового дела. Из горки книг, захваченных при ночном налете на постели и тумбочки кадетов, исчезают «Очерки и этюды» Каутского. Воспитатель приказывает явиться Куйбышеву-2-му, Валериану.

— Где книга?

— У меня.

— Как вы могли позволить себе отобранную у вас книгу взять с моего стола?

— Как вы отобрали ее у меня, так и я отобрал ее у вас. Я книгу порву, но вам не верну...

Педагогический комитет всеми голосами: «Своеволие, переходящее всякие границы».

В изложении Валериана: «Последние годы в корпусе считался неблагонадежным и был выпущен с 8 баллами за поведение при двенадцатибалльной системе».

Черта под годами воспитания в корпусе. Двадцатого июня 1905 года. «Согласно просьбе отца и разрешению Командующего Сибирским военным округом уволен на попечение родителей».

Не последствия ли того ночного разговора отца с сыном? «Помни, Воля, о декабристах!»

На закате лета опять же 1905-го, во многом особенного года, в Кокчетав прибывает казенный пакет. Военскому начальнику надлежит известить Куйбышева Валериана Владимировича, что сего августа 19 числа он зачислен студентом Военно-медицинской академии.

Спешит, торопится Воля. Каждый день промедления для него — семнадцатилетнего — потеря невозполнимая. Как же! Революция идет вперед с поразительной быстротой. Волна одна другой выше и невиданней. И все без него...

Успевает все-таки получить поручение Питерского подпольного центра. Доставлять в нужные места ящики бомб, изготовленных в Финляндии.

Промозглым ноябрьским вечером Куйбышев с помощницей — курсисткой Агатой Яковлевой — отправляются за очередным транспортом.

«Мы решили ящики вскрыть и обложиться бомбами, — диктует Куйбышев стенографистке четверть века спустя, начав было во время отпуска работать над книгой воспоминаний. — В карманах, за поясом, на спине, на груди у меня и у Яковлевой разместился один ящик. Бомбы из второго ящика мы связали свертками, а частью из них я до отказа нагрузил свой довольно обширный портфель.

Мы вышли из квартиры значительно пополневшими. Портфель был неимоверно тяжел. Квартира находилась на окраине, в очень глухом переулочке, и нам долго пришлось идти, пока мы не вышли на сравнительно большую улицу... Я вдруг обнаружил, что сзади нас, шагах в двадцати, идет околоточный надзиратель. Чтобы проверить, случайно это или за нами следят, мы свернули в первый попавшийся переулок... Мы снова увидели этого же околоточного, идущего за нами уже по переулку. Портфель и свертки страшно оттягивали руку, а перекладывать из одной руки в другую было бы неосторожно, так как это выдало бы необыкновенную тяжесть портфеля. Мы начали маневрировать. Свернули в другой переулок — околоточный за нами; свернули еще раз — околоточный опять-таки за нами. Мы были в полном отчаянии: дальше идти с таким грузом, который давил грудь, оттягивал плечи и руки до того, что они становились бесчувственными, было свыше сил. Еще одна минута, и мне пришлось бы бросить портфель, что означало не только потерю этих бомб, но и неизбежный провал, так как идущий сзади околоточный не мог не

обратить на него внимания... Осторожно оглянувшись, я увидел, что околоточный зашел в один из домов переулка. Стало совершенно очевидным, что его путь лишь случайно совпадал с нашим. Вслед за этим поблизости, шагах в десяти от нас, я увидел извозчика, проезжающего по переулку. Я позвал его, назвал ему адрес, мы сели и поехали. Удачный исход развеселил меня. Однако я с удивлением заметил, что спутница моя необыкновенно мрачна, и на мой вопрос, в чем дело, я слышу встречный вопрос:

— Вы сознаете, что вы сделали?

Я недоумевающе смотрю на нее.

— Ведь вы же провалили все дело, — сказала она. — Вы громко назвали адрес склада, а околоточный зашел в этот дом только для того, чтобы затушевать погоню за нами. Он все слышал, теперь ему не надо даже гнаться за нами, так как он знает адрес, куда мы едем. Об этом немедленно будет сообщено по телефону куда следует, и провалимся не только мы, но и склад.

Нервы у меня были страшно взвинчены и опасностью дела, и мнимой погоней околоточного, и наступившей ночью. Мне казалось, что она права, и я сказал ей:

— Так давайте не повезем бомбы по указанному адресу.

Но в ответ Яковлева заявила, что она на это не пойдет и раз я назвал адрес склада, то склад все равно будет провален, товарищи, работающие там, погибнут, и мы также обязаны с ними погибнуть.

Агата всю дорогу твердила об ужасе положения, которое я создал, и довела меня до последней степени отчаяния. Нужно не забывать, что мне было только семнадцать лет, в конспирациях и подпольной борьбе я был не закален. Яковлева была старше меня, и то, что она говорила, я принимал за проявление большого опыта.

...В крайне тягостном настроении мы приехали на квартиру, где помещался центральный склад. Сильно меня ободрило то обстоятельство, что товарищ, ведавший этим делом, был жив и невредим, что он был в крайне веселом настроении. Пессимистические предсказания Агаты Яковлевой его рассмешили. Ни минуты не колеблясь, он разгрузил нас, после чего я почувствовал, какая огромная тяжесть лежала на моих плечах, на груди и на спине. С веселым смешком он выпроводил нас затем из квартиры...

Вскоре, совершенно помимо моей воли и желания, мне довелось «отомстить» моему товарищу Агате Яковлевой...

Поздним вечером, часов в одиннадцать, я возвращался домой с какой-

то партийной операции. Помню только, что у меня в портфеле было шесть револьверов. Недалеко от моей квартиры я заметил кинувшуюся ко мне из темноты ворот Агату.

...Агата спросила, что у меня есть в комнате и кого надо предупредить о предстоящем обыске моей квартиры. У меня в одном из ящиков комода было очень много нелегальной литературы, но не это была главная беда: ко мне завтра утром должны были прийти представители всех районов Петербурга, которым я должен вручить эту литературу... Пять-шесть товарищей могли быть арестованы и хотя бы на время оторваны от работы. К счастью, я знал их адреса. Мы, меняя извозчиков, начали объезжать все районы. Были за Нарвской заставой, за Невской заставой, в центре города, в конце концов израсходовали на извозчиков все деньги и на Васильевский остров пошли пешком».

Там, на Васильевском, предстояло расстаться[^] Рядом был дом, где квартировала Агата. А Куйбышеву еще тащиться на Выборгскую сторону — предостеречь еще одного товарища. Уже прощаясь, Агата все-таки объяснила, что произошло.

Квартирная хозяйка Куйбышева, финка, скупая и сварливая женщина, в десять часов потребовала, чтобы Агата ушла. Та возразила: «Я буду ждать своего товарища». Хозяйка пробормотала что-то угрожающее. Вскоре хлопнула дверь. Агата твердо решила — женщина пошла за полицией. Живо представила, что сулит появление полицейских, возможный обыск... Быстро оделась, вышла. К своему ужасу, увидела поднимающихся по лестнице околоточного надзирателя и квартирохозяйку. Прижалась в угол, в тень плохо освещенной лестницы. Ее не заметили...

«Этот рассказ был настолько правдоподобен, — продолжал диктовать Куйбышев, — что я не сомневался в том, что дело обстоит именно так... Я был убежден, что буду арестован. Я уже говорил, что у меня в портфеле было шесть револьверов. Литература — пустяк, это грозило тюрьмой, может быть, двумя годами, но оружие — это другое дело. Куда-нибудь его сдать не представлялось возможности, кроме передачи его той же Агате. Я ей передал свой портфель, она посоветовала мне не являться на квартиру и скрыться...

Я сказал ей, что иду домой, что бы там ни было. Видя мое твердое решение, Агата не стала возражать, и мы договорились, что если я не буду арестован, то должен на другой день побывать у нее, а если меня арестуют, то она через некоторое время придет ко мне в тюрьму на свидание.

Придя на Выборгскую сторону, я предупредил товарища, что он не должен являться ко мне на квартиру, и пошел домой. Вхожу в дом —

никаких признаков засады. Звоню в квартиру — хозяйка открывает мне с обычным видом и тут же спеша ковыляет в кухню, как это было десятки — раз... Вхожу в комнату — все в порядке. Выдвигаю ящик комода — литература здесь. Девять часов утра; солнце весело светит в окно. Я стою среди комнаты и недоумеваю. Вдруг меня разобрал страшный хохот над тем, что мы зря проплутали всю ночь. Я бросился на кровать и безмятежно заснул, не думая долго о развязке всей этой истории... Только вечером начал осторожно расспрашивать хозяйку. Она мне сказала, что... была какая-то девушка, которую она просила уйти, и так как последняя отказалась, то она пошла за полицейским в надежде, что он поможет выставить эту незнакомую ей девушку. Полицейский, встреченный ею на пути к своей квартире, которая находилась на два этажа выше моей, наотрез отказался помочь...

Занятый разными делами, я не шел к Яковлевой. Лишь через десять дней после этой трагикомической ночи я отправился к ней. В ответ на мой стук открылась дверь, и мне показалось, что ее открыла не Агата, а как будто какой-то совершенно другой человек: глаза ввалились, щеки впали, лицо бледное, на лице следы тяжелых тревог. Она на меня смотрела, как на выходца из иного мира.

— Кто вас освободил?

Я рассмеялся и сказал, что не был арестован. Гневу ее не было предела... В течение восьмидесяти дней она ходила по всем тюрьмам и справлялась, нет ли тут заключенного Куйбышева. Ей неизменно отвечали, что такого нет и что, очевидно, он находится в жандармском управлении. Она обошла все тюрьмы и в то утро, когда я пришел к ней, собралась уже идти в жандармское управление узнать о моей судьбе. Мой приход был очень кстати, ибо совершенно естественно, что ее визит в жандармское управление привел бы к моему аресту».

До ареста еще месяцы. И не в Петербурге. Из столицы Валериан благополучно уедет в марте. Вырвется из кольца, готового наглухо замкнуться. Ту старую комнату на Выборгской стороне у сварливой финки придется бросить еще до Нового года. Уж слишком часто поднаторевший в конспиративных тонкостях Куйбышев слышит за собой шаги далеко не случайных попутчиков. Филеры за спиной. Шпики в подворотнях соседних домов. С таким хвостом ничего путного не сделаешь. Не воспользуешься и явочной квартирой — нельзя рисковать приютившими людьми...

До свидания, Петербург. До следующей встречи. Их еще будет немало. Покончено единственно с карьерой врача.

Конец, в сущности, без начала. К занятиям в Военно-медицинской

академии Куйбышев так и не приступал. За делами более насущными.

В автобиографии бегло: «В марте 1906 года уехал в Сибирь, в город Кузнецк, где организовал нелегальный кружок социал-демократов-большевиков. Отпечатал несколько листовок».

В выборе города нет особого смысла, значения многообещающего. Просто очередное место службы Куйбышева-отца, воинского начальника. Немудрящее житейское обстоятельство — в отчий дом, — чтобы собраться с силами, является усталый, измотанный сын. В отличие от библейского глаз долу не опускает. На бабушкино сетование: «Негодник, опять ты упустил свое счастье!» — трясет кудрями. «Не надо, не гневайтесь, бабуля! Счастье во мне бьет ключом...»

Кузнецк — место временное. По-настоящему расправлять крылья не здесь — в Омске.

Исчез потомственный дворянин Куйбышев. Существует бездомный, неимущий мещанин Касаткин. При некоторых обстоятельствах еще Кукушкин, недорогой репетитор в купеческих домах.

Старается, учит... Составляет прокламации, издает листовки, ведет рабочие кружки. Из-за него и спор при выборах Омского комитета Российской социал-демократической рабочей партии. «Не слишком ли юн этот Касаткин? Стоит ли проводить в комитет?» — «Напротив, в юных годах его вижу дополнительное преимущество», — отстаивает своего духовного крестника вожак сибирских большевиков Константин Попов. Коренастый, беловолосый, с продолговатым, по-южному резко очерченным лицом и... раскосыми, монгольского типа, глазами. В недалеком будущем участник V съезда партии.

Недалекое будущее — тридцатое апреля — девятнадцатое мая 1907 года. А военный суд в Омске начался первого марта. Всего два месяца назад! Помощник секретаря Омского военно-окружного суда надворный советник Прохалев оглашает обвинительный акт:

«На основании пункта 6 статьи 19 правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении... 38 нижеследующих лиц: Попов... Куйбышев... Абрамович... Голоухов... Потапенко... Рыбаченко (он же Романенко)... Молодов... Судакова... Шапошников... привлекаются по обвинению в том, что они приняли участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в России государственного строя...»

Их берут в ночь с двадцатого на двадцать первое ноября минувшего, 1906 года. В самом начале городской конференции эсдеков. Только-только отгремел голос «Касаткина»: «Придуманный Аксельродом «рабочий съезд» — это похороны революционной партии... Мы революционеры, а не похоронных дел мастера! Мы за Ленина! Против Аксельрода!..» Хлопнули двери. Вбежал дозорный — пекарь Иван Чебоксаров, Курилка в просторечии. Выдохнул: «Окружили!..» Крик исправника: «Руки вверх! Будем стрелять!» Исправник, пристав, несколько офицеров наставляют револьверы. Заметно торопятся. Не обыскивают. С поднятыми руками выводят на улицу. Подталкивают в спину шашками. Под утро с чрезмерными предосторожностями доставляют в тюрьму.

Потом, на следствии, проясняется. Провокатор в предельном усердии

попутал своего благодетеля, исправника. Изобразил, будто в домишке на Скаковой улице, заарендованном семинаристом Молодовым, скликают боевую дружину. У всех оружие, бомбы. Если сразу не навалиться, не скрутить — разнесут на части. Исправник от себя добавил краски. На завтра-де назначены предерзкие экспроприации. Банк, торговые конторы... Генерал-губернатор Надаров лично выслушивает доклад. Тут же назначает героя исправника начальником боевой экспедиции. Подкрепляет его околоточных надзирателей казаками. В ущерб полицеймейстеру, жандармскому управлению. Аресты в черте города их привилегия.

У боевой дружины, у тридцати восьми отчаянных злодеев-террористов, находят оружие совершенно потрясающее — складной перочинный нож. Один на всех!

Российский самодержец повелел быть суду военному.

Так и телеграфировала гимназистка Женя Куйбышеву-отцу в Кузнецк: «Валериан арестован и предан военно-полевому суду».

Переполох жестокий. Подполковник знает: сегодня арестовали — максимум через сорок восемь часов приговор. Возможный — смертная казнь.

«Отец обезумел. Не теряя ни одной минуты, — отмечал впоследствии Валериан, — помчался на лошадях к железной дороге. Он рассказывал, что истратил на это путешествие огромную для его бюджета сумму, так как требовал такой скорости, что неоднократно падали лошади. Приехав в Омск, он бросился в тюрьму. Может быть, он еще застанет меня живым.

В омской тюрьме в этот день было свидание с заключенными. Отцу объяснили, что и он может повидаться со мной. Минут через двадцать меня приведут. Вдох облегчения. «Значит, жив! Но уже прошло более сорока восьми часов... Крохотный лучик надежды?»

В этой же камере для свидания находились родственники других арестованных вместе со мною, моих сопроцессников.

Отец, ничего не понимающий, сидел и прислушивался к разговору окружающих. Наконец, не выдержав, он обратился к молодому арестанту, беседовавшему со своей сестрой: «Вы знаете Куйбышева?» — «Ну, как не знать, мы с ним по одному делу».

Это был рабочий Шапошников, парень, обладающий большим чувством юмора. На вопрос отца: «Да как же это?» — он ответил: «Да так же, живем, хлеб жуем». — «Но, молодой человек, вы преданы военно-полевому суду!»

Шапошников рассмеялся: «Нет, батя, нас предали военно-окружному...» — «Так, значит, вам смерть не грозит?» — «Да ты что,

старик! Смерть!.. Ты, должно быть, отец Валериана? Какая там смерть, мы будем жить, доживем еще до победы!»

Отец понял, что произошло какое-то недоразумение. Он, мчавшись к Омску, считал более вероятным, что найдет где-то мою могилу, мечтал только об одном: чтобы застать меня живым и проститься со мной перед моей смертью. И вдруг совершенно все иначе: я не только жив, но жизни моей не угрожает никакая опасность. Что такое каторга, которая может быть в результате процесса в военно-окружном суде! Это же не смерть!

Когда мне сообщили, что приехал мой отец и пришел ко мне на свидание, мне было неприятно. Я думал: начнутся упреки, слезы, уговаривание... О телеграмме сестры я, конечно, не знал. Нехотя настроив себя на решительный отпор попыткам добиться от меня уклонений от взятой мною линии жизни, я пошел в камеру для свиданий. Вхожу и вдруг вижу отца не сердитым, а детски смеющимся. «Со слезами на глазах он бросился ко мне с объятиями. Целует, обнимает, радуется, как-то щупает меня всего, по-видимому желая осязать меня, не веря, что я жив.

Я недоумеваю. «Папа, в чем дело, почему вы так рады?» Он мне рассказал историю с телеграммой...»

Последние дни перед судом. В местном официозе, недавно учрежденной газете «Голос степи», приказ по Степному генерал-губернаторству. Военно-окружному суду при закрытых дверях приступить к слушанию по статье 126-й Уголовного Уложения дела 38 государственных преступников. Председательствовать на заседаниях генерал-майору Шуляковскому. При членах суда 9-го пехотного Сибирского Тобольского полка подполковниках фон Вирене и Бюрюкове, 3-го Сибирского казачьего полка войсковом старшине Фролове и 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка подполковнике Быкове. Обвинителем выступать помощнику военного прокурора подполковнику Горнеферу.

Не теряют даром времени и лица, совершившие преступные деяния. При том, что все они, за вычетом трех неблагонадежных девиц, пребывают в одной камере, туго набитой. Староста Валериан Куйбышев поблажек не дает. Строго требует, чтобы не отлынивали — занимались, читали, готовились к нелिцеприятным схваткам с двумя сопроцессниками, самыми старшими годами. Вроде бы вечное — восемнадцати-девятнадцатилетние юнцы против отцов, многоопытных, почтенных. Куйбышев с юнцами против Константина Попова и «товарища Анания». На конференции, что провалилась, «товарища Анания» отрекомендовали: «Представитель Центра». В камере он назвался: «Абрамович. Большевик. Бежал из

енисейской ссылки».

Всю правду знают Попов с Куйбышевым. «Товарищ Ананий», «Абрамович» — для отвода глаз полиции. Высокий, худощавый, доброжелательный человек с матово-бледным продолговатым лицом, давно не стриженной бородкой — непримиримый, беспощадный революционер Виргилий Шанцер...^[2] Председатель Московского комитета большевиков в 1905 году. Душа и мозг декабрьского вооруженного восстания. И великолепный знаток права, ученый юрист. Оратор необыкновенного дара. С легкой руки Ильича эсдеки много лет зовут его «Маратом». Российским Маратом!

Юнцы крупно спорят с Константином Поповым, с Виргилием Шанцером. По двум предметам схватываются. Один подброшен многоопытными отцами, чтобы отточить оружие. Что-то близкое солдатским учениям, военным маневрам. Попов или Шанцер, иногда вдвоем, излагают взгляды меньшевиков, эсеров, анархистов. Молодые обязаны опровергнуть. Правоту свою большевистскую утвердить. Без пустозвонства и раздражающих насмешек.

Жизнь скоро предоставит случай побороться со стопроцентными меньшевиками. Тут же, в тюрьме. В комнате свиданий однажды сходятся два состава Омского комитета. Старый, арестованный на конференции, и вновь составленный, с креном в сторону тишайших поборников легальной простолыпинской партии. Со стороны должно выглядеть как сердечное свидание родственников, ближайших друзей. Времени в обрез. Страсти накалены до предела. Или — или! Мандат на V съезд РСДРП только один. Верх одержит тот, кто сумеет в быстрые минуты представить неотразимые доводы в пользу своей позиции. Ленинцы или отступники?

Заглядывает надзиратель. «Быстрее! Срок свидания не может быть продлен».

Золотая середина исключена. Кому мандат?

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «Мы все же большинством голосов избрали Шанцера и кандидатом Попова. В надежде на то, что им так или иначе удастся освободиться»^[3].

О возможности освободиться, повернуть судьбу — спор второй.

Декларация Шанцера, весьма озабоченного:

— Друзья, вы в большинстве молодые революционеры, не знающие еще ни ссылки, ни тюрьмы, ни каторги. И может быть, поэтому вы так легко отнеслись к предложению заняться демонстрациями на следствии и суде. Вы решили войти в зал с пением «Марсельезы», чтобы вас тут же

выставили и процесс продолжался в отсутствие подсудимых. Наивная забава. Никто «Марсельезы» нашей не услышит, никто о ней не узнает...

Я предупреждаю вас, что, по-видимому, дело принимает серьезный оборот. Очень может быть, что все мы пойдем на долгосрочную каторгу.

Уверенные голоса:

— Нас освободит революция!

— Я не хочу, чтобы меня освобождала революция, — парирует Шанцер. — Я хочу революцию делать!.. Вы должны предоставить нам с Поповым — Константин Андреевич юрист, я... человек опытный в такого рода процессах — возможность использовать все ошибки, допущенные во время ареста и ведения следствия. Мы постараемся скомпрометировать полицию, обвинителей, повлиять на приговор.

Защитников со стороны, думаю, приглашать не надо. Но это необходимо подвергнуть тайному голосованию. Если даже значительная группа лиц выскажется за защиту, то мы с Поповым считаем, что меньшинство имеет право на свободу действий.

Бурный взрыв негодования. Нет, нет! В общение с царским судом не вступать. Высказать абсолютное презрение! Все другое недостойно революционеров. «Марсельеза», и никакой защиты!..

Слышатся и голоса жалостливые. Если «товарищу Ананию» или Константину Андреевичу каторга больше не по силам, никто не осудит. Они, конечно, свое отсидели в местах, куда Макар телят не гоняет... Перед их побегами с Лены, с Ангары мы снимаем шапки. Теперь наш черед!

Втайне отцы радуются. Гордятся юнцами. Виду показать нельзя. В голос приходится подбавить металлу. Напомнить, что «товарищ Ананий» — представитель Центра. Что партия большевиков с первого часа отличается от всех других марксистской программой, революционной тактикой, единой волей и железной дисциплиной.

Не обходится и без строгого разговора со старостой камеры Валерианом. Константин Андреевич напоминает: «Вы знаете, я от вас не скрывал с первого дня, кто такой «товарищ Ананий». Его роль и место в партии. Помимо всего, он крупнейший русский юрист. Политические процессы его конек... Надеюсь, я достаточно хорошо объясняю...»

Последнее тайное голосование. Тридцать пять участников. Тридцать соглашаются на суд прийти. Показаний не давать. Защитников не приглашать. Шанцеру и Попову полная свобода действий.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «Начинается допрос свидетелей — полицейских и казаков, нас арестовавших. Первым вызывается исправник. Он лихо влетает в зал, козыряет суду, звенит шпорами и бойко отвечает на вопросы

председательствующего. Так как нет защиты, то генерал обращается к обвиняемым, не будет ли с вашей стороны вопросов. Поднимается Попов:

«Скажите, пожалуйста, господин исправник, на каком основании вы нас арестовали, тогда как мы находились в черте города, иными словами, мы были подвластны или жандармскому управлению, или полицеймейстеру города Омска?»

Исправник пришел в страшное негодование, что-то зарычал и делал какие-то жесты, показывающие, что он не хочет отвечать на столь дерзкий вопрос обвиняемого. Тогда председательствующий говорит ему: «Нет, будьте добры ответить». Вся спесь с исправника немедленно слетела. Он начинает лепетать, что он с Иван Ивановичем, полицеймейстером Омска, большие приятели. Иной раз он помогает Иван Ивановичу, иной раз Иван Иванович оказывает ему услугу.

Скамья подсудимых хохочет. Хохот еще больше усиливается, когда мы слышим голос генерала: «Ну, знаете, дружба дружбой, а служба службой».

Попов вновь старается добиться от свидетеля более толкового разъяснения, почему он арестовал нас, а не полицеймейстер. Ответа получить нельзя. Исправник, как мокрая курица, садится.

Второй свидетель — околоточный надзиратель, производивший обыск в комнате Молодова, после того как казаки нас увели. Молодое в камере делился — говорил, что ему были доставлены все вещи, кроме брюк и портмоне, что лежало в кармане брюк. В портмоне было десять рублей. Мы этому не придали значения. Но наши «защитники» Попов и Шанцер отлично учли и использовали.

Попов обращается к околоточному: «Вы обыскивали комнату Молодова?» — «Да, я». — «Там был сундук с вещами?» — «Да, был». — «Там были брюки и десять рублей в кошельке?» — «Да, были».

Тогда Попов, раньше не уверенный, что ему удастся поймать эту ниточку, уже прокурорским тоном начинает допрашивать свидетеля, несколько издеваясь над ним: «А скажите, пожалуйста, куда вы дели эти десять рублей?» Околоточный, грубый и тупой, ничего не подозревая, сообщает, что он эти деньги передал господину полицеймейстеру, который прибыл на место ареста уже после нашего увода. Ниточка схвачена...

Вызывают полицеймейстера Шмонина. Председательствующий задает ему формальные вопросы. Он отвечает. Все мирно до вмешательства Попова. «Господин полицеймейстер, во-первых, почему мы были арестованы исправником, а не вами? Во-вторых, вам переданы десять рублей. Они не возвращены обвиняемому Молодову».

Полицеймейстер не знает, что было в зале до него, он только что

вызван из комнаты свидетелей. Повторяется сцена с исправником. Господин Шмонин тоже гордо заявляет о своем отказе отвечать на вопросы обвиняемых. Тоже рычит, шипит, шея его багровеет. Генерал снова приказывает отвечать. Полицеймейстер выдавливая из себя, что деньги, действительно, были, но, кому потом он их передал, сейчас никак не может вспомнить. Попов просит суд занести в протокол, что деньги попадали из кармана в карман и в чьем-то кармане прочно осели. Подсудимые заливаются. Едва сдерживаются конвойные. Даже офицеры — члены суда руками закрывают рот, чтобы не выдать улыбок. Генерал перешептывается с офицерами и потом заявляет, что в такой редакции это занес в протокол нельзя. Но он считает правильным, что в протокол было записано: деньги не были возвращены обвиняемому Молодову.

Поднимается прокурор. Это его первое выступление. Мы ждем какой-то каверзы. Он просит слова, делает большую паузу. Наконец слышим: «Я прошу занести в протокол... (Еще большая пауза.) Я прошу занести в протокол, что брюки также пропали».

Скамья подсудимых уже не сдерживается и не хохочет, а гогочет. Генерал близок к тому, чтобы прыснуть. Полицейские сидят посрамленные, уличенные в воровстве и подлогах. Попов все время задает каждому из свидетелей вопрос: не он ли принес и подбросил прокламации? Похоже, у суда начало складываться впечатление, что дело в значительной мере дутое и что полицейские изрядно компрометируют власти.

...Следствие закончено. Выступает прокурор. «Есть все основания утверждать, что суд имеет дело с социал-демократической организацией. Надлежит применить статью 126... Четыре года каторги...»

Последнее слово подсудимым. Мы сидели на скамье по алфавиту. Первым должен говорить Абрамович — Шанцер.

«Господин Абрамович, хотите ли вы воспользоваться последним словом?» — «Пожалуй, воспользуюсь».

Он начинает речь сначала несколько вяло. Мы смотрим на него с недоумением. Потом постепенно расходится, и зал оглашается такой речью, какую, я думаю, едва ли слышал когда-нибудь омский суд. Это была не оправдательная речь, а речь обвинителя против полиции, против ее методов, против самодержавия. Естественно, Шанцер не перегнул палки в части обобщений и атак царского строя. Но это сквозило в каждом его слове. Полицию он так раздал, что от нее не осталось живого места. Воровство, подлоги, кумовство — все это было им использовано, и использовано необыкновенно ярко и полно. Даже мы, знавшие Шапцера уже в течение пяти месяцев, слушали его раскрыв рот. Тюремная

обстановка не давала повода для проявления его столь большого, столь исключительного ораторского таланта. Я в жизни своей не встречал такого большого оратора!

Дальше началась перекличка по алфавиту остальные обвиняемых. Все мы отказываемся от права воспользоваться последним словом. Доходит очередь до Попова. Ой берет слово и не столь талантливо, не столь горячо, Во с поразительной логикой, более детально доказывает те положения, которые только что привел в своей речи Шанцер.

Суд удаляется на совещание...

Наконец нас ведут в зал заседания. Команда: «Встать, «уд идет!»

Председательствующий читает приговор. «Признать всех обвиняемых... по 126-й статье Уголовного Уложения оправданными за неимением доказательств. Признать всех обвиняемых виновными по 124-й статье Уголовного Уложения и приговорить каждого к одному месяцу крепости».

Мы вернулись в камеру. Может быть, это было продиктовано молодостью (мне еще не было 18 лет), но я был страшно огорчен этим приговором: или воля, или каторга, а то вдруг один месяц крепости!»

Валериана насколько возможно утешает генерал-губернатор Степного края Надаров. Приговор военного суда — насмешка над ним, генерал-губернатором. Аз воздам!

Куйбышеву, всем другим участникам процесса приказано немедленно отправляться в административную ссылку. Под неусыпный надзор полиции. Там кто к чему себя предназначает. Для борьбы или для смирения.

Все с интригующим грифом: «Секретно. Совершенно доверительно».

Начальник томского охранного отделения в Санкт-Петербург. Двадцать четвертого мая 1907 года (это два неполных месяца после процесса в омском военно-окружном суде):

«Имею честь представить Департаменту полиции, что главными руководителями и пропагандистами «военной организации при Томском Комитете Российской Социал-демократической партии», по агентурным сведениям отделения, являются нижеследующие лица: студенты-технологи Георгий Артуров-Крауз, Владимир Михайлов Сафьяников, без определенных занятий Валериан Владимирович Куйбышев...»

Директор департамента полиции в Томск. По телеграфу пятого июня:

«Военную организацию эсдеков ликвидировать без всякого отлагательства. Обыски самые тщательные. Аресты независимо от результатов обысков безусловные».

Из Томска в Санкт-Петербург. Дешеша около полуночи седьмого июня:

«Не имеющий определенных занятий Куйбышев в конце мая выбыл в Петропавловск. О чем сделано надлежащее сообщение».

Сообщение — бумага. Казенная, пронумерованная, а все-таки бумага. В какие руки попадет — такая и польза. В Петропавловске чины вовсе не расторопные, мыслей небогатых. Полный месяц в соображение взять не могут, что внезапно объявившейся в городе издатель предерзкой газеты «Степная жизнь» есть разыскиваемый во всех местностях империи враг престола Куйбышев Валериан. Приходится самому губернатору взять на себя труд газету закрыть^[4]. Смутьян фюить! Опять из рук ушел. По прошествии времени узнается: из Петропавловска перемахнул в Каинск, из Каинска в Томск, из Томска в Челябинск будто...

Еще один поступок предерзкий. Занесенный в розыскной по империи список, Куйбышев перед началом осенней сессии подает прошение в Томский технологический институт. Неловко за господина директора, начертал он резолюцию: «Зачислить на 1-й курс!» Ноября тринадцатого числа пришлось ему писать в окружной суд. Опять же совершенно доверительно. «Уволенным из числа студентов Томского технологического института считается Валериан Куйбышев, и его документы высланы через Каинское уездное полицейское управление...»

Бог с ними, с теми документами. Они Валериану сейчас ни к чему. В

Петербурге он сдал на прописку совсем другой «вид на жительство». Отличный паспорт на имя Андрея Степановича Соколова. Ни одна буква не исправлена. Все в полной неприкосновенности.

Если бы еще к тому паспорту хотя бы одну уцелевшую явку. В столице только что отбушевала очередная волна арестов. Которая по счету после третьеиюньского переворота Столыпина?! Орудия главного калибра все бьют ро большевикам. По противнику непримиримому.

Валериан ищет связи с подпольем. Для хлеба насущного — частные уроки, старая профессия репетитора. Нет — так работа на песчаном карьере. Лопатой сбрасывать песок вниз, на площадку, где нагружают тачки.

В свободный день с утра отправляется на Стрелку. В воскресенье там, на взморье, много служилого люда. Может, и встретится нужный человек.

Судьба благосклонна. «Я только что поднялся со скамьи, — описывает Валериан, — и с газетой в руках шел по аллее. Навстречу товарищ, с которым я работал некоторое время в Петропавловске. Мы бросились друг другу в объятия. Целуемся, жмем руки. Он обращается ко мне: «А как тебя теперь звать?» В Сибири мы оба действовали под партийными кличками, настоящих имен не знали. Я говорю, что меня зовут Андреем. «Вот здорово! Я тоже Андрей. А как твоё отчество?» — «Степаныч». — «Ты что? Я тоже Степаныч. А как фамилия?» — «Соколов». — «Я тоже Соколов. Какой губернии?» — «Новгородской». — «Какого уезда?» — «Череповецкого». — «Где ты взял мой паспорт?»

Я, толком ничего не понимая, ответил, что паспорт получил у челябинских эсдеков. «Правильно! Когда меня угоняли в ссылку, я передал паспорт товарищу из Челябинского комитета».

Положение создалось щекотливое. Хорошо, что подлинный Соколов приехал в Петербург только позавчера — и наши паспорта, заверенные в разных районах, еще не встретились в Центральном паспортном бюро, поэтому пока и не обнаружилось, что в городе появились два лица с совершенно одинаковыми «видами на жительство». Андрей остановился за Нарвской заставой, я жил на Петербургской стороне...

Естественно, поскольку он Соколов, а я не Соколов, он имел все преимущества для того, чтобы владеть этим паспортом. Значит, мне надо каким-то образом исчезнуть из Петербурга».

А что, если попытаться... Валериан обращается за протекцией к старшему дворнику. Не возьмется ли он поспособствовать в получении заграничного паспорта. «Можно-с. С полным удовольствием... коли господин Соколов не очень стеснен деньгами». Куйбышев с повышенной

готовностью достает золотую пятирублевку, сбереженную на чрезвычайный случай. Через день-другой в полицейском участке выписывается свидетельство в том, что Соколов Андрей Степаныч под судом и следствием не состоит. Благонадежен! Теперь получить желанный паспорт дело совсем плевое.

Поезд уходит утром.

«С вечера я уложил чемодан, — описывает далее Валериан. — Связал подушку и одеяло. Решил, что ночь можно или не спать, или подремать на портпледe, задрав ноги на чемодан. Так лежу, покуриваю и с наслаждением представляю себе, как я окажусь за границей. Я там никогда не бывал и не рассчитывал оставаться надолго. Повидаюсь с Лениным. Отведу душу. Получу новые поручения. И назад, в свои палестины. Может быть, в Питер, может быть, в Сибирь?.. Разволновался. Никак не успокоиться.

На землю возвращает громкий, требовательный стук в дверь. Входит товарищ, с которым я познакомился совершенно случайно. Страшно возбужден, бегаеt по комнате, ничего не замечает. Уложенный чемодан, связанная постель, явные приготовления к отъезду — мимо его внимания.

Я спрашиваю, в чем дело. Он машет рукой — да нет, ты не можешь помочь — и продолжает ходить по комнате. Я пристал: «В чем дело? Может быть, я помогу?» Он объяснил: «Сегодня в Петербург приехал один человек, которому за Московское вооруженное восстание грозит смертная казнь. Его надо отправить за границу, а я не могу найти паспорт».

Я усталился на него. Паспорт для товарища, которому грозит смерть... Я ему отдал свой заграничный паспорт.

Трудно описать восторг, который охватил моего гостя. Он то хохотал, то начинал плакать, обнимал меня. Был так рад, что даже не спросил, что будет дальше со мной, и стрелой вылетел из комнаты, чтобы передать заграничный паспорт осужденному на смерть.

Все произошло так быстро, что я не узнал фамилии человека, которому оказал услугу. Но это было неважно».

Ехать Валериану все-таки придется. Недели через две с Николаевского вокзала. В томскую тюрьму.

Август, сентябрь, октябрь 1908 года он проведет в одиночной камере. В ожидании, куда высокие власти решат, можно ли довольствоваться водворением злонамеренного беглеца в ранее выбранное ему место административной высылки — город Каинск. Или надлежит из высших государственных соображений загнать куда подальше. Не спеша идут казенные бумаги из Томска в Санкт-Петербург. Из Санкт-Петербурга в Томск.

Заклученный Куйбышев покамест стихи сочиняет. На волю передает,
ухитряется.

*Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает.
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.*

*Радость жизни, радость битвы
Пусть умчит унынья след,
Прочь же, робкие молитвы!
Им уж в сердце места нет.*

*В сердце дерзость. Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.*

*Горе выпадет на долю —
Бури шум поможет нам
Закалить страданьем волю,
Но не пасть к его ногам.*

*Будем жить. Любовь? Чудесно!
В бурю любитесь сильней.
Ярче чувства, сердцу тесно
Биться лишь в груди своей.*

*Так полюбим! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах,
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.*

*Наслаждение мыслью смелой
Понесем с собою в бой
И удар рукой умелой
Мы направим в строй гнилой.*

Будем жить, страдать, смеяться,

*Будем мыслить, петь, любить.
Бури вторят, ветры злятся...
Славно, братцы, в бурю жить!*

*Ну-те ж в волны! Жизни море
Вскинет нас в своих волнах.
И любовь, и жизнь, и горе
Скроем мы в его цветах.*

В высоких сферах окончательно склоняются: водворить под гласный надзор полиции в Каинск^[5]. И тамошнему воинскому начальнику Куйбышеву строго вменить постоянное иметь попечение о блудном сыне.

Иметь попечение... Много лет назад наставлял Владимир Яковлевич: «Помни, Воля, о декабристах». Ну как же! Были и они в малом тихом городке Каинске на старом Московском тракте. Принимал их в своем доме городничий Степанов. Радужно потчевал. Свои виды развивал о насаждении просвещения в сибирской глухомани. В записях декабриста Ивана Пущина тем беседам с городничим подтверждение и высокая похвала.

По пути на Сахалин Каинск навестил доктор Чехов, Антон Павлович. Не обошел вниманием его также Максим Горький. В «Климе Самгине» описал историю, в подробностях известную Валериану. О том, как самые толстые в империи каинские купцы отвалили крупную сумму ради того, чтобы выставить себя на всероссийское посмешище. Умаслили инженера Кокоша. Он смилостивился, отвел от Каинска грохочущую, сотрясающую основы чугунок. Транссибирская магистраль прошла в стороне. В двенадцати верстах южнее поднялся злой конкурент, центр купли-продажи Барабинск. Поначалу железнодорожная станция, потом и город.

В Барабинске все наискорые поезда останавливаются. Торговые люди выходят. Всякий груз выгружают. А что для Каинска предназначено — на подводы и по тракту тишком. Таким манером в серый апрельский день, чуть тронутый оттепелью, в каинскую почтовую контору прибыла посылка. Деревянный ящик, зашитый в коленкор. Из Киева. Куйбышеву, воинскому начальнику. Тут же явился господин Шеремет, уездный исправник. С поспешностью чрезвычайной посылку заарестовал.

В собственноручном описании исправника его превосходительству томскому губернатору:

«1 мая 1909 г.

...В порядке 1035-й и 258-й статей Установления уголовного судопроизводства мною произведена выемка посылки. По вскрытии в ней оказалась нелегальная литература в виде периодических местного и заграничного изданий Российской с.-д. партии. Кроме адреса, на обшивке посылки, на верхней и нижней крышках написано: «Валериану».

Ввиду означенных данных мною арестованы оба сына Куйбышева — Валериан и Анатолий Владимировы Куйбышевы...

Об изложенном доношу Вашему превосходительству, докладывая, что дело о Куйбышевых передано начальнику губернского жандармского управления 1 мая за № 313.

Присовокупляю: Уездный воинский начальник Куйбышев с марта месяца выехал в Петербург для лечения».

Снова беспокойство его превосходительству губернатору. На этот раз от полковника Романова. Однофамильца самодержца русского. Начальника томского жандармского управления.

«12 мая 1909 г. *секретно*.

На основании 21-й статьи о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия прошу распоряжения Вашего превосходительства о продлении ареста политическим арестантам Анатолию и Валериану К_у_й_б_ы_ш_е_в_ы_м, содержащимся в Каинском тюремном замке».

Губернатор препятствий для продолжения ареста не видит. Одно только надлежит изменить. Опасных заключенных побыстрее доставить в губернский центр. В политический корпус тюрьмы. Место надежное. Пусть себе сидят сколько понадобится.

Г утра шестнадцатого мая адъютант губернского жандармского управления штабс-ротмистр Соболев в присутствии товарища прокурора томского суда Станевича приступает к допросу «нижепоименованного Куйбышева В. В.^[6] в качестве обвиняемого».

В протокол № 5 вносится огорчительное:

«Виновным себя не признаю.

Посылка эта предназначалась не моему отцу, а мне, но кем именно она была отправлена, я не знаю. Думаю, что кто-нибудь из тех, с кем встречался в прошлом или кто слышал, что я привлекался к делу о государственном преступлении. Другими словами, личностью, осведомленной о моих оппозиционных убеждениях.

Ничего другого объяснять не намерен. Дальнейших показаний давать не желаю».

Чины особого корпуса жандармов щепетильно соблюдают этикет. Им

ведомо, читать чужие, очень личные письма — занятие вовсе непристойное. Другое дело, если подлое занятие назвать «осмотр отобранного». Тогда штабс-ротмистр, с ним товарищ прокурора — вполне в рамках.

Места позавлекательнее копируют:

«Получила от тебя письмо, Валерьянушка, и была очень рада... Хотелось бы, конечно, более подробно написать тебе о переменах моей жизни, да бумаге не доверяю... Если бы ты дал хороший адрес для писем и посылок. Хорошо достать адрес и для Томска... Приструнь наших, пусть пишут. Ну пока прощай. Твоя Лена.

Киев. Высшие женские медицинские курсы. Тарасовская, 6. Елене Финн».

Обильная пища для жандармских размышлений. Семь писем одним почерком. За подписью Лена, Елена, Елена Финн. Фамилия Финн всегда жирно подчеркнута. Неотложное поручение киевской охранке: «Выяснить личность Елены Финн. Безусловно ее арестовать».

Запрос в Омск. Кто такая «Нюра»? От нее также письмо Валериану Куйбышеву.

Послание коллегам в Санкт-Петербург. Покорнейшая просьба допросить в качестве свидетеля подполковника Владимира Яковлевича Куйбышева, находящегося на излечении в одном из столичных госпиталей. Предложить ему осветить и личность «Александра». Три письма последнего прилагаются.

Переписка «по встретившейся надобности» на месяцы. Включатся Рига и Семипалатинск. Киев призовет на подмогу московское и екатеринославское жандармские управления. Обыски, расспросы, дознания...

Покуда длятся все эти трудные занятия, нетерпеливый подследственный Куйбышев подает протест начальнику тюрьмы: «Мне до сего времени не возвращены отобранные при аресте лекции по общей теории права, латинская грамматика, сборники «Жизнь» и «На рубеже»...»

Заводит свое «расписание дня»... Куда бы жизнь ни заносила Валериана Куйбышева, на какие ступени ни ставила — от воспитанника кадетского корпуса до члена Политбюро Центрального Комитета партии, — всегда «расписание дня». Сейчас, в одиночке томской тюрьмы, от восьми с половиной часов до девяти с половиной — занятия правом; от четырех пополудни до восьми — занятия правом; в промежутке — немецкий язык; перед отбоем два часа — книги; полчаса — гимнастика.

Прицел куда более дальний, чем затянувшаяся схватка из-за посылки.

Для этой текущей цели хватит науки, преподанной «Маратом» в омском остроге. И достаточно схожая зацепка. Опять исправник пренебрег наставлением драгоценного Козьмы Пруткова: «Прежде чем войти — подумай, как выйти!» «Выемку» посылки он учинил в почтовой конторе до того, как к ящику, обшитому коленкором, прикоснулся кто-нибудь из Куйбышевых. Вскрыл в их отсутствие.

Правда. Чистая правда. Намерения у Куйбышева самые благопристойные. Получить высшее юридическое образование. И так как задумка созрела в Каинске, то не будет слишком большим отступлением от истины прошение ректору университета, написанное в тюрьме, пометить: «Город Каинск. 31 мая 1909 г.».

В Томске у Куйбышева много друзей. Находится свой человек и в канцелярии губернатора. Умасливает нужного чиновника. Тот колеблется, прикидывает: свидетельство о политической благонадежности Куйбышеву? Это которому? Затруднительно до невозможности... На той неделе за подписью самого губернатора отписали министру внутренних дел и министру военному: «Все члены семьи подполковника Куйбышева в большей или меньшей степени, по поведению и сношениям с лицами, скомпрометированными в политическом отношении, считались неблагонадежными... Сам подполковник, получая разные конспиративные письма и посылки на имя заведомо неблагонадежных лиц и передавая эти письма по назначению, был посредником в нелегальных сношениях и, несомненно, не мог не сознавать, что он действует в партийных интересах».

На донесение 19-22. 12-12.
1 день - Исгорин + Белор.

2 день - 2х. георг. + Нем. аз.

3 день - Мажем. + Белор.

4 день - Исгорин + Нем. аз.

5 день - Мажем. + Белор.

6 день - Маркс + Нем. аз.

Ну, да на все промысел божий. В подходящий момент свидетельство о благонадежности размашисто подписывает вице-губернатор. Сам в отъезде...

В обычный срок — во второй половине августа ректор принимает благосклонное решение. На юридическом факультете заводят личное дело за порядковым номером 134. На студента первого курса Куйбышева В. В.

Остановка за самым небольшим. Возможностью покинуть тюрьму.

Как-то не по себе и жандармскому полковнику Романову. Обременяют также рассуждения невеселые. За четыре месяца обстоятельства дела вовсе не разъяснились. Категорических улик против Куйбышева нет. Личность Елены Финн не раскрыта. Подозрения... Подозрения... Что докладывать его высокопревосходительству директору департамента полиции? Вчерашний день губернатор неодобрительно хмыкал... Некий внутренний голос нашептывает полковнику: «Штабс-ротмистра Соболева отстранить. Дознание передать в руки подполковника Лукина».

Подполковник — хорошо натасканный служака. Репутацию свою оправдывает. По крайней мере в глазах начальника губернского жандармского управления. Господин Романов вполне одобряет хитроумнейший план. Куйбышева из заключения освободить, чтобы начать охоту с подсадной уткой. Уверенный в том, что все подозрения отведены, Куйбышев поспешит восстановить связи с подпольем. Выйдет на известные ему явки. Черкнет тому, другому... Неотступно следуют самые способные агенты. Переписка перлюстрируется... Бьем на взлете дуплетом!

Двадцатого сентября Валериан впервые в университетской аудитории. Впереди два — целых два! — счастливых месяца. До депеши из Тюмени. Нового, теперь уже последнего, места службы Владимира Яковлевича. Родные просят Волю приехать сразу, немедленно. Отец хочет попрощаться... Не успеет. Кровоизлияние в мозг (последствие ранения и контузии в русско-японскую войну) оборвет жизнь Куйбышева-старшего. Двадцать четвертого ноября 1909 года.

Валериан приходит на кладбище по первому в том году снегу. Сын прощения не просит. По его убеждению, отец обиды на сына не имел. Отец понимал!

Перед возвращением в Томск Валериан уговорил Юлию Николаевну, чтобы на могилу отца была возложена чугунная доска. И выбито: «Дети твои тебя никогда не забудут и будут такими же честными тружениками, каким был ты. В этом твоя награда».

Занятия юриспруденцией продолжаются и в новом году. С малой поправкой. Вместо лекций в университетских аудиториях практический курс. По расписанию, не всегда зависящему от Куйбышева. Когда доставят из исправительного арестантского отделения № 1 в кабинет подполковника Лукина.

«Виновным себя в принадлежности к томской организации социалистов-революционеров я не признаю и никогда к таковой не принадлежал... По своим взглядам скорее мог бы разделить некоторые принципы социал-демократов, но ни в коем случае не социалистов-революционеров».

В строго классическом виде охота с подсадной уткой не увенчалась пиршеством. Пришлось несколько импровизировать. Причислить Куйбышева к лику эсеров. Кстати, их организацию только что выдал провокатор.

С ночи на пятнадцатое февраля все та же постановка. Вызов из тюрьмы. Расспросы о здравии, об условиях содержания. Добрые советы дворянина дворянину. «Извольте прекратить бесполезную игру. Подумайте о своем будущем, о матери-вдове, тяжело обремененной содержанием малолетних дочерей... Начните давать показания. Все обойдется малым сроком. Мы знаем, социалисты-революционеры большого доверия вам не оказывали ввиду недавней принадлежности к эсдекам крайне левого толка. Большевики, ха-ха, одинаково нежелательны во всех кругах и общественных направлениях!.. Ну-с, я готов записывать».

Подталкивает, загоняет в угол жандармский подполковник. Понимает: для Куйбышева обвинение в уходе от большевиков к эсерам тяжкое оскорбление. На то и бьет.

Терпение. Еще терпение. Оно вознаградит за все. Революционера или жандармского подполковника?

Валериан на грани допустимого законами конспирации. В протоколе дознания: «...По своим взглядам скорее мог бы разделить некоторые принципы социал-демократов, но ни в коем случае не социалистов-революционеров!»

Руку помощи подполковнику Лукину протягивает Киев. Установлена личность Елены Финн. Она арестована, допрошена, в арестантском вагоне отправлена в Томск. Игре в кошки-мышки вот-вот конец.

Майский полдень. Все пронизано солнцем. Много света. И сидят они так близко. Стул против стула. Очная ставка.

Ее в самом деле зовут Лена, Елена. Она подруга сестры Нади по

омской казенной гимназии, по коммуне. «Жить вместе, ни от кого не зависеть и чтобы много книг, тайных, запрещенных...» С субботы на воскресенье в коммуну приходит кадет Воля. Читают, обдумывают разное, все будоражащее.

Узнать друг друга, заглянуть в глаза, улыбнуться вполне можно. Скрывать знакомство — пустое. Псевдоним Елены раскрыт трудными усилиями трех губернских жандармских управлений: киевского, московского, екатеринославского. Нет Елены Финн. Есть Елена Ревзон. Двадцати трех лет. Лицо для государственной власти настолько опасное, что на самое короткое время нельзя отпустить в больницу немного подлечиться. Притом, что «Совещательное присутствие врачебного отдела губернского тюремного правления всеми голосами признает: дальнейшее пребывание в заключении угрожает полным, непоправимым расстройством здоровья».

Заполняется последний, 307-й по счету, лист дела о посылке:

«Ревзон, проживая в 1909 году в г. Киеве, вступила в РСДРП, вела конспиративную переписку и переотправку нелегальной литературы. В. Куйбышев, также участвуя в РСДРП, вел конспиративную переписку и принял на себя обязанность распространять нелегальную литературу».

Оба охотно признают: «Да, мы знакомы с юношеских лет. После отъезда Елены из Омска изредка обменивались почтовыми открытками. Да, посылка из Киева была отправлена. С домашними безделицами для Куйбышева. Посылку в почтовой конторе перехватил каинский исправник господин Шеремет. В целях явно недобрых. Иначе Зачем бы он стал вскрывать чужую посылку?.. Вы утверждаете, что ящик был переполнен нелегальными изданиями. Тем хуже, значит, совершен подлог. Да, требуем, чтобы на скамью подсудимых был посажен исправник».

На исправника замахиваться не надо. Лицо должностное. Куйбышев того не знает, а господин Шеремет уже переведен из Каинска в Томск. В самом непродолжительном времени Валериану быть под его державной рукой.

Пока суд над государственными злоумышленниками Валерианом Куйбышевым и Еленой Ревзон. Почти что формы ради. Заблаговременно прокурор судебной палаты предупредил губернатора: «Самые старательные члены присутствия, боюсь, не сумеют изобразить чего-либо подходящего. Обвинительный материал слишком жидок. Карточный домик!»

Губернатор снесся с министром внутренних дел. Министр вошел в положение. Бумага в Томск доставлена. Ждет.

В субботу, семнадцатого июля, к вечеру вынесен приговор. Оправдательный. Губернатор требует к себе полицеймейстера. Полицеймейстер — исправника. Исправник Шерemet службу знает. Ближайшим рейсом из Томска в Нарым отправляется пароход «Смелый». В трюме, как обычно, партия ссыльных. Бывший студент Куйбышев внесен в списки. Извольте убедиться!

Санкт-петербургская бумага в действии.

Другу Руфине Райх. Фине. Елочке.

«Несколько часов спустя по приезде 3 июля^[7] 1910 года.

Привет из далекого, заброшенного Нарыма...»

Был еще Петербург. Место первой встречи. Первой размолвки. Первой разлуки. Из-за ареста Валериана и отправки в томскую тюрьму.

То первое, петербургское, письмо обязательно нужно.

«Помнишь вчерашнее утро. Ты пришла грустная, с тоской в душе, с «ерундой». И мы совместными усилиями разогнали эту «ерунду». Ты повеселела и сказала, что теперь ты можешь читать, что теперь ты способна к живым восприятиям...

Я тоже чувствовал себя хорошо. Я почувствовал какую-то душевную бодрость. «Отвага и сила kloкотала в груди». Чего же еще надо? Очевидно, наша дружба может дать нам обоим хоть маленькие искорки счастья. И слава ей!..

Я и смотрю на нашу дружбу как на союз борьбы с этой «ерундой». Мы подали друг другу руки, и вдвоем мы будем гораздо сильнее...

Итак, Фина, я опять верю в возможность нашей дружбы и протягиваю тебе руку, твое дело — взять ее или нет. И даю слово, что повторения сегодняшних сомнений не будет. Сейчас, по крайней мере, я чувствую в себе силу и способность сделать нашу дружбу хорошей, светлой, улыбающейся. И верю, что она даст нам много искорок счастья. Ну, что скажешь, друг?»

Теперь за Валерианом в Нарым.

«...Ничего страшного Нарым не представляет. Это обычная заброшенная деревенька. Но скука, должно быть, ужасная. Окрестности плоховаты: болото, хотя версты за полторы есть бор сосновый. Жду с нетерпением от тебя письма или приезда? Скверно пока я устроился с квартирой... В субботу, кажется, пойдет почта, и я тебе напишу подробно».

«6 августа 1910 года.

Я первый раз в жизни участвовал в тушении пожара. Горели амбары какого-то богача, но если бы дать огню распространиться (а ветер был большой), то мог сгореть весь город. Вначале я только метался и не знал, что делать. То бросишься к этому огромному пылающему костру, охватит тебя жаром, дымом задушит, и отбежишь, растерянный, не зная, за что взяться. То бросишься к пожарной машине, посуетишься там и опять

бежишь к огню. Думаю, что комичный был у меня в это время вид! Но потом, когда освоился, дело пошло. Разрушал здания, растаскивал горящие бревна, качал воду, заливал пожарными рукавами огонь... Это море огня; позабыл, что горит всего лишь жалкий дом в жалком городе Нарыме. Гаршинский красный цветок, который достаточно сорвать, чтобы над землей взошло солнце и счастье, — такое было ощущение. Проработал я на пожаре до 4 часов утра, возвратился усталый, но радостно возбужденный: руки, лицо, твоя рубаха были черны как уголь от обуглившихся бревен, которые я таскал на себе...

Наутро было немного смешно от «возвышающего обмана», который я себе создал в эту ночь, а когда узнал, что здание, которое мы так усердно спасали, было застраховано и, кто его знает, может быть, поджог сделан намеренно, стало досадно. Хотя если бы не наши усилия, то сгорело бы очень многое.

Местное население отнеслось поразительно пассивно к пожару: вынесли иконы и стали с ними каждый у своих ворот...

Строю кое-какие планы относительно занятий, не знаю, удастся ли их осуществить. Думаю, между прочим, изучать историю русской литературы, но уже не по общему курсу, а хочу взять какое-нибудь литературное явление, какого-нибудь одного писателя и изучать его. Пока внимание останавливается на Достоевском, Толстом, Гаршине. Кроме того, буду проходить историю России вообще и историю русского общественного движения в особенности. Относительно изучения литературы мне бы хотелось с *тобою* поговорить и посоветоваться. Знаешь, давай вместе знакомиться подробнее с творчеством какого-нибудь автора, читать его/читать о нем; хотя изредка будем обмениваться мнениями и вопросами и постоянно будем сознавать, что где-то далеко-далеко дорогой человек читает то же, переживает то же. Давай, Елочка! Мне было бы замечательно отрадно сознавать, что ты в данный момент думаешь как раз о том же, о чем и я...»

«8 августа. 10 часов утра.

Это было вчера. Гудок протяжный, протяжный. Срываюсь со стула: пришел «Колпашевец» и привез почту. Бегу на пристань. Там уже толпа. Пароход еще не пристал, медленно подплывает. Вглядываюсь в чужих людей, стоящих на палубе, на мостике. Ищу. Хотя нет, не может быть... А вдруг...

Вот причалил пароход. Повалила толпа на берег. Все чужие... Кого-то нет, кого надо. Кого же? Ведь я никого не жду... Да, да, никого и не должно быть. Вот носильщик, согнувшись под тяжестью, тащит на спине

огромный кожаный тюк с почтой. Жадно гляжу на него. Там внутри лежит радость, луч света. А может, нет письма? Нет, есть; оно там, оно одно там, а все остальное пустота; оно в середине, а кругом пустота; оно в сердце... А вдруг нет? Уверен, оно здесь. Я чувствую его; да и иначе было бы непонятно, почему согнулся так носильщик: ведь все остальное — пустота. Еще два часа ждать до раздачи писем! Но оно есть, в это я верю, в этом я больше не сомневаюсь. Почему же стало вдруг так грустно, померкла какая-то радость, какая-то надежда? Я понял. Я не ждал тебя... Нет, я ждал тебя! Где-то там глубоко-глубоко копошилось смутное ожидание.

Итак, ты не будешь у меня, моя тихая грусть, моя светлая радость (это тоже ты, Елочка)...

А все-таки, может быть, можно занять где-нибудь денег и приехать ко мне. Милая, если ты еще здесь, сделай так. Ведь найдется же кто-нибудь из моих знакомых, кто одолжит рублей 15–20, а я потом переведу этот долг в более терпеливые руки, которые подождут подольше, когда я буду иметь возможность отдать. Вот снова маленькая надежда... Буду ждать!

О Нарыме пока не пишу: обживусь, пригляжусь, тогда... Рассказ обещанный скоро начну... Стихи напишу в следующий раз. Привет твоей сестре и маме. Прощай на неделю. Ты постоянно со мной, моя светлая подруга! Еще и еще хочется писать. Но кончаю. Жду, тоскую».

«16–17 августа.

*Набегая на мыс песчаный,
Говорила волна тоскливо:
«Уведи меня, мой желанный.
Оторви от тины залива».
Но молчит угрюмый и длинный
Мыс песчаный, желтый от боли.
Разве сам он ушел от тины,
Разве сам он на вольной воле?
Позади все камни могилы,
Впереди все воды залива...
Самому подняться нет силы...
А волна его молит тоскливо.*

С. Сергеев-Ценский

Милая, желанная Fiна! Сегодня, кажется, опять мало побеседую с

тобой: ходили сегодня в лес с двумя товарищами, вернулись только недавно, а до парохода уже мало. В лесу было хорошо. Я пришлю тебе два фотографических снимка, и ты, если бы взглянула без предупреждения, ни за что не подумала бы, что это — Нарым. Хороший сосновый бор, ясное голубое небо. Утро провели хорошо: согрели чай, дурили, барахтались по траве. И я подумал: «Если бы здесь была моя Фина, мы бы часто гуляли в этом бору. Ясное солнышко освещало бы нас, а старые сосны удивленно примолкли бы, пораженные красотой нашей светлой, улыбающейся дружбы». Зачем тебя здесь нет, мой светлый друг? Сегодня у меня хорошо на душе. А у тебя что?..

Долго теперь я не получу от тебя весточку, по минимальному расчету 25-го. Но вот будет ужас — это через полтора месяца: наступит распутица, и Нарым в продолжение 2 месяцев совершенно отрезан от мира. В прошлом году почта не получалась в течение девяти недель! Но ты, конечно, не будешь считаться с этим и не перестанешь писать. По окончании распутицы я сразу получаю целую кучу твоих писем! Целый дневник! Воображаю уже, с какой жадностью я буду его перечитывать...

Заниматься еще не начал, но наметил план и вот завтра начну. В будущем письме напишу подробно об этом. Я теперь не буду сообразовываться с пароходом, а просто буду опускать письма в ящик по мере написания... Получил деньги за корреспонденцию. Вышло очень неожиданно и замечательно кстати. Думал уже лезть в долги, а тут вдруг как с неба.

Начал было «промышлять», как здесь выражаются, то есть охотиться, рыбачить, но, кажется, игра не стоит свеч. «Промышлять» выгодно в смысле заработка, зато почти весь день бы уходил на это. Мне же хочется иметь побольше времени для занятий...»

«18 августа, 6 часов утра.

Вернулся только что с рыбалки. Вынимал сети. Руки закоченели. Видишь, не слушаются. Вот только теперь солнышко начинает разгонять ночной холод. Светит ли тебе сейчас это солнце? Или ты за каменными стенами города-тюрьмы? Я сейчас скажу солнцу, чтобы оно послало лишний яркий, радостный луч в твою комнату и разбудил бы луч тебя...

Прочел сейчас рассказ «Эмигрант» в июньской книжке «Вестника Европы». Я еще не разобрался в мыслях и чувствах, которые он вызвал, но много их всколыхнулось в душе. Вопросы, мысли поднимались и снова исчезали, заглушая друг друга, сменяя друг друга, но не знал, что главное, какой вопрос нужно решить прежде всего, чтоб, решив его, или начать жить как-то по-иному, или уж совсем не жить. Этот рассказ натолкнул на

путь: знаю, что надо решить, в чем разобраться, чтобы скорее получить ответ, категорический ответ на вопрос «что делать?». Напишу об этом потом. Сейчас у меня на очереди несколько книжек, журналов, которые нужно одолеть, чтобы окончательно войти в курс жизни.

Знаю, недоимок ты мне не простишь!»

«24 августа.

Финочка! Пришла почта и принесла мне две радости: во-первых, открытку от тебя с дороги, а во-вторых, пришел номер «Сибирских отголосков» с твоим стихотворением. Оно помещено в № 14 под названием «Я хочу быть орлом», за подписью Р. Р. Ну, вот видишь, родная! А ты сомневалась. Не видел еще «Сибирской жизни», может быть, и «Осень» помещена. Рада, моя Елочка?

Не велика, конечно, честь, что какая-то сибирская газетка поместила твои стихи. Но ведь это первые, да и написанные не для печати, с постоянным сомнением, представляют ли они хоть микроскопическую ценность. Помещение не есть еще признание таланта, но теперь ты видишь, что твои стихи не хуже многих, а при работе над собой, я уверен, что ты будешь писать красиво, глубоко и талантливо».

«25 августа.

Привет, родная!

Сегодня прочел в «Русском богатстве» статью Владимира Короленко «Бытовое явление». Очерки о смертной казни. Если ты не читала, то прочти. Не хочется пересказывать: слова будут бледны. Поражаешься, как мало мы думаем об этих ужасах, что ежедневно на рассвете творятся во дворах тюрем. Уже привыкли к этому, казнь уже вошла в обиход нашей жизни, стала бытовым явлением, над которым не задумываются. И вот в этом равнодушии весь ужас.

В этой же книжке (четвертой) есть еще статья «Красные печати». Это описание жизни политических каторжан. На меня эта последняя статья произвела, пожалуй, еще большее впечатление. Правда, тут нет физической смерти, или, вернее сказать, не для каждого она неизбежна, но человеческая личность так попирается, столько над ней глумятся, что жутко становится... Нет, этого не скажешь! Прочти».

«26 августа.

Моя Фина!

Сегодня не напишу: пусто на душе. Весь день читал газеты томские и столичные за целую неделю. Скучные, серые строчки с серым, однообразным содержанием мелькали перед глазами, внося в душу скуку, пустоту...

Между прочим: получилась у пристава бумажка, чтобы меня, раба божьего, сразу по окончании срока ссылки представили к отбыванию воинской повинности!»

«7 сентября. Утро.

Моя Фина, моя ясочка! Пошел получать твое заказное, а получил еще и от Лены^[8] с большим письмом от Аси. Счастье, счастье! И солнце опять светит...

Лена уже 24-го отправилась в свое невольное путешествие. Ася пишет, что Лена на вокзале была оживлен-на и бодра. Бодрая, сильная Лена и чуткая, со сложной, многозвучной душой! Редко встречается этот синтез двух противоположных начал».

«11 сентября.

Милая, шлю привет!

Сегодня сильно занят, не смогу побеседовать с тобой. Дело в том, что мне поручено проревизировать все колониальные учреждения. У местной колонии политических ссыльных есть своя потребительская лавка, столовая, мясная лавка, пекарня. Существует трехмесячная отчетность по всем этим учреждениям. Вот один из таких отчетов я и должен проверить. Материя довольно кропотливая. Прежде всего нужно было проверить наличность товаров. Это уже сделано. Теперь воюсь со всеми отчетами: проверяю книги, счета и пр. Вот уже неделя, как мы приступили к ревизии (нас трое), а сделали разве только половину... Помню, думаю о моей Елочке».

«12 сентября.

Завтра почта. Завтра я получу от тебя письмо уже из Баку. Как-то ты устроилась? Счастлива? Ты мне как-то привела слова Соломона: «Тоска и страдание гораздо ценнее, чем восторг и безмятежность». Мне они не понравились. Восторг — одно, а безмятежность — совсем другое. Восторг — это душевный подъем, это жизнь; он творит энтузиастов любви, общественного подвига, людей хоть на минуту делает красивыми, интересными. Безмятежность — душевная смерть, покой. Какое же сравнение? Так вот, если я тебе желаю счастья, то пусть это будет восторженное счастье. Только не безмятежность. Не будет моей красивой Фины, если она найдет безмятежное счастье».

Коренные обитатели — селькупы, ханты, эвенки — величают лабиринт обских протоков Нарымом, В переводе на русский — болото. Ближе к правде — гиблый край, острог без решеток. Сам губернатор Восточной Сибири во всеподданнейшей монарху записке обнадеживает: «Ссылка в Нарымский край есть особый вид смертной казни».

Куйбышев застаёт колонию разношерстную. Люди разные. Очень разные. По нынешним стремлениям и по прошлой жизни. Большевики, меньшевики, эсеры, анархисты, польские, еврейские, латышские националисты. Встречаются в немалом числе колеблющиеся, слишком давно вырванные из активной жизни. Теперь, если налетит свежий ветер, искра, прикрытая их нетвердой рукой, может разгореться славным костром, а может и совсем угаснуть. Есть вовсе опустившиеся. Поклонники водки, карт, всякой иной мерзости. Эсер Дребезов с благодарностью принял высокую должность стражника. Несколько других вняли совету хлебосола пристава Овсянникова, ударились в торговлишку.

По возрасту Валериан из самых молодых. Двадцать два года. В чем-то ему труднее, в чем-то легче. А может, все от характера, от цельности натуры. Околичностей и смягчений не признает.

Его никто не спрашивает, никто не уполномочивает, а он сразу в лоб. «Так жить нельзя! Вы прозябаете за чаепитиями, за пулькой с приставом и купцами... Каким идеалам поклоняетесь? Извините, борьба имеет свои законы. Или с нами, или против нас...»

Возмутителя спокойствия немедленно приглашает к себе уважаемый меньшевик Предтеченский. В Нарыме он давно. Успел жениться на племяннице купца Родюкова. Взял недурное приданое наличными и недвижимостью. Держится с Куйбышевым любезно. В тонах мягких.

— Я понимаю. Все мы в молодости склонны к некой необузданности. Не всегда выбираем лучшие выражения... Смею вам поставить на вид: мы, политические ссыльные, — одна семья. Никаких раздоров, распрей. Никаких «с нами или против нас». Вам придется усвоить паше правило!

Куйбышев в ответ:

— Какое же еще правило? С революцией или с властями предержащими!

Поначалу собираются вчетвером^[9] — большевики Валериан Куйбышев, Владимир Косарев, Аркадий Иванов, Александр Мандельштам

(«Одиссей») — у Валериана Владимировича, в самом крайнем доме по Крестовоздвиженской улице, что пересекает все селение с юга на север. (За домом Большая Протока, рукав Оби. Для Куйбышева преимущество. Перемахнул через плетень и в воду. Купается дважды в день, до самой шуги — до первых плавучих льдин.)

Ничего из ряда вон выходящего Куйбышев с друзьями не выдумывают. Вся программа — быть в Нарыме самим собой. Человеком. Революционером. Нельзя, чтобы гнулись, калечились те, кто послабее.

Забота нераздельная о душе и хлебе насущном.

Куйбышев рассылает почтовые открытки в издательства обеих столиц и крупных губернских городов. Просьба жертвовать для задуманной библиотеки нарымской политической ссылки периодику, беллетристику, учебники. С каждым пароходом весомый ответ — тючки, ушитые в рогожку. Даже незванный А. С. Суворин, издатель и главный редактор петербургской монархической газеты «Новое время», пожелал одарить бессрочной подпиской.

Солидные, с тиснениями переплеты кое-каких книг Куйбышев с Косаревым острыми ножами раслаивали. Извлекали заграничные издания. Другими еще путями приходили листовки и брошюры от Петербургского комитета. Статьи Ленина и некоторые прокламации копировали на папиросной бумаге для всех колоний острога без решеток.

За библиотекой партийная школа. Своя, нарымская. Под началом Владимира Косарева. В Париже он слушал лекции «Старика» — Ленина. Теперь пробует собственные силы.

«В комнату Валериана нас набилось человек тридцать, — написано Косаревым годы спустя, когда он работал в Московском комитете партии. — Завесили окна, чтобы с улицы не был виден свет. Я сделал доклад о школе для ссыльных и ее программе. Со мной согласились, что надо изучать: политическую экономию, историю партии большевиков, самостоятельной партии с 1903 года, историю России, историю русской литературы».

На первых занятиях школы обнаружилось, что многие слушатели — рабочие — малограмотны. Им трудно усваивать сложные теоретические положения. Рядом с партийной школой появилась вторая — общеобразовательная. Русский язык, арифметика, география, начальная история. Занятия по этим предметам велись в небольших кружках, служивших также легальным прикрытием партийной школы.

И свой, нарымский театр. Большой пустующий сарай высмотрели у купца Завадовского, уговорили, чтобы на время уступил. Своими руками,

не очень еще умелыми, переоборудовали. Ссылный художник Фомин из мешков соорудил декорации. Женщины сшили костюмы. Два ссылки актера-профессионала, Жилин и Ястребов, взяли на себя режиссуру. И высокие полномочия отобрать из многих охотников действительно способных играть, петь, декламировать. На равных к конкурсу допускались коренные нарымчане. Первой премьерой дали «Власть тьмы» Толстого. Потом «На дне» Горького, «Лес» Островского.

Обязательные посетители всех спектаклей — пристав со стражниками. Свои тонкие наблюдения пристав неизменно описывает в отчетах губернскому жандармскому управлению. «Дерзостную пьесу графа Льва Толстого «Власть тьмы» подчиненные моему наблюдению политические ссылки вновь разыграли 16 сего ноября месяца, тотчас же по прибытии известия о смерти графа. Перед началом представления с обозрением писаний сочинителя Толстого выступил Куйбышев Валериан Владимиров. Слушали стоя, будто привороженные. Полагаю, онго Куйбышева полезно перевести в другой пункт. Влияние его опасно распространяется».

В Нарым с предельной быстротой отправляется жандармская экспедиция, подкреплённая солдатами. Схватывают Куйбышева, Косарева, Иванова. За ними еще девятнадцать человек. Мчат на санях по скованной льдом Оби. Сквозь морозы, пургу. В хорошо знакомое Валериану исправительно-арестантское отделение томской тюрьмы.

Четыре месяца бесполезных допросов. Показаний никто не дает. Никто не стремится на каторгу... По последнему зимнему тракту всех отправляют назад в Нарым. С тем, что в летнюю навигацию нагрянет губернатор. С ним высокие чиновники, жандармские следователи. На месте учинят полный разгром...

Библиотека, школа, театр — для души, а для хлеба насущного... Своя пекарня, столовая, потребительская лавка. Пожалуйста, покупай продукты, заказывай обед, необходимую одежду. Расплачивайся денежными купонами. Марками достоинства от одной копейки до рубля. Выдает свое казначейство (доверенные лица, избранные тайным голосованием) в обмен на обычные царские деньги. Одним выстрелом без промаха в двух зайцев. Казначейство, располагая сравнительно значительными суммами, имеет возможность делать крупные заказы оптовым фирмам, пользоваться кредитом. Продавать можно дешевле, чем у нарымских купцов. Ну и слабовольным любителям выпить, перекинуться в карты меньше соблазна. В своей лавке ничего спиртного не держат, а купцы крепко предупреждены — марки не берут.

Еще для помощи особенно нуждающимся специальная касса. Власти

намеренно держат политических ссыльных в далеко не равном положении. Выходцам из дворян, лицам с высшим образованием, бывшим студентам назначалось кормовое пособие в полтора-два раза больше обычного. Согласились, что все «привилегированные» — к ним отнесли и получающих поддержку от родных, от Красного Креста — часть своих денег ежемесячно вносят в казначейство политических. Для слишком бедствующих и для тех, кому готовится побег...

В какой-то хмурый, насквозь отсыревший день с парохода выводят очередную партию ссыльных. Среди других девушка Анна восемнадцати лет. С лицом и косами классических северорусских красавиц. Псковитянок, поморок.

«Когда я сошла с парохода, у меня мелькнула первая мысль — бежать, как только к тому представится маленькая возможность. Прожить пять лет в такой дыре не хватит человеческих сил. Пугали мрачный ландшафт, непролазная грязь, убогие домишки, оторванность от всего родного, одиночество...

Бежать, обязательно бежать, побыстрее бежать! Так напрямик я сказала, когда меня принялся расспрашивать товарищ Валериан. Он выделялся своей внешностью. Открытое лицо, большие серые глаза, добрая улыбка — все вызывало симпатию. Потому и заговорила о побеге.

Ответил он мне совсем нелюбезно. «Мы подходим к побегам материалистически. Если хотите бежать, чтобы оказаться на воле, то в побеге вам никто никакой помощи не окажет. Другое дело, если хотите освободиться для партийной работы. Если чувствуете себя готовой стать профессиональным революционером. Надо учиться, чтобы быть полезной партии».

А я в ссылку приехала полуграмотной работницей, выполнявшей на воле в Выборге лишь технические поручения. Получала от приезжих из Петербурга нелегальную литературу. Иногда разбрасывала прокламации в военных лагерях.

В другой раз Валериан Владимирович меня спросил, к какой я партии принадлежу. Я ответила, что беспартийная и не могу определить, какая партия лучше для рабочего класса. «Когда слушаю большевиков, мне кажется, что они правы, а когда эсеров — кажется, что правы они. Все-таки, пожалуй, эсеровская партия самая революционная, потому что она совершает террористические акты».

Немало было потрачено времени Валерианом Куйбышевым, Аркадием Ивановым и другими большевиками, чтобы прочистить мои мозги. Они умели проявлять одновременно настойчивость, требовательность, иногда

даже беспощадность, и полное уважение к твоему «я», к твоему разговору. Всегда находили тот единственный ключик, который может открыть сердце.

Они сделали свое. К середине лета 1911 года к ним, к большевикам, примкнули многие рабочие, подобные мне, ранее не определившиеся в политическом отношении^[10]. Фракция большевиков стала основной политической организацией в нарымской ссылке. Как раз перед тем, как налетел губернатор Гран, в доме, где квартировал Куйбышев, собралась краевая партийная конференция. Съехались делегаты всех колоний.

Несмотря на грозное распоряжение губернатора, еще продолжали существовать библиотека, театр. По-прежнему устраивались лекции, рефераты. До отправки в гиблый Максимкин Яр на реке Кеть несколько раз успел выступить Яков Свердлов. Все мы заслушивались удивительными докладами большевика профессора астрономии Павла Карловича Штернберга. Он гостил у жены, нашей ссыльной подруги.

Один или два раза в неделю ставились спектакли или устраивались концерты. Репертуар проходил «цензуру» пашей фракции. Случались экспромтные номера. Помню концерт с обширнейшей программой: пением, танцами, декламацией. Пел Жилин Иван Яковлевич, большевик, сосланный в Нарым из Воронежа. У него был замечательный тенор, и все мы с упоением его слушали. Декламировали поэмы Верхарна. Куйбышев прочитал горьковского «Буревестника», свои стихи. Мой однодезец, бывший редактор рабочей газеты в Выборге, Якобсон, примкнувший в ссылке к меньшевикам, вызвался исполнять стихи, кажется Бальмонта. И навел на всех уныние, вогнал в отчаянную тоску. Помнится, там были такие строфы:

*Мы не осенние, мы отлетели
Ранней весенней порой,
Жертвы безумной, стихийной метели,
Сорваны в час роковой...*

Мы стали шуметь, кричать: «Долой пессимизм!» Всех перекрывал голос Валериана Куйбышева. Он быстро вырвал у кого-то из товарищей мандолину, заиграл на мотив «Камаринской»:

*По приказам жандармерии
Из обширнейшей империи,*

*Что Россией называется
И кретином управляется,
Собрались в Нарыме грязном и гнилом
Ожидать, когда случится перелом
В их отечестве придушенном,
Черной сотнею приглушенном,
Три сотни разудалых молодцов,
Развеселых, разыдейных храбрецов.
Уж кого вы тут не встретите,
Уж кого тут не приметите!
Поведенья бесшабашного
Есть эсеры долгогривые,
Чернобровые и сивые;
Есть анархи полудикие,
Беспринципные, безликие.
Два десятка теоретиков,
Полдесятка полумедиков,
Все усердно занимаются в кружках
Экономикой со Марксом на руках.
Изучают астрономию,
Счетоводство, агрономию.
Когда захочется немного отдохнуть,
Повеселиться, поразвлечься, «крутануть»
От дел идейных, политических,
Мыслей мудрых и критических,
К услугам братии является артист.
Веселый трагик, грустный комик, куплетист... т. д.*

На протяжении пятилетнего моего пребывания в Нарымском крае эти куплеты распевались ссыльными в разных вариантах. Их приспособляли ко всевозможным случаям.

Воскресенье у нас было днем прогулок в тайгу. Из одолженных у квартирохозяев охотничьих ружей, якобы для того чтобы промыслять дичь, мы учились стрелять. Я проявляла большие успехи, чем радовала товарищей... После захода солнца раскладывали костры на опушках. На угольях поджаривали уток или варили уху из рыбы. Наш «пир на весь мир» длился, покуда хватало сил терпеть тучи комаров и мошкары, евших нас поедом...»

Губернатор Гран явился летом. Трудов своих не щадил. Сам во многие поселения заглянул. Самые худшие его опасения оправдались полностью. Политические злоумышленники пользовались свободами недозволенными, вовсе не соответствующими духу времени. «Запретить... Закрыть... Разогнать... Пресечь... В коих видах увеличить штат стражников вдвое!» Библиотека, театр, потребительская лавка разгромлены в одночасье. Скарб столовой вышвырнут на уллицу. В помещение — для полной ясности предназначений губернатора — поселен старший стражник Солдатов.

Консультанты из жандармского управления еще соображение высказали: не годится-де содержать в одном месте Куйбышева со Свердловым. Большой ущерб государственным интересам может произойти. Губернатор опасение разделяет полностью. «Сегодня же схватить! Приставить стражников. Угнать!.. Того, кто покрупнее».

Голубые мундиры сверяются с досье. За шестьсот верст вверх по реке Кеть, в селение Максимкин Яр, плыть на лодке Якову Свердлову. Два стражника неотступно при нем. В пути и на месте.

Ссылка в ссылке терзает Свердлова жестоко. Оборва; ны все связи с внешним миром. Нет почты, газет. И голодно сверх меры. Никаких продуктов. Только то, что добудешь на охоте. Однажды провалился по пояс под лед. Трижды отмораживал себе лицо. До крови потрескались руки...

Из небытия возникает полукупец, полуменьшевик Предтеченский. Взывает: во имя высших идеалов мы обязаны сохранить себя. Обязаны приспособиться к реальным условиям. Ни в коем случае не обострять отношений! Пристав господин Овсянников высокопорядочный человек, либерал по своим убеждениям. Но воленс-ноленс. Он обязан осуществлять надзор... Стражников следует беспрекословно допускать в свои комнаты. Выказывать уважение.

Водораздел обозначается совсем отчетливо. Большевики голов не клонят. Приставу руки не подают. Сочувственную его опеку начисто отбрасывают. Своими путями посылают статьи в легальные газеты. Возбуждают общественное мнение.

В столыпинской ночи общественное мнение? Разве еще существует?

Залпы на Лене, трупы, кровь, вдовы, сироты — четвертого апреля 1912 года. Двадцать второго апреля 1912 года в державном городе Санкт-Петербурге выходит первый номер «Правды». Газеты ленинской! Во времени разрыв всего в восемнадцать дней. Между сгустившейся до осязания чернотой и первыми проблесками рассвета.

А если глаз особенно зоркий... В конце минувшего октября на

парижской окраинной улице Мари-Роз, в тесной кухоньке Ленин весь вечер слушает рассказ Серго Орджоникидзе. О деятельности организационной комиссии по созыву Российской партийной конференции.

Пробираются через кордоны к берегам Влтавы, в Злату Прагу, делегаты большевиков. На конференцию, в историю навечно внесенную. Ту, что возродила Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Конференция в Праге в январе двенадцатого. Расстрел на Лене в апреле. Первый номер «Правды» в апреле. Емкое понятие — дух времени. Губернатор Гран загоняет Свердлова медленно умирать в Максимкин Яр. Единомышленники Свердлова апеллируют к общественному мнению российскому. Сиюминутные реалисты потешаются. Ан нет! Губернатор Гран возвращает Свердлова в Нарым.

Вскоре они с Куйбышевым готовят демонстрацию. Первомайскую.

В воскресенье, восемнадцатого апреля, с утра в Колином бору двести свобододлюбивых. Ссылные и молодежь из местных. Не видно Свердлова. Расспросы. Ближайшие друзья отвечают: «Якова Михайловича снова Забрали от нас... Нет, не так уж далеко... Наоборот, на юг. В Колпашево».

Если очень-очень внимательно всмотреться в серые глаза Валериана Владимировича, то вроде бы в них лукавые играют смешинки. Его хитрость. За несколько дней до маевки убрать Свердлова из-под удара. Создать ему безупречное, как говорят юристы, алиби. Увы!..

Красные знамена на пронизывающем ветру. Еще зима. Нетревоженный лед на Оби, на больших и малых протоках. Костры, чтобы согреться. Звуки «Марсельезы», «Варшавянки», русской «Дубинушки». Короткие речи Куйбышева и Мандельштама. «Одиссея» прерывают свистки, брань разгневанных стражников. Возвращение к действительности. За праздник расплата не за горами — в Томске вскоре после открытия навигации.

Река вскрывается ночью. Разбухшая невероятно, все крушит огромными льдинами. Вырывает с корнем вековые деревья. Захватывает на берегах, гонит к низовьям дома, амбары.

Третьи сутки никто не смыкает глаз. Все политические ждут чего-то. С тревогой. С надеждой. Справят шабаш, промчатся ледяные глыбы. Далеко на горизонте покажется дымок парохода. С ним почта. Первая в этом году. Всевозможные новости в большущем кожаном чувале...

На долю Куйбышева сюрприз. Императорская российская армия желает иметь его в своих рядах. Потребность в нем настолько велика, что власти предрежающие идут на весьма чувствительную жертву. Освобождают из ссылки до срока. Великий либерал пристав Овсянников приносит поздравления. Он-то знает — на одном пароходе поплывут призываемый в

солдаты Куйбышев и подробнейший донос на него. На организатора первомайской демонстрации. Смутьяна безнадёжного.

Седьмого мая другой давнишний доброжелатель, томский исправник господин Шеремет, заботливо снабжает Куйбышева Валериана Владимировича проходным свидетельством № 620 до города Омска. До воинского присутствия.

Везет — так уж во всем. В почтовой конторе попадаетесь открытка. Репродукция с картины художника Хотулева «В «Крестах»^[11]. Охота». Сценка из тюремной жизни. По природе совсем не эгоист, Валериан Владимирович спешит поделиться впечатлением. Тут же, в конторе, пишет:

«г. Нарым

Томской губ.

Аркадию Федоровичу Иванову

С домочадцы.

8 мая 1912 г.

Вглядитесь в открытку. Правда, даже за сердце щиплет от умиления. Родная картина! Желаю и Вам того же.

Ехал почти неделю, прожив здесь три дня, сегодня двигаюсь далее по направлению к солдатчине.

«Колпашевец» пойдет к Вам только через три дня, поэтому корзину пошлет Вам уже сестра, я взял с нея слово, что она с этим пароходом пошлет.

Крепко жму руки

Валериан».

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «Как совсем «свободный гражданин», я еду в Омск: там моя родина, там моя бабушка».

«Свободный гражданин» вскоре после приезда отправляется в гости к Александру Николаевичу Гладышеву, брату матери. Несколько лет вместе работали в Сибири. Оба рады новой встрече и энергично... ругаются. Дядя на время примкнул к меньшевикам, а племянник — ярый большевик.

Нежданно влетает дочь содержателя почтовой станции Люба Яцина. Шесть лет назад ее вместе с Куйбышевым привлекали к военному суду. После того видаться не приходилось.

Задыхаясь, Люба произносит: «К нам приходил полицейский, просил разрешения поговорить по телефону, к нам часто приходят, в городе телефонов раз-два... Он вызвал жандармское управление, сказал, я сама все слышала, Куйбышев остановился у своей бабушки, ничего не подозревает, его можно взять... Я побежала к бабушке, узнала, вы у Александра Николаевича... Скорее к нам! У папы отличная репутация, наша квартира вне подозрения...»

Куйбышев прикидывает, за что новый арест. Только что кончилась ссылка, с воинским присутствием никаких осложнений, чист! Ерунда, забрать заберут за милую душу. Было бы желание... Отказываться от предложения Любы не приходится.

Девушка потчует своего невольного гостя пирогами, сладостями. Рассказывает о жите-бытье. Куйбышев расспрашивает, шутит. Не забывает поглядывать в окно. Жандарм действительно появляется. Идет к дому Любы.

Через минуту-другую в передней происходит объяснение. «Что угодно?» — «Скажите, пожалуйста, вы недавно пришли домой?» — «Недавно, так часа два тому назад». — «За вами не шел какой-нибудь молодой человек?» — «Не знаю, может быть, шел». — «Но к вам не заходил какой-то молодой человек?» — «Нет, никакой молодой человек не заходил».

Жандарм стоит, переминается с ноги на ногу, позвякивая шпорами. Очевидно, у него нет разрешения на обыск. «Так к вам никто не заходил?» — «Нет, никто ко мне в квартиру не заходил».

Жандарм еще раз звякнул шпорами и ушел. Люба закрыла за ним дверь на все запоры и скорее к Куйбышеву: «Очевидно, вас проследили».

Перебирают разные планы... Куйбышев выходит в сад, садится в глубине на пенек. Час, другой. Снова отчетливый звон шпор. Наряд жандармов приближается к черному ходу, двором. Вероятно, другой наряд вошел в парадную дверь. Остаться или бежать, покуда в доме обыск?

Сидение на пенке в саду продолжается до полуночи. Бежать или оставаться?! Что-то вдруг подстегивает.

«Какой же ты плохой революционер, даешься в руки полиции. Беги!»

Забор очень высокий, весь утыкан гвоздями. Кое-как препятствие взято. Куйбышев на соседнем дворе. Заливаются лаем две собаки. К счастью, они на цепи. Бежит к воротам, нажимает на щеколду. Крик с крыльца: «Кто такой? Остановись!»

Щеколда поддается. Бросок на улицу. Топот ног позади. Свистки...

Предельно любезное приглашение: «Господин Куйбышев, остановитесь!»

Совсем «свободный гражданин» втиснут в общую уголовную камеру омской тюрьмы.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «Назавтра утром меня вызывают в контору. Ничего не подозревая, иду в контору, где мне предъявляют требование остричь волосы и одеться в арестантскую одежду. Я уже три раза перед этим си дел в тюрьме, а такого никогда не бывало. Вообще политические пользовались этим минимумом привилегий: быть в своей одежде и не стричь голову.

Я заявляю протест: на каком основании, почему? «Ах, ты рассуждать!» — хлоп меня по щеке кулаком, Я бросился на тюремщика. Меня схватили сзади за руки и начали бить. Избили до полусмерти. В полубессознательном состоянии меня переодели в арестантскую одежду, обрили и втиснули в камеру уголовных. Пять дней я пролежал с перебитыми ребрами, разбитой физиономией, весь в синяках. Потом меня отправили в томскую тюрьму».

Ломать ребра, ставить синяки вроде бы местное творчество. Томские жандармы жаждали услуги более скромной. Только обыска, ареста и первого допроса «со гласно нижеследующих пунктов:

1. Кто еще, кроме него, Куйбышева, принимал участие в противоправительственной демонстрации, имевшей место 18 апреля сего года близ г. Нарыма. Кто именно и какого содержания говорил речи, пелись ли революционные песни и какие именно; были ли при демонстрантах красные флаги и, в утвердительном случае, кто их принес и поставил.

2. Другие вопросы, вытекающие из обстоятельств допроса и имеющие отношение к делу первомайской демонстрации.

Протоколы следственных действий в порядке охраны покорнейше

просим препроводить в возможной скорости. О дне ареста телеграфировать».

За перебор омских тюремщиков никому расплачиваться не надо. Не карточная игра. Напротив, все уповают на наградные, на повышение в чинах. В предвидении крупного процесса. Государственные преступники, числом девятнадцать, свозятся в Томск. Забран и Яков Свердлов.

— На каком основании? — негодует Яков Михайлович. — В связи с демонстрацией? Но восемнадцатого апреля я находился безотлучно в Колпашеве.

— Это нам известно, — ухмыляются чины. — А до того с Куйбышевым подготовили демонстрацию. Привлекаетесь за подстрекательство!..

Радость новой встречи живо переживает прокурор окружного суда Дубяга. Куйбышев, Косарев, Иванов, Мандельштам... сколько старых знакомых! Теперь-то уж они поспособствуют благоприятному развитию карьеры. А чтобы лавров, упаси господь, не перехватил начальник вышестоящий, прокурор омской судебной палаты тринадцатого июля за № 425 пишет особое уведомление господину министру юстиции. Дабы узнал из первых рук:

«...Все 19 названных ссыльных привлечены в качестве обвиняемых в участии в публичном скопище, заведомо собравшемся с целью выразить сочувствие бунту, т. е. в преступлении, предусмотренном 121 статьей Уголовного Уложения, причем мерой пресечения против них избрано содержание под стражей».

Обвиняемых, верно, девятнадцать. Но под стражей еще и новорожденный. В одиночке № 17 женского корпуса. Дочь Анны Андреевны и Аркадия Федоровича Ивановых.

Поощрения из Петербурга нет и нет. Заледенели оконца в камерах. На тюремном дворе снег. Набирают силу морозы, пурги. Не ко времени уже дело о первомайской демонстрации. Не по духу обстоятельств российских тревожных. Не в правительственных видах более подливать масло в огонь. Кабы взрыв самих основ не потряс.

В середине октября губернатор уступает хлопотам сестры Валериана Надежды Владимировны. Приказывает освободить Куйбышева под залог до суда. Промах со стороны его высокопревосходительства непростительный. Валериан подымает на ноги студентов университета и политехникума. Будоражит профессоров, журналистов. В городе прокламации, подписные листы — сбор денег для приглашения юридических светил. Пять самых популярных томских адвокатов

объявляют, что сочтут за честь участвовать в процессе безвозмездно. По своим гражданским симпатиям.

Суд назначают. Суд откладывают. Снова назначают. Переносят. Авось из державного города донесется другой ветер.

Новый, 1913 год — высокаторжественный. 300-летие дома Романовых. Задумана амнистия умиротворяющая. Томские судьи понимают. Приговор оправдательный двадцать седьмого марта. Потерявший голову прокурор приносит протест в Омск. Взывает к Петербургу. Беспокоится до самого крушения империи.

Куйбышеву пока можно на волю. Под негласный надзор полиции. Его друзьям-нарымчанам возвращаться отбывать срок ссылки. Анне Ивановой с грудным ребенком, «Одиссею» — Мандельштаму, еще одному большевику, Дмитриеву, назад в тюрьму. На них опять заведено дело.

«Неизвестно, сколько пришлось бы сидеть под новым следствием, — написано Анной Ивановой, — если бы не Валериан. Он нажал на все свои связи, использовал все знакомства. Меня согласились выпустить под залог до суда. Деньги, по-моему более пятисот рублей, собрали студенты, доставили Куйбышеву.

Об освобождении сообщили мне вечером перед самой поверкой. В Томске у меня никаких знакомых. На дворе невообразимая мартовская пурга. Куда двинуться с ребенком на ночь глядя. Пришлось написать прошение начальнику тюрьмы, просить разрешения остаться по своему желанию до следующего утра в камере.

Поверка в тюрьме закончилась, ключи у последнего затвора отгремели, в душе смятение, успокоиться не могу. Ничего теплого нет ни у меня, ни у ребенка. В чем выйти на волю, в чем проехать 500 верст на перекладных лошадях до Нарыма в пургу и стужу?

Поверка кончилась, тюрьма затихла и заснула тяжелым сном. Казалось, что я одна бодрствую и прислушиваюсь к чему-то. И не зря прислушивалась. Гулко вновь загремели ключи у входной двери женского корпуса. Шаги все ближе и ближе. Остановились у двери моей одиночки. Через глазок двери приглушенный голос старшей надзирательницы — Терентьевны: «Собирайтесь скорее с вещами! За вами пришли». — «Кто пришел?» — «Ваш жених».

Боже мой, какой жених мог прийти ночью? Хватаю что ни попало и бегу с ребенком и узлом в тюремную контору.

Навстречу встает мой друг, мой товарищ Валериан, казавшийся огромным в черной бурке и папахе. Он принес узел с теплыми вещами. На извозчике повез нас к своим знакомым. Жили они где-то в районе Верхней

Елани или Нечаевской улицы. Там же ждал нашего приезда детский врач, чтобы осмотреть мою дочурку, впервые увидевшую волю.

Такой он — Валериан!»

Депеша из Томска: «Еду к вам. Воля».

«К вам» — через пол-России в село Лысые Горы Тамбовской губернии. Сестра Елена в Лысых Горах учительницей. С весны у нее гостит мать Юлия Николаевна и две младшие сестренки.

Помнит Елена Владимировна: «Валериан приехал к нам без пальто, в студенческой фуражке, на нем была красная рубашка-косоворотка... В довершение всего он был в старых, рваных ботинках. Денег у нас лишних в это время в семье не было, пришлось отдать в починку ботинки школьному сторожу, а он дал Валериану лапти.

Представьте себе высокого юношу, в красной рубахе, в маленькой студенческой фуражке и в лаптях... Однажды при встрече со мной урядник многозначительно сказал: «Сразу видно, что ваш брат нигилист!»

В другой раз урядник потребовал, чтобы я уговорила Валериана спать лапти и красную рубашку. «Смущает он всех. Да и про вас говорят!..»

Вскоре я получила жалованье, и решено было, что Валериану необходимо купить ботинки и другое самое необходимое. Воля, я и Маруся поехали в Тамбов. Валериан радовался, как ребенок, когда в его руках появился сверток с новыми ботинками, бельем и рубашками. На костюм или пальто денег не хватало, и мы купили черную накидку с двумя львиными головами в виде застежки. В то время такие накидки были в моде.

«Кутить так кутить!» — решили мы и пошли обедать в столовую. Во время обеда Воля как-то беспокойно вел себя: все время оглядывался на дверь. Я подумала, что он заметил за собой слежку.

— Что ты?

— Нет, ничего...

Через несколько минут он опять взволнованно смотрит на дверь. Наконец сознается, что боится за свою накидку: вдруг ее кто-нибудь стащит. Мы подсмеиваемся над ним, и он тоже смеется вместе с нами. Потом вполне серьезно: «У меня так давно не было новой вещи, что мне было бы очень жаль потерять ее».

Вместе с нешумливой российской весной кончилась и побывка Валериана в тиши у родных. В автобиографии мельком: «Поехал в Тамбов, потом вскоре в Петербург, где, не найдя заработка, принужден был работать землекопом».

Волнует, страшит Куйбышева другое. Оборвалась связь с единомышленниками. Старые явки давно провалены. Знакомые эсдеки в тюрьмах и ссылках. В круг никак не войти. Рождается разумная мысль: податься, из Питера в Вологду.

Губернский город Вологда постоянно служит местом административной ссылки лиц крайне неблагонадежных. К тому же в знак милости высочайшей город наделен необыкновенной емкости тюрьмой. По строгости режима первой в империи. Впереди Орловского и Александровского централов!

«В Вологде обязательно окажется кто-нибудь из наших...» — надеется Куйбышев. Есть, есть! «Медвежонок» — сестра Ленина Мария Ильинична... И. А. Саммер — делегат III съезда РСДРП... М. Э. Шойхет из Киевской большевистской организации...

У дома, где квартирует Ульянова, Валериан описывает круги. Борется, старается взять верх над своей предельной щепетильностью. Как явиться незванным, незнакомым, в костюме, изношенном сверх — невозможного! В Питере уж на что привычные портовые грузчики, и те выделяли его живописное одеяние... Говорят, «Медвежонок» с матерью. Достойной наивысшего почтения Марией Александровной. Не воспримет ли явление оборванца как наглость?...

Куйбышев решается. Порог перейден. За порогом радушие. Материнская опека. Перво-наперво поиски квартиры для огромного и в такой же мере бесприютного молодого человека с львиной шевелюрой. Поселяют Валериана в семье либерального статистика Вологодского земства. За стол и квартиру оплата уроками детям хозяев. А костюм еще потерпит. Обязан держаться, покуда недорогого репетитора пригласят в другие дома. И редакция «Вологодского листка» выплатит гонорар «Валериану Куб». За рассказы «Встреча» и «Воспоминания». Герой «Воспоминаний» революционер Ветров, отбывающий ссылку в Сибири, по всем статьям похож на автора. Дело обычное.

К морозам Валериан кое-как одет. На нем коричневая вельветовая куртка, черные брюки. Имеется и пальто, как говорится, ветром подбитое. Демисезонное — на все случаи жизни. Можно отправляться в дальнейший путь. Явка от «Медвежонка» в Харьков.

В южном промышленном центре все непривычное. Уклад жизни, природа, говор. Вдруг старое нарымское знакомство. В конке, лихо спускавшейся с Холодной горы к центральной площади — Екатеринославской, — кто-то молча пожимает руку. Быстрый взгляд. Опять мир мал и в тесноте, но не в обиде!.. Варвара Яковлева! Вместе в ссылке,

вместе перед судом в Томске, за ту первомайскую маевку...

У Яковлевой в Харькове брат Николай. Из первых работников здешнего большевистского комитета. На квартире у Яковлевых встреча с Андреем Бубновым. Обстановка особенно открываться не позволяет. Закон конспирации строгий, еще больше человеческий. Что нельзя знать врагу, без нужды не открывай другу. В случае чего так обоим легче на допросе... Бубнов умалчивает о том, что на партийной конференции в Праге он избран кандидатом в члены Цека. Представляется литератором, близким к редакции «Правды»^[12]. Куйбышев в ответ: «Я тоже иногда пишу».

Встречаться им часто. В Харькове, в Самаре. Вместе идти, позванивая кандалами, по сибирскому каторжному тракту. В один час при обстоятельствах удивительных узнать о революции. Быть в дружбе до конца жизни.

Пока Харьков. Декабрь 1913 — начало мая 1914 года. Май их и разлучает. Первомайская манифестация. Куйбышев на виду у шпиков произносит речь. Предельно дерзкую. Против царствующего дома. Перед толпою тысячной. Волны гнева снова высоко взмываются. Там и здесь забастовки, демонстрации, стычки с полицией.

Бубнов постарше годами, поосмотрительнее. Он требует, чтобы Валериан покинул Харьков. Из всех возможных вариантов Куйбышев выбирает Питер. Город особенно любимый.

Подходящая для заработка вакансия находится в рессорных мастерских некоего Мохова. Есть и адрес верный. Не какой-нибудь тайной квартиры, куда в любую минуту может нагрянуть охранка. Дом — официальный. В справочники и путеводители внесенный. Резиденция депутата Государственной думы от Екатеринославской рабочей курии Григория Ивановича Петровского. Полиция явится сюда не скоро. В ноябре. А Куйбышев тихонько нажимает белую кнопку звонка в мае.

Май. Крутая воля времени нанизывает события, как горошины в одном стручке, плотно одно к одному. Спеша, Валериан Владимирович! Входи в обязанности партийного организатора Центрально-городского района Питера. Быстрее! Тишина белых ночей обманчива.

Вслушайся в рассказ ветра с раскаленных берегов Каспия. Ветер откроет тебе то, что утаивают власти. В Баку основы сотрясаются. Гремит:

«Долой самодержавие!

Да здравствует социализм, да здравствует демократическая республика!»

Забастовка. Всеобщая. Политическая. Замерли нефтяные промыслы. Остановились электростанции и перегонные заводы. Погасли топки на

морских кораблях.

Женщины, тысячи и тысячи женщин ложатся на землю, укладывают детей. Живые баррикады преграждают путь казакам и конной полиции. Красные знамена над Балаханами, Сабунчами, Биби-Эйбатом, Черным городом.

Отступает расстояние. Обессилевает цензура. Не вогнать бакинские события в привычные рамки. Слышит раскаты Петербург. И рабочие заставы, и Зимний дворец. Третьего июля в обед залпы на дворе Путиловского завода. Боевыми патронами по рабочему митингу. Падают мертвыми слесари, кузнецы, литейщики, клепальщики. Все в полный голос звали: «Поможем Баку! Братьям и сестрам нашим!»

По всей Выборгской стороне долгие гудки густых низких тонов. Призывные, властные.

— Забастовка. Забастовка!

В первый день — девяносто тысяч. К концу недели — двести тысяч. Через всю страну — леса, степи, горы — рабочий Питер протягивает руку Кавказу. Есть кое-что от трудов Валериана Куйбышева. Руководителя агитационной и пропагандистской коллегии Петербургского комитета большевиков.

В Баку товарищ министра внутренних дел генерал Джунковский, облеченный полномочиями чрезвычайными, ведет в атаку против забастовщиков двадцать семь пехотных рот и шесть казачьих сотен. Не считая жандармов и филеров, прихваченных с собой из столицы. А уже ниспослана всевышним мировая война.

Куйбышеву свое особое испытание. Поручение депутата Государственной думы Григория Петровского: «Ну-ка, обмозгуй, набросай первый, черновой вариант воззвания». Как рабочему человеку — самым искренним патриотам России — отнестись к войне. В чем долг человека с ружьем.

Позже через все кордоны, все препятствия дойдут тезисы Ильича «Задачи революционной социал-демократии и европейской войне». Пока надо самим. Думской фракции большевиков и партийным организаторам, пропагандистам. Куйбышев к тому же славно владеет пером.

Тайны нет. Из всех политических партий Европы од-на-единственная — ленинская — против войны. Против угара шовинизма, разгула темных страстей. За верность знамени и идеалам!

Большевиков не уломать, не соблазнить. Так бить беспощадно. Травить всячески. Способами самыми запретными, сверхподлыми. «Наша партия, Российская с.-д. рабочая партия понесла уже и еще понесет, —

Владимир Ильич никогда не бежит от признаний самых тяжких, сердце ранивших безмерно, — громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыты, множество наших товарищей арестовано и сослано».

Шестого ноября вопреки парламентским основам полицией забраны члены Государственной думы — большевики. Уготовлено им вечное поселение в Туруханском крае. Обязанности партийного центра в России полностью переходят к Петербургскому комитету. Большевики названия комитета принципиально не меняют. Петербургский. В годы войны тридцать раз разгромленный, отправленный за решетку, на каторгу, в ссылку. Постоянно воскресающий. Постоянно действующий!

С декабря четырнадцатого года по июль пятнадцатого в комитете Куйбышев. Отвечает за деятельность сейчас главную — пропагандистскую, агитационную. И секретарствует — должность официальная, платная — в больничной кассе на заводе «Гейслер», а последние перед арестом недели — на «Треугольнике». Там восемнадцать тысяч рабочих, преимущественно женщин-солдаток. И меньше десяти пока оставшихся на воле большевиков.

У больничной кассы назначение самое благородное. Защита интересов рабочих, выдача пособий по болезни, по увечьям. И легальная возможность собирать людей нужных, надежных. Растолковывать, как держать себя, что говорить в цехах, к чему призывать. В уставе предусмотрено — платный секретарь приглашает к себе членов кассы повестками. На гектографе отпечатанными. Посему секретарь имеет право гектограф приобрести и в полиции зарегистрировать. Применение самое лучшее, самое прямое — печатать прокламации, брошюры.

По неистребимой давней привычке Куйбышев урывает время для книг. Постоянный читатель библиотеки Академии наук. В «записях для себя» поминаются труды по философии, истории, экономике, литературные новинки. Выписки, оценки, строки, обращенные к авторам. Тут же наблюдения личные: «На рабочей вечеринке стихи Надсона. Спор. Склоняются к мнению: «для представителя бодрого класса, класса, которому принадлежит будущее, не подходит грустная надсоновская поэзия». На Торговой улице при обстоятельствах известных обсуждали программу будущих рефератов. Просьба одного слесаря: «О Греции, о ее искусстве и мифологии».

Шестого июля в проходном дворе вблизи Обводного канала Валериана Владимировича настигает погоня. «Господин Куйбышев, вы нас достаточно поводили!»

При обыске ничего предосудительного у Куйбышева не оказывается.

Показаний он не дает. Все восполняет «Журнал донесений» филеров и резюме начальника охранного отделения:

«Куйбышев, по агентурным сведениям отделения, является одним из наиболее активных представителей местной подпольной руководящей группы ленинцев, ликвидированной в конце апреля и в начале мая месяцев 1915 г., выполнявшей функции и носившей наименование «Петербургского комитета РСДРП». После получения известий о московских беспорядках в конце мая месяца совместно с рядом других партийных работников, одновременно с ним ликвидированных, задался целью объединить в Петрограде социал-демократов... создать общую для них нелегальную партийную организацию и путем соответствующей агитации подготовить рабочие круги столицы к ряду революционных выступлений и беспорядков, долженствовавших, по предположениям его и его единомышленников, послужить началом нового вооруженного революционного восстания. В осуществление задуманного Куйбышев принимал участие в ряде законспирированных сходбищ и собраний, на коих была избрана особая «организационная комиссия», коей и поручено было выполнение всего вышеизложенного».

Время военное. Обременять формальностями, таскать по судам не стоит. Просто господин управляющий министерства внутренних дел предписывает отправить в ссылку на три года в Иркутскую губернию. «Место водворения по усмотрению губернатора».

На вокзале перед отправкой арестантского вагона на клочке бумаги послание друзьям.

«Как будто из плена вырвались. Ликуем... Улыбки до ушей. Цель «поездки» на время забыта. Едем на пикник; с той только разницей, что не всякий пикник создает такое ликующее настроение. Довольны проводами, довольны обстановкой... с жадностью впитываем в себя вольный воздух. Чего пожелать? Заразитесь от нас ликующей радостью и действуйте. Нам этого только («небольшое» только) недостает. Будьте бодры и радостны. Жизнь идет. Живи, ребята!»

Его превосходительство управляющий делами внутренними повелел отсчитывать срок с тридцатого июля 1915 года. Сломаются сроки. Вместе с домом Романовых сломаются. Куйбышев явится в Питер в апреле семнадцатого. С первой подвижкой льда на Неве. Приедет на Всероссийскую конференцию большевиков.

— Валериан, ты откуда? — спросит Яков Свердлов.

— Из Самары! А ты?

— Из Екатеринбурга. С уральской делегацией.

Яков Михайлович представит друга Ленину. Валериан не скажет, про себя подумает: «Могла быть встреча десять лет назад! Уже паспорт заграничный в портмоне и вещи увязаны...»

Помните? Вбежал знакомый, обронил — участнику московского восстания грозит смертная казнь. Его надо отправить за границу, а паспорта не найти. Куйбышев протянул свой. Фамилии не спросил, не суть важно... Через две недели сам в тюрьму угодил. Заранее знал, что так будет!

*Не прими за усталость, не прими за измену,
Ты вместилище силы, мощный город-магнит.
Завтра снова с тобою, завтра снова надену,
С бодрым криком надену все доспехи для битв.
Но теперь я вне битвы, но теперь я мечтаю,
Я мечтаю вдали от друзей и врагов.
Предо мною равнина без предела, без края.
Нет предела для солнцем залитых снегов.*

Стихи Куйбышева для журнала «Елань». Журнала литературно-политического. Место издания село Тутуры Верхотурского уезда Иркутской губернии. Тираж один экземпляр. От руки. Четким почерком редактора Ильи Ионов^[13]. Рисунки пером или акварелью. По прочтении всеми ссыльными в одной колонии переправляется в другую.

А о том, что существуют на земле Тутуры и назначен он жить в тех Тутурах безотлучно три года, Куйбышев узнает в Верхотурске. После того как отшагает без малого четыреста верст. От великой Сибирской магистрали до верховьев Лены-реки.

Из пересыльной иркутской тюрьмы этап вышел поздней осенью 1915 года. В предрассветных сумерках. По четыре человека в ряд. По бокам конвоиры. Валериан Владимирович поддерживает под локоть соседа Дмитрия Яковлева, только что отбывшего каторгу, одетого в негреющий арестантский халат. Без пальто и Куйбышев, в какой-то легкой куртке и городских штиблетах на тонкой подметке.

Дорогу размыло. Всюду грязь. Ветер колючий, холодный. До первого станка — до Оёка тридцать пять верст. Дошагали грязные, замерзшие. Загнали их в маленькую темную камеру. Измученные люди повалились вповалку на нары. Наутро Яковлева и четыре других от этапа отставили — заболели тифом...

От станка к станку. От грязи к снегу и метели. От осени к зиме. Долгие недели под звон кандалов. Под брань и тумачи конвойных.

В Верхотурске после приема у исправника можно заполнить почтовую открытку. В хорошо знакомый город Томск, другу Аркадию Иванову:

«Дорогой Аркадий! После целого ряда утомительных и во всех

смыслах опустошительных скитаний очутился в Верхоленске. Здесь узнал точно место своего назначения. Это село Тутуры. Но так как там нет почтового отделения, то адрес мой так: село Жигалово Верхолейского уезда, мне. Это 7 верст от Тутуры... Здесь сейчас и Гордей Егоров, который шлет тебе привет, а оба два вместе мы надеемся, что в ответ на приветы ты пришьешь нам рублей 10–15 денег. Выручай, брат, а то дела скверны. Может, найдешь не у себя, так у друзей».

Надолго задерживаться в Тутурах Куйбышеву нет резона. Ни малейшего. Только бы связи нужные наладить и чтобы морозы поослабли... Месяцы или недели? Заранее не определишь, не подсчитаешь, сколько все-таки продлится ссылка. Отбывать надо с пользой максимальной, как когда-то в Нарыме.

О времени, о ссылке, о долге — два человека, поставленные в условия совершенно одинаковые. Два социал-демократа, водворенные одновременно в глушь дремучую, верхоленскую. Письмо одного перехвачено жандармами в Иркутске. Второе дошло благополучно. Впоследствии обнародовано сестрой автора, Еленой Куйбышевой. Так перехваченное письмо:

«Да, тюрьмы нет, и я волен делать, что мне угодно. Но когда задумаешься, выходит, что делать-то нечего. Понимаешь ли, нечего делать. Вот что ужасно. И хуже, чем в тюрьме, тем, что не видишь врага. Там все ясно... там торчали решетки и надзиратели, тюремщики... и ясно было, кто мешает, кто враг... А здесь ничего. До тошноты просто делать нечего».

Куйбышев — матери:

«Дня не хватает. Если бы его увеличили в два раза, то и этого времени было бы мало. Хорошо, если бы сутки имели 72 часа!»

Четырех неполных месяцев оказывается предостаточно для завершения всего задуманного в Тутурах. На станках и заимках, особенно глухих, встречаются доверенные колоний верхоленской политической ссылки. Вроде бы кустовые конференции социалистов всех оттенков и направлений. Сообщения Куйбышева на тему предельно жизненную. О России, терпящей все более чувствительные поражения на фронтах.

Куйбышев зовет стоять на том, что проигрыш войны обусловлен загодя ее характером, государственным строем России. Рабочему классу нет резона участвовать во «всенародных» учреждениях, комитетах, рядиться в одежды лжепатриотов. Размежевание полное. В перспективе недалекой захват власти. Борьба крепчает. Накаляется заметно.

От фронтов, от рабочих центров до верховьев Лены тысячи и тысячи верст. Огромное расстояние страстей не охлаждает. Напротив. Порождает

иллюзии, заблуждения. Рассуждения наивные, вздорные. Очень дорогие их авторам. Поездки Валериана Куйбышева, выступления, встречи легкими прогулками никак не назовешь. А своего добивался. На основе разумной, большевистской.

Учреждены кружки политические и общеобразовательные. Налажен журнал. Создана библиотека — таким же способом, как в Нарыме. Теперь, пожалуй, можно позаботиться и о надобности личной. Добывает Валериан Владимирович бессрочную паспортную книжку на имя крестьянина села Илгинского Верхолесского уезда Иосифа Андреевича Адамчика.

В феврале шестнадцатого года этот Адамчик свершит бросок стремительный. От Лены к Волга. Задумал еще дальше — на Неву. Да круто вмешался Андрей Бубнов, тот харьковский друг. «Почти насильно, не дав мне денег, заставил меня остаться в Самаре».

Всего Бубнов не предвидел. Но вперед заглянул, существенное уловил.

Со столицей имперской Самаре смешно тягаться. То город державный, она — купецкий. В годы недавние, предвоенные славилась пивом жигулевским, струковским садом, девицами и разгулом хлебных торговцев оптовых, пароходовладельцев. Заводские гудки слышались редко. Куда чаще гремели жалюзи магазинов.

Первый хлебный воротила Башкиров становится и заглавным патриотом. Председателем военно-промышленного комитета. На военных поставках наживает миллионы. Война — она такая. Помимо всего другого, делает капиталы, делает карьеры, напрочь рубит устои, основы. Весь строй.

С лета пятнадцатого года в Самару хлынули беженцы из западных губерний. Десятки тысяч бездомных, голодных. Девятнадцатого сентября женщины и подростки стали громить магазины на Дворянской улице. Конную и пешую полицию отогнали камнями. Губернатор князь Голицын бросил на усмирение казаков. В дело пошли сабли, клинки. Баб самых упорных схватили, поволокли в участок. По дороге на казаков навалились солдаты запасного полка. Отбили арестанток.

Через пять недель новая схватка с казаками, на Троицком рынке. Залпы в толпу. Стачки, митинги на заводах. Не на пивоваренных. На больших военных. На «Саламандре», заводе, полностью перевезенном из Риги. На трубочном у генерала Зыбина. Там мастеровых за двадцать тысяч!

— Дворянская улица остается центральной. Только центр жизни все больше перемещается за Волгу, в Постников овраг, на Красную глинку. В места рабочих сходов. Самара военных заводов, запасных полков, бунтующих солдаток — Самара новая, грозная. Ей сказать веское слово в событиях надвигающихся.

На казенный трубочный завод принимают мастеровых только высокой квалификации. Работников самостоятельных. А Иосиф Адамчик, тишайший крестьянин-таежник с Лены, никакого мастерства не знает. Ни токарного, ни фрезерного, на худой конец — слесарного. Приходится в дневные часы Адамчику работать в пекарне, в кооперативе «Самопомощь». Вечерами допоздна обучаться у фрезеровщика Николая Дмитриева. Большевика из шестой мастерской трубочного.

Ученик старателен. Достаточно сметлив. Пробу сдает вполне благополучно. Впоследствии в записках своих гордится: «На заводе я давал норму большую, чем любой старый фрезеровщик... Мои партийные товарищи приходили ко мне и просили вырабатывать меньше, чтобы не снижать общий заработок рабочих».

В августе сдавать пробу позначительнее. Под дулами наведенных казачьих карабинов. Делегаты от всех мастерских на заводском дворе. Приглашают начальника завода генерала Зыбина. Чтобы вручить требования: «Восьмичасовой рабочий день, увеличение заработка на пятьдесят процентов. Или забастовка!» Генерал вызывает казаков. Двор оцеплен. Карабины наизготовке. Является генерал. Командует: «Немедленно разойтись по мастерским!.. Считаю до двадцати, после приказываю стрелять. Ну, марш!»

Куйбышев из толпы. Голос у него зычный. «Не поддавайтесь! Не расходитесь! Второго Кровавого воскресенья Россия не простит!»

Генерал понимает. На Руси год 1916-й. Генерал приказывает казакам убраться.

Военный министр выражает свое неудовольствие генералу Зыбину. Строгий разнос и начальнику губернского жандармского управления. Департамент полиции требует неукоснительно помнить, что «придает серьезное значение оживлению большевистских организаций. Почему Вам надлежит иметь особое наблюдение за таким оживлением и при первых попытках к широкой организационной работе и завязыванию связей с другими поволжскими городами, не затягивая наблюдения, — ликвидировать».

От провокатора Еремеева, тоже обосновавшегося на трубочном, департаменту известно: на Красной глинке было собрание большевиков. Избраны городской Самарский комитет, пропагандистская коллегия и организационная группа по созыву Поволжской конференции.

К четвертому сентября прибывают делегаты конференции из Саратова, Оренбурга, Пензы, Нижнего Новгорода и Сормова. С часу на час явятся посланцы Ярославля и Костромы. Открытие в восемь часов вечера в доме

тринадцать на Вознесенской улице.

Уговариваются, что Куйбышев войдет последним. После того как убедится, что за домом нет наблюдения. На углу он сталкивается с каким-то прохожим. Тот вглядывается. Тут же вытаскивает из жилетного кармана часы.

Валериан Владимирович направление меняет, входит в расположенный напротив Александровский сад. Устраивается на скамейке. Весь внимание.

Не сразу, минут через двадцать-тридцать, у дома появляется субъект с тросточкой. Проходит дальше, возвращается назад. Туда-сюда. Все ближе к окнам...

Подозрение Куйбышева превращается в уверенность — конференция провалена. Надо побыстрее разойтись. Унести опасные документы. Если не успеть, будут слишком тяжелые приговоры, припишут пораженчество, могут и измену... Конференция созвана главным образом для выработки резолюций против войны.

Войти в квартиру Валериану Владимировичу удастся без помех. Вероятно, филер даже отвел глаза, чтобы в заброшенные сети попало побольше — начальству желательно схватить всех сразу. Сопротивление совсем с другой стороны. Достаточно упорное. Бубнов обвиняет своего друга в шпикомании. «Да тебе кажется, все это пустяки!»

Куйбышев здоров, силен — не теряя времени, почти насильно вытаскивает всех из квартиры. Как раз в те считанные минуты, когда филер мчался с донесением о том, что конференция собралась, все в сборе.

Как ни в чем не бывало в ночную смену является фрезеровщик Адамчик. С некоторым опозданием. Но товарищи заблаговременно номерок перевесили — никаких следов нарушения.

Департамент полиции все равно требует немедленной «ликвидации». Восемнадцатого сентября Куйбышева забирают. Все так же с паспортом Иосифа Андреевича Адамчика.

Следователи жандармского управления не верят, подозревают, что они поймали большую щуку. Полковник Познанский после трех допросов прямо в лоб: «Вы не Адамчик, а бежавший с каторги опасный преступник. Теперь мы упрячем навечно. Поиграли — хватит!»

Адамчик смиренно отвечает: «Как угодно. Я сын ссыльного поляка и до сих пор занимался сельским хозяйством».

Месяц, второй, третий мнимый Адамчик в тюрьме^[14]. Упорствует, покуда не убеждается, что дело ограничится административной высылкой, никакой каторги. Можно и признаться: «Я действительно не Адамчик, а

всего-навсего бежавший административный ссыльный по фамилии Куйбышев».

Благородному негодованию полковника нет границ. «Вы врете, мы вас разоблачим!»

Куйбышев как может успокаивает: «Господин полковник, пожалуйста, не волнуйтесь, возьмите ваши архивы, и вы сможете убедиться, что есть такой Куйбышев, что он был в иркутской ссылке, откуда и бежал».

Из архива доставляют фотографии. Полковник крайне разочарован. Отомстить он может только в одном: добиться для Куйбышева приговора в Туруханскую ссылку на пять лет...

Обычный маршрут — пересыльные тюрьмы в Оренбурге, Челябинске, Новониколаевске^[15]. На дальних путях в Новониколаевске, в момент, когда ссыльных выводят из арестантского вагона, к Валериану Владимировичу бросается мать. Конвойный, в припадке внезапной ярости или чтобы выслужиться, выхватывает шашку, ударяет Куйбышева. Второй удар. На глазах Юлии Николаевны. К счастью, до трагедии не доходит.

В следующую — красноярскую тюрьму Куйбышев и его однодельцы Бубнов и Андроников приходят ни раньше ни позже как двадцать пятого февраля 1917 года. Ничего не подозревают о событиях в Петрограде. А там всеобщая политическая забастовка. В полный голос провозглашаются лозунги: «Долой царя!», «Долой войну!», «Хлеба!» Рушится империя. Счет на дни. На часы!

Куйбышев и Андроников настаивают на том, чтобы немедленно идти дальше. Бубнов, немного заболевший в дороге, более склонен остаться в красноярской пересылке и подождать парохода, открытия навигации... В конечном счете Бубнов соглашается с товарищами. Вызывают начальника тюрьмы, требуют, чтобы он включил всех троих в партию ссыльных, что выходит послезавтра. Начальник заявляет, что... уже поздно подымать этот вопрос, и быстро выкатывается из камеры.

Куйбышев с друзьями шумят, стучат скамейками, устраивают дебош. Появляется прокурор. Он нисколько не гневается. Напротив, сплошная любезность, предупредительность. «Если угодно, завтра же отправляйтесь... Не смею неволить!»

Жестокая ирония судьбы. Двадцать седьмого февраля, когда власть уже в руках Временного правительства, Куйбышев, Бубнов, десятки ссыльных выходят из красноярской тюрьмы, скованные рука в руку с соседом... Выходят чуть свет, часа в четыре утра.

Дальше, дальше на север. Уже двести верст от Красноярска. Пешком, конечно. С одним маленьким послаблением. За то, что Валериан

Владимирович согласился преподавать начальнику конвоя, любознательному мужичку-кулачку, алгебру и геометрию, с троих друзей сняли кандалы.

Шестого марта приходят на глухую заимку. Настолько глухую, что ни почты, ни телеграфа, ни властей, ни ссыльных. К Куйбышеву, наслаждающемуся чаем, является конвойный солдат: «Господин, поспешите к начальнику конвоя».

Валериан Владимирович решает, что это по поводу занятий математикой. «Выпью чай и приду».

Снова конвойный. «Пожалуйте к начальнику немедленно!»

Куйбышев, изрядно рассердившись: «Скажите, что я не нанялся заниматься с ним. Кончу чай и приду».

Третье явление конвойного. «Господин Куйбышев, вас господин начальник просит не для занятий немедленно прийти».

Чаепитие окончательно испорчено. Валериан Владимирович направляется в караульное помещение. Длинный стол. Во главе конвойный начальник. Солдаты расселись вокруг. Начальник держит какую-то бумагу, как будто извещение о войне. Почти просительно: «Прочтите и разъясните».

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «Я беру эту бумагу в руки и начинаю читать. Вдруг вижу: «Временное правительство», «министр юстиции Керенский», «амнистия политическим...»

Я бросаю бумагу и хочу бежать, чтобы сообщить товарищам, но меня сзади схватывают за руки и кричат; «Объясни!»

Я говорю:

— Что же объяснять? Произошла революция, мы свободны, мы амнистированы. Все политические амнистированы. Чего же еще объяснять?

— Нет, ты прочитай и объясни, без этого мы тебя не выпустим отсюда.

Мне самому было интересно прочесть всю листовку. Я прочел ее им и говорю:

— Вот видите, мы свободны.

Начальник конвоя... мне говорит: «Ну хорошо, ты иди, только никому ничего...»

Я рассмеялся... Бегу к себе. Ребята по-прежнему спокойно сидят и пьют чай. Я кричу им:

— Товарищи, революция!

Они на меня посмотрели, а потом раздался общий смех.

— Вот здорово ты утки пускаешь!

— Да, товарищи, революция!

Снова взрыв хохота:

— Ну как ты правдоподобно врешь!

Наконец я со слезами в голосе кричу:

— Товарищи, революция произошла!

И вдруг все поверили. Это был неповторимый момент. Все встали и торжественно запели «Марсельезу», а потом Бубнов произнес речь. Он говорил всего три минуты, но эта речь, страшно горячая, лилась от сердца, от души...

Во время нашего пения вошли конвойные солдаты. Обыкновенно петь запрещалось, но сейчас они не прерывали нас.

Мы начинаем обсуждать, как быть... Вызываем начальника конвоя... Он упирается. «Я не знаю, может быть, власть сменилась. Я буду всякой власти служить, но я присягал царю и, пока не буду окончательно убежден в том, что царь свергнут, не могу вас освободить, а если вы попытаетесь уйти, я приму меры вооруженного воздействия».

...Мы находимся в такой глухой деревушке, что до следующего села, где имеется телеграф, почта и волостной старшина, надо идти два дня, то есть пятьдесят верст. Как быть? Если мы попытаемся силой освободиться, то, может быть, половина из нас будет убита, а между тем через два дня и так мы будем свободны.

И вот, зная, что мы уже свободны, мы на следующее утро позволили заковать себя в кандалы и двинулись. Ночевка еще в одной этапке. Это уже не была веселая ночевка, у всех было плохое настроение.

Подходя к селению Казачинскому, версты за две до села мы увидели демонстрацию, идущую нам навстречу с красными флагами. Впереди идет Клавдия Николаева. В правой руке она держит красный флаг, а в левой — ребенка.

Демонстранты шли освободить нас...»

Куйбышев с Андреем Бубновым нанимают подводы. Катят назад в Красноярск. Два дня, две ночи предельно быстрой езды. Десятого марта добираются до города. С корабля на бал. С подводы на митинг на центральной площади.

Еще через шесть дней Самара. Тут Куйбышев узнает, что он отец. У него сын Владимир. В честь деда — Владимира Яковлевича.

Что первенец жив, что мать его уцелела, велели Валериану Куйбышеву благодарить самарских жителей. Замешкайся они, не ворвись в десять часов утра третьего марта в тюрьму, и Прасковья Афанасьевна^[16] и

младенец сгинули бы. Женщину нашли на полу в камере в послеродовой горячке. У ее ног задышался младенец. Доктор Близнянская объяснила, что если бы ее вызвали десятью минутами позднее, нельзя бы спасти ни мать, ни ребенка.

Так для Валериана Владимировича началась революция. С подробностями своими, особенными!

На самарской сцене действующие лица те же. Только время расставляет их в несколько ином порядке. Валериан Куйбышев — большевик, подпольщик — председатель^[17] исполкома Совета рабочих депутатов. Губернатор князь Голицын — в тюрьме. Начальник губернского жандармского управления полковник Познанский — в тюрьме.

При всем при том генерал Зыбин вершит дела на трубочном заводе. Генерал Савич-Заболоцкий начальствует над гарнизоном. В Совете, где председательствует Куйбышев, из шестидесяти пяти членов исполкома большевиков десять^[18]. Председатель легко может остаться в удручающем меньшинстве.

О будущем голосовании мало кто думает. Город просыпается и отходит ко сну под звуки «Марсельезы» и медь оркестров. Обыватели лобзаются. Случается, оцарапываются об огромные красные банты.

Газета «Волжский день» — издание респектабельной партии кадетов — крупным шрифтом выделяет сообщение:

«Высокочитимый Валериан Владимирович Куйбышев 14 сего апреля отбыл в Петроград. Высказывается предположение, что цель поездки — участие в съезде большевиков. Не исключается встреча с Ульяновым-Лениным. Среди многочисленных провожающих на вокзале Самаро-Златоустовской железной дороги был лидер соперничающих эсдеков-меньшевиков, глубокоуважаемый господин Кабцан. Возможно, это просто акт вежливости».

Собратья господина Кабцана, те, кто делает политику в столице, не так вежливы. Их официоз «Рабочая газета» церемонии отмечает.

«Знаменитые ленинские «тезисы» перестали быть продуктом личного творчества Ленина. Сто сорок^[19] делегатов большевистской конференции, почти как один человек, приняли резолюции, которые в развернутом виде излагали мысли тех же «тезисов»... Как бы там ни было, теперь, после конференции, революционно настроенные массы имеют не только вождя, но и организацию... Тем более настоятельной является серьезная борьба с ленинизмом во всех его проявлениях».

Да, борьба. Бескомпромиссная! Россия идет от буржуазно-демократической революции к социалистической. Сообщения делегатов Урала, Москвы, Петрограда, Поволжья, Кавказа позволяют Ленину заключить: «Из центра революция переходит на места». Организации

наиболее крепкие «прямо подходят к задачам социалистической революции». И в слове Ильича напутственном двадцать девятого апреля: «Было мало времени, много работы».

Куйбышев все же поддается соблазну навестить после партийной конференции мать и сестер. Они по-прежнему в Тамбове. Почти на пути из Питера в Самару.

— В этот день мы с мамой убрали квартиру, — не забыла Елена Владимировна. — Раздался звонок. Открываю дверь и вижу на пороге старшего брата Толю, жившего в Москве, где он работал инженером-электриком.

Снова звонок. Иду открывать, и в комнату входит Коля, младший брат, офицер царской службы, перешедший на сторону большевиков и приехавший с фронта в Петроград, чтобы встретиться с Валерианом.

«Как хорошо! Два сына, не сговариваясь, приехали меня навестить!» — радовалась мама.

Еще немного времени. Опять звонок. С шумом входит оживленный, веселый Воля. Казалось, нашему ликованию не будет конца. Оказывается, братья, приехавшие из Петрограда вместе, решили подшутить над мамой и сестрами, как часто делали это прежде, когда мы жили одной семьей.

В этот приезд Валериан был особенно оживлен, подвижен, беспрестанно придумывал разные игры, вовлекая в них даже маму.

Она смеялась: «Воля вспомнил детство. Вот что значит быть спокойным и радостным!»

Воля подхватывал: «Я всегда был таким!»

Вечером Валериан рассказал нам о Временном правительстве, о том, почему оно не удовлетворяет рабочих.

«Кто же тогда будет у власти, когда вы сбросите Временное правительство?» — испуганно спрашивала мама.

«Будем мы, большевики. Будут Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Мама с тревогой говорила: «Валериан опять в борьбе... Когда же это кончится, когда успокоится его мятежная душа?»

Воля услышал. Деликатно осведомился: «Мама, ты разочаровалась в Пушкине? — Мама протестующе замахала руками. — Нет? Ты его почитательница по-прежнему. Тогда позволь мне напомнить его девиз: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать!»

В мамином дневнике есть запись, относящаяся к этим дням: «Что-то будет? Страшно за Волю, что он вечно в борьбе. Так хочется пожить с ним, последить за его питанием. Он говорит, что бывают дни, когда он забывает

пообедать. Так хочется, чтобы он спокойно пожил хотя бы месяц. Да разве его уговоришь!»

Уговорить, воздействовать на Куйбышева весьма угодно и Временному правительству. Сыр-бор из-за «Временных правил пользования землей», принятых в мае Вторым губернским съездом крестьян. По настоянию большевиков. Против воли эсеров. Постоянно бравирующих тем, что они выразители дум и чаяний русского крестьянства.

Делегаты привезли около двухсот крестьянских наказов: «От помещиков землю отнять. Немедленно делить!» Большевики наказы поддерживают. Куйбышев на съезде объясняет: Учредительное собрание ждать ни к чему. Бесполезно. Землю трудовому крестьянству возможно добыть единственно своими руками. В союзе с главной силой революции — городским рабочим людом. «Крестьянство только под руководством рабочего класса и его передовой части — партии большевиков, — повторял Валериан Владимирович, — может добиться полного разрешения своих задач — мира, хлеба, земли и настоящей свободы».

От большевистской группы проект «Правил». «Все земли — частновладельческие, казенные, банковские, удельные, монастырские, кабинетские, церковные — немедленно поступают в ведение и под контроль земельных комитетов, которые и становятся фактическими распорядителями их. Эти земли составляют народный фонд, из которого будут удовлетворяться потребности крестьянства». Оговорено особо — к реформе должно быть приступлено немедленно.

Эсеры в бой. Летят в Петроград депеши: «Дезорганизация власти... Анархия... Большевистский разбой!»

Экстренно прибывает высокий представитель министерства сельского хозяйства эсер Аксель. Вслед специальный правительственный комиссар Тоцкий. Министр внутренних дел меньшевик Церетели отправляет своего заместителя с грозным циркуляром — немедля, тут же привлекать к уголовной ответственности, сажать в тюрьму всех, кто осмелится осуществлять «Правила», пропитанные большевистским ядом.

Губернский комитет большевиков вызов принимает. Своих самых надежных людей — пропагандистов, организаторов — рассылает по уездам. «Краснобай Церетели далеко, земля близко. Делите! Обратно взять сил не хватит!» И времени тоже.

Восьмого июня в «Приволжской правде», органе губкома, как бы резюме: «Здоровое понимание связи между политической революцией и борьбой за землю победило и кисло-сладкие увещевания ждать до Учредительного собрания, и угрозы Временного правительства

расправиться с захватчиками».

Ну, а свой местный самарский Церетели — Кабцан наносит короткий визит Куйбышеву.

«К_а_б_ц_а_н: Мы решили работать вместе с вами.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: Работать совместно можно, но надо принять нашу программу.

К_а_б_ц_а_н: За этим я и пришел. Надо обсудить нашу программу и вашу.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: Нашу программу пересматривать не позволим! А вашу обсуждать мы не хотим. Она, извините за резкое слово, очень напоминает немецкую шуточную балладу «Путаница». Про человека, у которого все наоборот. «Он в рыбах озеро удил, ему сынок жену родил, а мышь поймала кошку. Кормил он курами овес, землю удобрял навоз, хлебал отваром ложку...» Желаю здравствовать!»

К середине лета все прочно на своих местах. Газета «Волжский день» окончательно лишает некогда «высокочтимого Валериана Владимировича Куйбышева» своих симпатий. Призывает все кары небесные. Еще лучше земные... В трогательном единении кадеты, эсеры, меньшевики создают «Комитет общественной безопасности». Сколачивают «батальон смерти». Из сыновей достойнейших семейств. Отпрысков густо разбавляют ветеранами «Союза русского народа», погромщиками со стажем, просто уголовниками. Высокая цель расправы с большевиками все оправдывает, списывает...

Куйбышев отправляется проторенной тропой в казармы 119-го запарного полка.

На страницах «Приволжской правды» недвусмысленное признание о целях:

«Батальон жизни III Интернационала!

Он у нас организуется не для каких-нибудь разбойничьих целей, а только для того, чтобы дать должный отпор всякому, покушающемуся на добытую чистой невинной кровью солдат и рабочих свободу... Солдаты полка проголосовали приобрести и поставить под охраной часового красное знамя с надписью: «Да здравствует III Интернационал!»

По губернии разбросаны запасные полки, артиллерийские бригады, команды выздоравливающих — выписанных из госпиталей фронтовиков, решительных, легко взрывающихся. В одном Самарском гарнизоне около шестидесяти тысяч солдат. А еще Сызрань, Бузулук, Иващенково, Николаевск... Чья сила весомее?

Гарнизонный митинг — власть по сегодняшним июльским

обстоятельствам наивысшая — назначен в Аржановском саду. Накануне вечером у Валериана Владимировича засиживается младший унтер-офицер Василий Блюхер. До фронта рабочий вагоностроительного завода в Мытищах, под Москвой. С прошлого, 1916 года большевик. Оба члены Совета и военной организации при губкоме. Отношения давно вышли из рамок официальных. Куйбышев не утерпел, по-приятельски попросил:

— Не взыщи, Василий Константинович, откуда у тебя, по всем мастям коренного русака, громкая фамилия немецкого маршала?

— Помещик, будь он неладен, потешился! Обласкал моего деда, крепостного мужика. Обратно никак — Блюхер и Блюхер! В деревне больше за ругань сходило. Мальчишки особенно донимали...

Сидят приятели за полночь. Разговор с одного на другое. Нет-нет к завтрашнему митингу возвращается.

— Ты, Валериан Владимирович, на особенно дружелюбную встречу не надейся! Главное, чтобы стали слушать, чтобы слово твое пробилося. Пустобрешная шелуха, правда, недоговоренная до конца, — все во вред. Солдаты шикают, улюлюкают. Недолго и с трибуны стянут, тумака не пожалеют... Значит, выкладывай все как есть. Без страха, без оглядки!

Куйбышев подхватывает:

— Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно!.. Это не я, Маркс. Так закончил он предисловие к первому тому «Капитала».

Солдаты толк знают: «Выражаем свою полную поддержку и солдатское товарищество петроградскому пролетариату и гарнизону... Никакого доверия правительству, расстреливающему свободу... Вся власть революционному народу».

Пора вооружать и рабочих. К осени резко ухудшилось военное и экономическое положение страны. Произошли коренные сдвиги в расстановке противоборствующих классовых сил.

Ленин, только что сменивший шалаш у озера Разлив — «мой зеленый кабинет» — на Гельсингфорс, пишет письмо Центральному, Петербургскому и Московскому комитетам: «Большевики должны взять власть». Тогда же — между двенадцатым и четырнадцатым сентября — Ильич присылает в ЦК свой «примерный план» вооруженного восстания.

Спасти страну и революцию, убеждает Ленин, может только партия рабочего класса, если она возьмет власть в свои руки и немедленно предложит мир народам. В новых условиях снятый в апреле лозунг «Вся власть Советам!» получает совершенно новое содержание. Теперь это лозунг перехода власти путем вооруженного восстания. Прямой подход к диктатуре пролетариата — коренному требованию программы

большевиков.

Двадцать девятого сентября Куйбышев предлагает Совету рабочих и солдатских депутатов принять «Основные положения устава Красной гвардии». Устава им разработанного, выношенного. Уже введенного в действие. На трубочном заводе — в шестой мастерской. Где весьма удачно начинал карьеру фрезеровщика исполнительный, дружелюбный, охотник спеть, посмеяться Иосиф Адамчик. Он же Валериан Куйбышев, беглец из иркутской ссылки.

Трубочный рядом, на городской окраине. Валериан Владимирович частый посетитель. Когда по неотложной надобности, когда душу отвести. Если бы еще заводские умельцы отковали другу волшебную машину, чтобы по тайному слову переносила из Самары в Питер. В Центральный Комитет. Или в поздний ночной час на квартиру к Свердлову, к Бубнову... Почте, телеграфу сокровенное не доверишь. Оказии ждешь. На крайний случай снаряжаешь верного человека.

Сегодня таким путем от Якова Михайловича записка. Десятого октября собирался Центральный Комитет. Впервые после июльских событий участвовал Ленин. Десятью голосами против Каменева и Зиновьева приняли резолюцию, внесенную Ильичем: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне созрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и решать все практические вопросы...»

Далее в записке: «Мы подошли к вооруженному восстанию в центре и на местах».

Совпадение или в Центральном Комитете уже знают, что в Самаре собирался губернский съезд большевиков? Экстренный и почти что нелегальный. Вся повестка — доклад Куйбышева и решение. Власть брать немедленно, как только начнутся события в Петрограде. Красноармейские дружины, полки и батареи, революционно настроенные, держать в готовности. Персональная ответственность на Куйбышеве. Избрать его председателем губернского комитета партии.

Двадцатого числа Валериан Владимирович на заседании Совета как бы подбивает итог:

— Текущий момент характеризуется крайней остротой, трагичностью положения русской революции: продовольственный кризис, закрытие предприятий, безработица... Кроме внутренних бед, скопляются еще тучи извне... Активные операции германского флота были возможны только благодаря тому, что «союзные» английские корабли умышленно бездействовали. Английская и вся союзная буржуазия хочет задушить

русскую революцию руками Вильгельма. Немцы подступают к Петрограду... Мы должны взять дело обороны страны и революции в свои руки. Власть должна перейти к народу в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Остается пять дней. Еще пять дней!

Поздним вечером двадцать четвертого октября Ленин приходит в Смольный. По определению председателя Военно-революционного комитета (ВРК) Николая Подвойского, Ильич пускает «машину восстания на полный ход, на самую высокую скорость».

Всю ночь самокатчики доставляют на третий этаж Смольного, в комнату с эмалированной дощечкой «Классная дама» — резиденция, самая подходящая для ВРК, — вести о победном шествии восстания. Занята центральная телефонная станция... Городской почтамт... Балтийский и Николаевский вокзалы... Здание градоначальства... Гостиница «Астория» — фешенебельное пристанище гвардейского офицерства... Восстановлено движение по Николаевскому мосту... Поставлен караул у Государственного банка...

Двадцать пятого днем командующий войсками Петроградского военного округа докладывает по начальству: «Беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караул без сопротивления...»

В два часа тридцать пять минут пополудни в огромном белом, разделенном двумя рядами массивных колонн актовом зале Смольного открывается чрезвычайное заседание Петроградского Совета. В предельной тишине, будто люди даже перестали дышать, Ленин, внешне совершенно спокойный, не повышая голоса, произносит слова бессмертные:

«Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

В три часа пополудни Куйбышев собирает исполком Самарского Совета. В руках моток туго скрученной телеграфной ленты. Шевелюра растрепана больше обычного. Вид сияющий.

— Поздравляю! В Питере началось... Да здравствует Советская власть! Вперед и мы за работу!

С осенних ранних сумерек до пяти утра нескончаемое заседание. Гвалт, крики, буйство. «Большевиков к ответу!.. Куйбышева под суд за узурпацию законной власти... Пригрели змею...» Список ораторов — эсеров, меньшевиков, кадетов, «беспартийных» поклонников твердой генеральской руки, просто монархистов — никак не исчерпывался. До

голосования так и не добрались. Перенесли на завтра.

Караулы большевиков уже на правительственном и железнодорожном телеграфе. На вокзале и на волжских пристанях. К начальнику гарнизона приставлены комиссары прапорщик Мельников и младший унтер-офицер Блюхер. На трубочном, на «Саламандре», на фабрике гранат, в паровозном депо власть рабочая.

Вечером двадцать шестого опять собираются все три Совета — рабочий, солдатский, крестьянский. К ним представители заводских, полковых, эскадронных комитетов. Многочисленные делегации Самаро-Златоустовской железной дороги, пароходства, почтово-телеграфных служащих, лиц свободных профессий, приказчиков. Синематограф «Триумф», обычно арендуемый в таких случаях, безнадежно мал. Все отправляются в театр «Олимп». Кое-как втискиваются.

Давно досаждающий дождь к ночи вовсе разъяривается. Будто копирует ораторов в зале. Те, когда недостает аргументов, хватаются за грудки. Тащат с трибуны волоком...

Куйбышев для разрядки, для отрезвления оглашает депеши из Петрограда, из Москвы. Доставляют их красногвардейцы почти каждый час. «Керенский бежал из Зимнего на машине под американским флагом... Открылся Второй Всероссийский съезд Советов... Двадцать шестого в пять часов утра принята декларация: «Рабочим, солдатам, крестьянам»... На вечернем заседании Декрет о мире... Декрет о земле... Отмена смертной казни на фронте... Образован Совет Народных Комиссаров Российской Республики... Председателем Совета Владимир Ульянов (Ленин)...»

При полном дневном свете — уже двадцать седьмого октября — начинается подача голосов. За власть Советов, за Россию будущего — 441. За правительство, уже даже не временное, за обломки строя рухнувшего — 141.

В белокаменном особняке последнего губернатора князя Голицына — р_е_в_к_о_м.

Обитатели самарские во мнениях сильно расходятся. Некоторые признают за благо наивысшее сей ревком с председателем Куйбышевым отправить в путь безвозвратный. К праотцам!

В ночь на пятнадцатое декабря в белом особняке взрыв.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «...Во время заседания ревкома мы вдруг услышали какой-то неопишуемый грохот. Электричество погасло, здание потряслось, раздались выстрелы, а потом начался пожар... Мы работали на втором этаже и при помощи веревки спустились вниз. Как потом

выяснилось, лестница, по которой я за две минуты до взрыва поднялся наверх, оказалась полностью разрушенной».

Шесть человек убиты. Тридцать девять тяжело ранены. Многие искалечены.

Сообщение губернского комиссара Галактионова:

«К сведению граждан.

Настоящим довожу до сведения граждан г. Самары, что вследствие взрыва и пожара в помещении Комиссариата, уничтожившего много дел и документов, прием по делам Комиссариата временно прекращается».

О событиях такого же толка Петр Кобозев. Старейший русский революционер. Член РСДРП с 1898 года.

«Конец 1917-го. Казачий атаман Дутов восстал против Советской власти и начал грабить не только Оренбургскую, но и Самарскую губернию. Я был послан в Самару в помощь товарищам... Помню ночное заседание под председательством В. В. Куйбышева. Мы обсуждали, как реализовать план Ленина по борьбе с контрреволюционным оренбургским и уральским казачеством.

Куйбышев направил Василия Блюхера к Уфе и Челябинску во главе самарских дружинников, которые должны были стать ядром при формировании красных партизанских частей Южного Урала. Основная задача состояла в том, чтобы не дать возможности белым отрезать центры революции — Москву и Петроград — от сибирского и южноуральского хлеба. Другой отряд, под моим командованием, был направлен товарищем Валерианом в Бузулук для борьбы с Дутовым на Оренбургском фронте. Оставшись в Самаре, Куйбышев взял на себя чрезвычайно тяжелую миссию — комплектовать, снаряжать и вооружать не только мой отряд, но и силы Блюхера, действовавшие в горах Южного Урала почти самостоятельно. Эту трудную задачу он выполнил.

Одновременно Валериан Владимирович очень умело проводил разоружение казацко-солдатских эшелонов (демобилизированных фронтовиков), которые, не подчинившись Совету Народных Комиссаров, успели прорваться через Сызрань к Самаре и увезли с собой винтовки, пулеметы, даже орудия.

Председатель Самарского ревкома, он, помимо всего прочего, обязан был заботиться, находить силы для защиты города».

Председатель ревкома. Стало быть, вперёдсмотрящий. Ко всем бурям лицом.

Самара. Начало года 1918-го. Хроника событий будничных. Повседневных.

Январь, 1, понедельник.

«Самарский Революционный Комитет доводит до сведения граждан, что налет группы анархистов на магазины Виткова, Покидышева и др. с целью захвата теплых вещей делался без ведома Ревкома. Революционный Комитет считает недопустимым частные захваты отдельными лицами и заявляет, что он будет бороться против подобных выступлений».

Январь, 2, вторник.

Образована губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией.

Январь, 6, суббота.

Татары — рабочие трубочного завода разогнали буржуазное общество «Милли Шуро» и мусульманскую военную организацию.

Январь, И, четверг.

Ревком разъясняет, что красногвардейцы несут службу бесплатно, из желания помочь рабоче-крестьянской власти.

Январь, 14, воскресенье.

В «Олимпе» публичный отчет ревкома — Куйбышев, Галактионов.

Январь, 17, среда.

Из Петрограда на жительство в Самару прибыли члены Учредительного собрания, видные эсеры Брушвит, Вольский, Климушкин. «История, — предвидят они, — никогда не простит большевикам акт насилия. Учредительное собрание распущено. Учредительное собрание возродится, как птица феникс. По сему поводу интервью в газетах: «Земля и воля», «Волжское слово», «Волжский день», «Вечерняя заря», «Вечерний курьер».

Январь, 19, пятница.

Манифестация. Митинг на площади Свободы по поводу победы красногвардейских отрядов над мятежными казаками атамана Дутова.

Январь, 21, воскресенье.

Ночью группа вооруженных анархистов произвела налет на гостиницу «Сан-Ремо». Перестрелка с красногвардейцами. Жертвы с обеих сторон.

Январь, 23, вторник.

Независимая партия «максималистов» извещает, что путем свободного

голосования избран новый комиссар-распорядитель Бульон М. И.

Январь, 26, пятница.

Начала свою деятельность организация революционных социал-демократов-интернационалистов. Вышли первые номера газет: «Свободное слово» на немецком языке, «Пробуждение» — на венгерском.

Февраль, 6, вторник.

Председателем губернского исполкома избран В. В. Куйбышев.

Февраль, 8, четверг.

Исполком пригласил капиталистов ускорить реализацию 10-миллионного займа и взноса принудительного 5-миллионного налога.

Февраль, 12, понедельник.

Солдаты саперного полка обезоружили красногвардейцев третьей дружины. Артиллеристы обстреляли трубочный завод.

Февраль, 13, вторник.

Создан революционный штаб для охраны города. Губисполком издал приказ о роспуске гарнизона. Обращение к демобилизуемым солдатам вступить в Красну» Армию.

Февраль, 14, среда.

Губернский съезд большевиков. Доклад Куйбышев! о работе губкома.

Февраль, 18, воскресенье.

В «Олимпе» премьера Народного театра.

Февраль, 19, понедельник.

В газетах приглашение Куйбышева военнопленные вступить в интернациональные боевые отряды.

Февраль, 20, вторник.

Федерация анархистов выпустила летучки по повод; якобы изданного ею «декрета о национализации женщин» Февраль, 22, четверг.

Городские хлебопекарни прекратили выпечку хлеба Февраль, 24, суббота.

Революционный трибунал, рассмотрев дело провокатора Башкина, приговорил его к лишению прав, общественного доверия и высылке в отдаленную местность. По вы ходе на улицу Башкин убит неизвестным.

Закрыт за контрреволюционное направление юмористический журнал «Харакири».

Февраль, 25, воскресенье.

В Самаре образовалась чехословацкая секция РКП (б во главе с Францем Шебестом.

Февраль, 27, вторник.

Объединенное собрание Советов с представителями профсоюзов по

вопросу о войне и мире. Принята резолюция Куйбышева: «Социалистическое Отечество в опасности... Мы зовем пролетариат и трудовое крестьянство к единой мысли о революционном отпоре душителям Советской России... Зовем всех трудящихся к оружию, к Великой Священной войне».

Март, 1, четверг.

Губернский исполком постановил приступить к формированию армии на добровольных началах из лиц, стоящих за власть Советов. Издал декреты об объявлении священной войны, об интенсивности труда, о конфискации частных капиталов и золотых вещей.

Март, 2, пятница.

Началась выпечка хлеба с примесью овса.

Март, 4, воскресенье.

Председатель губисполкома Куйбышев выехал в Петроград на экстренный съезд большевиков.

Экстренный съезд по настоянию Ленина.

Нетерпеливо ждет съезда и Валериан Куйбышев. Путь от Самары до Петрограда представляется невыносимо долгим. Не опоздать, успеть проголосовать!

Не в поддержку Ленина. Не в защиту его позиции.

Ильич добивается мира. Куйбышев ратует за священную войну. Однодумцы Куйбышева в Москве и Питере изъясняются без романтики, более современно. Они за войну революционную!

«Владимир Ильич был весь как в огне. Напряжение его достигало невероятных пределов, — передает В. Д. Бонч-Бруевич, по своей работе в Совнаркоме особенно близко стоявший к Ленину. — Он ясно чувствовал, что поставлено все на карту. Достаточно малейшего промедления, и Советская власть, еще не устоявшаяся, не организованная, могла быть мгновенно смыта с лица земли...»

Съезд откроется в начале марта. А сейчас невзрачное, серое утро восемнадцатого февраля. Холодный ветер с Невы гонит по безлюдным проспектам грязный, задымленный и закопченный снег. На новое заседание сходятся невыспавшиеся, неотдохнувшие члены Центрального Комитета большевиков. Их немного. Всего тринадцать!

С минуты на минуту должно начаться сокрушительное наступление германских войск. Сейчас, немедленно надо решить, посылать телеграмму с предложением мира или нет. «Мы стоим перед положением, когда необходимо действовать», — зовет Ленин. На стороне «левых коммунистов», как и накануне, перевес в один голос.

К вечеру известие о падении Двинска. Обескровленные, разрозненные части русской армии беспорядочно отходят за Венден^[20] и Минск.

Снова собирается ЦК. Бухарин и Ломов увлекательно толкуют о «форсировании политики развития мировой революции». Балансирует, заботится о красочной позе Троцкий — хорошо бы начать обмен мнениями с Берлином и Веной для выяснения их позиции... Резкая, категорическая отповедь Ленина: «Ждать — значит сдавать русскую революцию на слом... Немецкая армия наступает, сил для войны против Германии нет».

Ночью голосование. Результат чуть иной. Большинство — не очень внушительное, семь против пяти и один предпочитающий воздержаться — за немедленное сообщение о согласии заключить мир. В эфир уходит

радиограмма правительству Германии.

Двадцатого, двадцать первого, двадцать второго февраля ответа из Берлина нет. Наступление германских войск продолжается. Пали Псков, Ревель. Петроград объявлен на военном положении. В газетах декрет Совнаркома: «Социалистическое отечество в опасности!» Всеобщая мобилизация трудящихся.

Двадцать третьего приходит ответ. Более похожий на приговор. Новые, еще более тяжкие для Республики Советов условия мира. Покуда никакой передышки. Немецкие дивизии на марше.

Мужественный голос Ленина: «Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели».

Безусловная обязательность действовать немедленно и свехрешительно толкает Ильича на шаг крайний. Для него исключительный. Или мир будет подписан без промедления, или он выйдет из правительства и ЦК.

Представитель «левых» Урицкий: «Советская власть не спасется подписанием этого мира!»

Ломов, закусив удила: «Если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются. Надо брать власть без Владимира Ильича...»

Голосование, решающее все. Членов Центрального Комитета на этот раз пятнадцать. Ильич графит лист бумаги. Сверху пишет: «Принять ли немедленно германские предложения?» Колонкой ставит фамилии. Пятнадцать фамилий. Пятнадцать ответов. «За» — семь. «Против» — четыре. Воздержалось — четыре.

В Брест-Литовск сразу отправляется мирная делегация. Молча, в давящей тишине подписывает драконовский договор. «Под приставленным ко лбу пистолетом» — по исчерпывающей характеристике величайшего знатока международного права, потомственного дипломата Георгия Васильевича Чичерина.

На ратификацию договора немцы дают Республике две недели. Начиная с субботы, третьего марта. А в воскресенье, четвертого, в Петроград на экстренный съезд партии отправляется Куйбышев. Убежденный, непоколебимый сторонник священной войны. Самарский губернский исполком еще первого числа провозгласил войну священную, войну до мировой революции!..

Съезд с шестого по восьмое марта. Три дня под сводами Таврического дворца бушует буря. Быть или не быть?

Пламенная Александра Коллонтай бросает клич бодро шествовать в

могилу. «И если погибнет наша Советская республика, наше знамя поднимут другие... Да здравствует революционная война!»

Посыпающий голову пеплом Андрей Бубнов, в Октябре член Военно-революционного центра, твердый, осмотрительный... «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор!»

Против Бубнова Яков Свердлов. Человек Куйбышеву такой же близкий, долгие годы единомышленник полный. «А если бы мы теперь бросили лучшие наши отряды в бой — это в данный момент было бы самоубийством не только политическим, но и чисто физическим... Это люди, без которых Октябрьская революция была бы безуспешной... Идя на гибель этих отрядов, мы подрубаем тот сук, на котором сидим».

Потом Ленин. Валериану Владимировичу он кажется похудевшим, утомленным. Глаза суровые. Речь жестче обычного. «Их газета носит кличку «Коммунист»^[21], но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «Мир — это позор, война — это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я — с точки зрения крестьянина».

Нет, Куйбышеву это кажется слишком резким, обидным. Шпага — оружие... Обнажающий ее вовсе не помышляет о смерти. Война во имя спасения революции... Почему Ильич не хочет понять наших чувств?..

Остается Куйбышев среди двенадцати самых непримиримых. Полностью отвергающих мирный договор. Двенадцать из сорока семи делегатов с решающим голосом.

Предел. Каждый следующий шаг — недозволенный. Непростительный. Пятнадцатого марта постановление Центрального Комитета: «После того как VII съезд партии вынес определенное решение, после того как фракция на IV съезде Советов подавляющим большинством голосов приняла такое же решение (453 голосами против 36), — все члены партии на съезде Советов обязаны голосовать так, как решила партия.

Чтение сепаратной декларации на съезде Советов ЦК вынужден будет рассматривать, как нарушение партийной дисциплины».

Горячие головы, пылкие сердца с действительностью суровой не якшаются. Не кто иной — Куйбышев поднимается на трибуну. Обращается к съезду Советов с декларацией 63-х^[22]: «Этот договор не должен быть утвержден, наоборот, его нужно заменить призывом к священной обороне социалистической революции!»

Тут же вслед совсем разумное. «Раскол пролетарской партии был бы сейчас вредным для дела революции». Ну еще немного! Нет, шпага

шляхтича отбрасывает крестьянскую практичность, умение смотреть правде в глаза. «Авторы декларации заявляют, что они от участия в голосовании воздерживаются».

Отгремели съезды в столицах. Утвержден Брестский договор. Отведена угроза смертельная от Республики Российской.

Возвращается к себе в Самару Куйбышев. Сразу губ-ком созывает коммунистов со всей губернии. Собственное желание Валериана Владимировича или вынужденная уступка — его доклад? Обо всем, что было в Петрограде, продолжалось в Москве. О борьбе Ленина за мир. Об атаках на него «левых коммунистов». О роли делегата Самары!

Сохранился сборник документов «Октябрь в Самаре». На странице 220-й можно прочесть: «Это был весьма объективный доклад. В. В. Куйбышев обстоятельно ознакомил самарских коммунистов с тактическим планом Владимира Ильича Ленина, с его доводами за необходимость принять грабительский мир с германским империализмом ради сохранения очага мировой социалистической революции».

Куйбышев есть Куйбышев. Излагает он все предельно честно. Интонации, краски — в наивысшей точности. Ко всему заключение: «Я остаюсь противником Брестского договора. Ни от одного слова декларации 63-х не отказываюсь. А работать буду где прикажете. Увиливание, отставки — не в моих принципах».

Едва ли Валериан Владимирович сомневается, что позиция, по определению Ильича, состоящая наполовину из отчаяния, наполовину из фразы, найдет мало сторонников. Он слишком хорошо знает своих самарцев. Слишком много сам потрудился... В Москву уходит депеша: «Самарская губернская партийная организация вполне одобряет политику Совета Народных Комиссаров в вопросе о войне и мире».

Решение второе. Такое же естественное. Куйбышева в новый губком избрать. Оставить на всех постах.

Не пройдет и месяца, на заседании Самарского Совета схватятся из-за Брестского договора коммунисты с левыми эсерами и максималистами. Подымется во весь завидный свой рост Валериан Владимирович. Голосом далеко слышным объявит:

«Самарские большевики считают решение Всероссийского съезда Советов о вынужденной ратификации грабительского договора мнением подавляющего большинства российского пролетариата и деревенской бедноты, а потому поддерживают это решение».

Еще раз повторит на торжествах народных в первую годовщину Октября:

«Мне хочется сказать, что я, когда-то противник Брестского договора, ошибался в своих заключениях. Тяжелый, позорный мир сыграл свою революционную роль... Чтобы избежать в будущем подобных ошибок, надо делать тот или другой шаг тогда, когда нужно, а не тогда, когда хочется пылкому сердцу».

Закрывается страница в жизни Куйбышева особая. Вырвать не вырвешь. Была. Без возврата. Без последствий...

Запись разговора по прямому проводу.

Апрель 1918 года.

«У аппарата председатель Совдепа Куйбышев, из Самары.

Товарищ Ленин, в Оренбурге снова подняла голову дутовщина; получено донесение, что за 20 верст от Оренбурга наступают казачьи отряды. Илецк окружен казаками, казаки мобилизуют все станицы, чинят страшные зверства, убиты три члена исполкома, председатель казачьей секции Совета Захаров... Оренбург просит Совет Народных Комиссаров помочь уничтожить в корне авантюру Дутова, иначе снова образуется пробка, которая погубит с голоду 12000 000 жителей Туркестанского края... Самара напряжет все силы, чтобы помочь Оренбургу, но для окончательной ликвидации дутовщины местных сил недостаточно, необходима помощь из центра.

Я окончил, жду ответа.

Л_е_н_и_н: Сейчас же приму все меры для немедленного извещения военного ведомства и оказания вам помощи».

Не по малому запасу слов Валериан Владимирович в коротком разговоре дважды повторяет определение «снова». Не для бравого наскока зовет «уничтожить в корне». По крайней необходимости. Слишком часто на поверхность всплывает полковник Дутов, с осени семнадцатого наказной атаман Оренбургского казачьего войска.

В самые первые недели Советской власти пришлось Ленину обращаться к Центробалту с просьбой снарядить отряд кронштадтских матросов на Оренбургский фронт. Против Дутова. С отрядом отправился чрезвычайный комиссар Петр Кобозев. В Самаре к матросам присоединились рабочие дружины с трубочного и главных железнодорожных мастерских, добровольцы из артиллерийских дивизионов. Куйбышев постарался.

К середине января атамана выбили из Оренбурга. В разграбленном, полусожженном, изголодавшемся городе зазвучала частушка:

*Ты, служитель царский верный,
Враг народный и злодей.
Окружившись бандой белой,
Ищешь гибели своей.*

Гибели своей Дутов не очень искал. Вовремя ретировался в станицу Верхнеуральскую. Оттуда в тургайские степи.

Покуда атаман оренбургский нагуливал жирку, поднял восстание атаман уральский, полковник Еремин. Другой кандидат в диктаторы. Его пятнадцать тысяч конных и пеших двинулись на южные уезды Самарской губернии. Для Дутова сигнал спешить к Оренбургу. Снова!

Нет у Самары сил, сколько-нибудь достаточных для обуздания в одно время оренбургских и уральских казаков, для охраны железной дороги и волжских пристаней от кочующих таборов мародеров-анархистов, босяков, профессионалов-уголовников. С заводов, из мастерских люди забраны сверх возможного. Партийные мобилизации одна за другой. Куйбышев решается. Вызывает по прямому проводу Ленина.

На телеграфной ленте не указан точно день. Установить не так уж трудно. В разговоре с Ильичем Валериан Владимирович выкладывает горькие вести — о полной гибели отряда правительственного комиссара Цвиллинга. Точно известно, отряд — триста добровольцев, преимущественно железнодорожников — выступил из Оренбурга на заре первого апреля. Второго числа попал в засаду у станицы Изобильной.

На пасху, в ночь на четвертое апреля, пластуны Дутова сняли заставы в Форштадте. Открыли конным сотням беспрепятственный доступ на окраины Оренбурга. Тут же для начала вырезали полностью весь пригородный Совет, выбросили из окон пятого этажа раненых матросов, повесили красногвардейцев, захваченных в бывшем юнкерском училище. До центра города добраться не успели. По дутовцам ударили рабочие дружины. В бою участвовали женщины, подростки, старики — весь рабочий люд. Умолчать о таком Куйбышев не мог.

Так что с полной точностью — обращение к Ленину за помощью не раньше второго, не позднее четвертого апреля. Ильич нажимает на военное ведомство. Торопит. Подмога Оренбургу выделена солидная. Три с половиной тысячи бойцов, шестьдесят орудий, броневики, пулеметы, запас патронов и снарядов. Успеет ли добраться? Путь через Пензу, Сызрань. Там на всех путях эшелоны чехословацкого корпуса...

Еще уточнение нужно. Вызывая по прямому проводу Ленина, Куйбышев называет себя «председатель Совдепа». А в ранней автобиографии: «С апреля по май 1918-го был председателем Самарского губернского Совета народного хозяйства».

Описка, неточность?

В марте, когда Куйбышев находился в Петрограде и Москве, левые эсеры, их братья кровные — максималисты вкупе с анархистами откровенными добились созыва в Самаре VI губернского съезда Советов. Время самое подходящее. Большая часть коммунистов в боевых отрядах. В город для голосования не вызовут. Так когда, если не сейчас! Дружья-союзники протаскивают многообещающее решение. Рабочим в губернском исполкоме предоставить не более одной трети мест... В таком Совдепе особенной ловкости не нужно. Из девяти членов президиума семь — почтенные эсеры, анархисты, максималисты. С Валерианом Куйбышевым они любезнее пуце прежнего. Боязно все-таки.

Бог милостив. Казаки Дутова подступают к Бузулуку. Уральские сотни вторгаются в Николаевский и Новоузенский уезды. Можно рискнуть. Куйбышева в совнархоз. Какое сейчас хозяйство! Дырка от бублика... На место Валериана Владимировича — максималиста Дорогойченко. Семинариста. В пенсне, с давно не чесанными длинными кудрями и тоненьким, совсем девичьим, голоском.

В городе — двоевластие. Губернский исполком издает приказы убрать комиссаров-коммунистов. Рабочие дружины распустить без промедления. Охрану порядка и спокойствия возложить на революционные силы гражданина Бульона М. И., а именно отряды: «Дух разрушающий есть дух созидающий», «Победа», «Воля», «Свобода», «Равенство».

Городской Самарский Совет принимает ответные меры, крайне необходимые. Объявляет город на военном положении. Учреждает чрезвычайный революционный штаб. Раздает оружие коммунистам, рабочему активу.

Утром семнадцатого мая, в срок, указанный гонцами Дутова, вспыхивает мятеж. Предлог, для весны 1918 года вполне подходящий. Мобилизация лошадей. Смирных битюгов-тяжеловозов.

Сотни ломовых извозчиков, дрогалей, грузчиков собираются на Троицком рынке. К ним присоединяются мясники, приказчики, базарные завсегдатаи, кликуши. Прибывают на автомобилях анархисты, вся рать Бульона. Большевики отправляют свою делегацию. Рабочему-металлисту Аугенфишу поручено объявить, что мобилизация лошадей отменена. Возбужденная толпа слушать ничего не желает. Над делегацией большевиков учиняют самосуд. Тела швыряют под колеса телег. Мутный поток заливает центральные улицы. Захвачены почта, телеграф, милицейские участки. Разграблены банки. Расхищены запасы спирта. Из тюрьмы выпущены преступники, тут же вооружены.

Телеграфист Максяков успевает отстучать в Москву и Казань о

бушующем мятеже. На немедленный запрос Москвы заверение губисполкома — в Самаре власть в надежных, твердых руках...

К вечеру в клубе коммунистов, на Заводской улице, 50, собираются большевики, уцелевшие от расправы, рабочие, верные революции, интернационалисты из бывших военнопленных, почти в полном составе отряд гидроавиации. Первый ответный удар наносят по штабу мятежников — гостинице Филимоновой. «Социализированной» анархистами еще в феврале.

Прибывает подкрепление — железнодорожники со станции Кинель. Им Валериан Владимирович поручает отбить телеграф. Еще отряд красногвардейцев из Уфы. В течение дня двадцатого мая авантюристы складывают оружие. Вся власть в руках вновь образованного ревкома. Председателем — Куйбышев.

С грохотом взлетают кверху жалюзи, распахиваются окна. Самара спешит глотнуть свежего воздуха, аромата весеннего цветения. Подышать полной грудью. Весна на Волге — время райское. Если бы еще знать, что будет завтра.

Всех настойчивее от Куйбышева полного ответа требует самарская старожилка Прасковья Сергеевна. Домоправительница и няня сына Владимира — человека уже пятнадцатимесячного! Валериан Владимирович отшучивается. Старушка сердится. «Которые родители правильного понятия, прости господи, не имеют, встревать не должны... Терпения моего больше нету! Забираю малое дитяtko... Соскучитесь, милости просим! Дорога не дальняя по Самарке вниз до первой рыбацкой слободы... Уши закрыла — не говори напрасно!»

Ни-ни, не уступайте, Прасковья Сергеевна! Торопитесь, увозите мальчика. Забирайте тezку свою — Прасковью Афанасьевну, молодую мамашу. Пользуйтесь, пока есть время короткое. По соседству, в Пензе, уже началось...

Член военного триумvirата белочешского корпуса Гайда по захваченному телеграфу Транссибирской магистрали: «Всякие переговоры с большевиками или заключение с ними мира полностью исключаются, между ними и нами — бой не на жизнь, а на смерть. Мы обязаны любой ценой уничтожить большевиков».

Корпус называют мятежным и проданным тоже. Он поставил убийц и мучеников в одночасье. Дал ландскнехтов, схвативших Советскую власть за горло. Капитанов и поручиков, за подлость исключительную немедля возведенных в генералы. Корпус дал красногвардейцев, безгранично мужественных. Интернационалистов безупречных, агитаторов

большевистских.

По времени синхронно. На исходе февраля восемнадцатого года Бенеш, «национальный лидер» по значению второй, сообщал первому — Масарику: «Французским миссиям в России дано указание советовать всем чехословацким пленным вступать в корпус и ждать удобного момента для военного выступления в России». Тогда же, в последние дни февраля, в Киеве, на Фундуклеевской улице, 51, начал свою деятельность штаб «единого чешского отряда Красной гвардии». Тысяча солдат, уведенных из корпуса Владиславом Петрасом и Йозефом Седларжем.

В мае восемнадцатого по проводам Транссибирской несется: «Всем эшелонам чехословаков. Приказываю по возможности сейчас же наступать... Советскую власть арестовывать! *Гайда*».

Двадцать восьмого числа захвачена Пенза. Утомленный многочасовым боем командующий мятежниками Че-чек укладывается спать. Понятливый адъютант гонит прочь добивающегося аудиенции некоего Брушвита. Запыленного, суетливого господина. Тот назойливо сует визитную карточку с золотым обрезом. Что-то не очень понятное: «Член Российского Учредительного Собрания».

После шумной перебранки незваного гостя вводят в салон.

Чечек с прямою армейского поручика — погоны полковника ему доставят в Самару в июне, эполеты генерала в июле, когда провозгласят главнокомандующим всех войск «Народной армии», а также казаков оренбургских и уральских:

— Господин, вы хотите у нас служить?

Брушвит, предпочитая не обижаться:

— Все мы служим одной повелительнице. Ее величеству Свободе!.. Наш дорогой друг генерал Лавернь из французской военной миссии...

Волшебный ключ повернут. Чечек достаточно хорошо знает фамилию патрона и содержателя корпуса. Кто платит, тот и музыку заказывает.

— О, господин депутат очень военный... я хотел говорить, очень храброватый человек! Пускается в вояж, когда громко стреляют пушки...

— Единственно в высоких целях служения Учредительному собранию... Депутаты от партии эсеров в знак стремления к гармоническому сотрудничеству уполномочили меня вручить высшему представителю чешского освободительного войска... э... план обороны Самары, дислокацию красных, пункты сосредоточения офицерских групп полковника Галкина, объекты, взорвать которые берут на себя эсеры... Головы своей не жалел!..

— Я сказал, господин депутат очень храброватый человек. Надо вас

знакомить с начальником разведки!

Эшелоны катят от Пензы на восток. К губернии Самарской. Солдатам объявлена депеша Троцкого. Бездумно, безответственно доверенная железнодорожной телеграфной линии, еще семнадцатого мая прибранной к рукам чехословацким командованием. Троцкому угодно, чтобы каждый чехословак, который будет найден вооруженным на железной дороге или при проверке эшелонов, был тут же расстрелян. Без всякого суда.

Не военная телеграмма — бесценная услуга! Вполне достаточная, чтобы убедить легионеров: пути к мирному соглашению с Советским правительством уже нет. Сам господин Троцкий... А издания московские, самарские в эшелоны не допускаются. Прочесть нельзя, что Ленин выступал перед чешскими интернационалистами. Дважды и трижды напоминал: солдаты корпуса — люди заблуждающиеся, политически малосознательные. Долгое время они находились под односторонним, пагубным влиянием. Теперь действовать следует чрезвычайно тактично, избегать преждевременных угроз. Всячески стремиться покончить с мятежом путем добровольного разоружения.

В ночь на тридцать первое мая сдалась Сызрань. В Самаре «Воззвание» Куйбышева. Председателя ревкома и начальника оперативного штаба. «Все к оружию!»

Первое июня. Чехословаки распространяются по правому берегу Волги.

Генерал Лавернь доносит высокому начальству в Париж: «Присутствие вооруженных чехов в важнейших пунктах... позволяет заключить, что момент для интервенции избран чрезвычайно удачно».

Второе июня. Вокруг Самары строят укрепления. Открыта запись в латышский революционный батальон. Чехословацкие коммунисты отправляют делегацию в корпус.

Третье июня. Идет бой под станцией Липяги. В городе слышны орудийные выстрелы. Еще сто пятьдесят интернационалистов отдают себя в распоряжение оперативного штаба. На подходе отряд моряков.

Четвертое июня. Под Липягами бой проигран. Около двух тысяч убитых красногвардейцев. Погиб командующий Кадомцев.

Коллективный демарш дипломатических представителей Франции, Великобритании, Америки и Италии: «Державы Антанты, рассматривающие чехословаков как союзную армию, будут расценивать их разоружение или плохое обращение с ними как враждебный акт по отношению Антанты, продиктованный немецким влиянием».

Шестое июня. Чехословаки бомбардируют город. Население

перебирается с берега Самарки в северную часть города. От пристаней отваливает пароход за пароходом. Вывезен золотой запас, хранившийся в Самаре.

Седьмое июня. Шрапнель рвется на центральных улицах. Горит элеватор. Перестрелка и рукопашные бои рабочих дружин металлистов и кожевников со скрывавшимися в городе офицерами. Ночью чехословаки захватывают железнодорожный мост через Самарку.

Восьмое июня. Уличные бои. Полыхает мельница Соколова. Горят нефтяные баки. Последним держится клуб коммунистов.

«Мне едва удалось уйти из Самары, — расскажет впоследствии Куйбышев. — Меня обстреливали из пулемета. Меня хотели схватить разъяренные обыватели. Рядом со мной рвались снаряды чехов. Уйти все-таки удалось. Я ушел не один, ушел с руководящей группой большевиков».

Сняты сходни. Выбраны швартовы. Между пристанью и пароходом «София» разливается Волга. Полоска. Полоса.

Отталкивается Куйбышев от берега туго стянутой пружиной. На палубе распрямляется. Десятки рук навстречу.

С верхнего мостика долго — покуда до плеса пароход против течения плицами шлепает, подымается — видно буйство огня. Горит, истекает кровью Самара. Опускает голову Валериан Владимирович. Топит пальцы в лохматой шевелюре.

Должно быть, все еще перед глазами истерзанное, искромсанное тело Франциска Венцека. Едва ли в живых и жена Франциска Серафима Дерябина, губернский комиссар печати. Тяжело болела, температура ниже сорока не опускалась. Головы от подушки не оторвать. Не уйти Серафиме, не спрятаться...

Не больше надежды на новую встречу с Александром Масленниковым, с Павлом Вавиловым^[23], друзьями многих лет. Все утро они бок о бок обороняли клуб коммунистов. Когда здание окружили, отрезали, защитники разбились на две группы. Те, кто с Куйбышевым, спустились по водосточной трубе на задний двор. Другие уходили переулком. Пытались уйти...

Пытался и новый товарищ, чех Ярослав Гашек^[24]. Что с ним стало? Жив, пробился к своей дружине интернационалистов или пал от руки братьев единокровных? «Изменников» вроде Гашека они карают особенно жестоко.

Наваливается пронизывающая боль. Рвет, раздирает сердце. Город сдан. Товарищи погибли. Жена и сын...

Человеку нельзя без надежды. Маленькой, крохотной надежды. В образе старушки Прасковьи Сергеевны. Она так грозила увезти мальчонку и его мать в слободу к своим родственникам-рыбакам!

Через день-другой в бою у прибрежной деревни Климовки Куйбышев отнимает карабин у командира разведывательного отряда Гая. Идет в первой цепи. У слободы Новодевичьей ложится за пулемет. Нельзя позволить десанту чехов сбить красногвардейцев с крутого берега... У городка Сенгилей в контратаке контужен. Из дела не выходит.

Кто возьмется ответить — хорошо или плохо поступает? Имеет право или нет? Наверняка в полном соответствии с собственным понятием о чести и долге. Долге перед теми, кто пал в Самаре. Кто захвачен в Самаре. Кто не склоняет головы в Самаре.

В пятницу, следующую после падения Самары, пятнадцатого июня; в газете «Известия ВЦИК» декрет за подписью В. Ульянова (Ленина): «Для руководства всеми отрядами и операциями против чехословацкого мятежа и опирающейся на него помещичьей и буржуазной контрреволюции Совет Народных Комиссаров утверждает Революционный военный совет...»

По тому же делу важнейшему с утра восемнадцатого в кабинете Ленина заведующий военным отделом ВЦИК Авель Енукидзе, много лет Ильичу известный, и некий Михаил Тухачевский. По виду совсем юноша. Держится скромно и достаточно уверенно. Прощаясь, говорит: «Отбуду, Владимир Ильич, не позднее завтрашнего дня».

Завтрашним днем и помечен приказ. Приступить к формированию Первой революционной армии. Первой по номеру порядковому, по значению жизненному для Республики, по подвигам ратным. А начинать почти на голом месте. Политическому комиссару Куйбышеву, командующему Тухачевскому, только назначенным. Вскоре съедутся, познакомятся в городе Симбирске.

Тухачевскому еще заезжать в Казань, представляться Муравьеву, главнокомандующему Восточного фронта. К субординации сверхчувствительному. На расправу быстрому... Куйбышеву до Симбирска рукой подать. Можно сразу к делу.

То, что должно составить армию, представляет, в оценке Валериана Владимировича, «...очень неопределенную величину с разбросанным фронтом, с путаными взаимоотношениями между командованием отдельных частей. Отряды и за Бугульмой, и южнее Сенгилея, и у Сызрани, причем на каждом из этих направлений «группы», «фронты», «сводные отряды», неизвестно кому подчиненные».

Инзенский «фронт» с собственным штабом. Присмотришься — один бронированный поезд и двадцать один боец. Включая начальника дивизии, в природе не существующей... Симбирская ударная группа — четыреста добровольцев. Единственный пулемет для них Куйбышев берет взаймы у богатого соседа — независимого отряда восьмидесяти посланцев Казани. У них запас пулеметов, пушки на три батареи. Свой арсенал. Своя стратегия.

Политическому комиссару известны ситуации и поострее. Со стороны вроде бы совсем неправдоподобные. Дружине самарского уроженца Д. ^[25] поручено контролировать все пароходы, идущие из Астрахани к верховьям

Волги через районы, захваченные белочехами. Внезапное сообщение. Люди Д., обыскивая очередной пароход, нашли купцов с большим количеством золота. Трофеей по-братски разделили. Куйбышеву верить не хочется. Он вызывает Д. для объяснений.

«Д.: Мы взяли эти деньги для того, чтобы, как падет Советская власть, начать партизанское движение.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: Когда падет Советская власть?

Д.: Да как же, чехи берут один город за другим, доберутся до нас. Когда падет Советская власть, наша дружина будет бороться.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: Ну, пожалуйста, голубчики, в тюрьму!» Деваться некуда. Подписывает Куйбышев приговор, единственно возможный во фронтовой полосе, — расстрелять Д. и всю его дружину. В те часы опасность смертельная нависает и над Симбирском. С юга и востока приближаются мятежные чехословаки. Чтобы задержать, приостановить наступление, надо взорвать мост и железнодорожные пути на участке особенно уязвимом.

Реввоенсовет обсуждает, кого послать. Подымается Куйбышев: «Я предлагаю послать Д. с его дружиной». — «Как? Да мы только что приговорили их к расстрелу!» — «Мало ли что, но кого вы противопоставите по смелости, по отваге этой дружине?» — «Как же быть с их расстрелом?» — «Пусть купят себе жизнь этой операцией».

Куйбышев едет в тюрьму. Вступает в переговоры с Д. Получает в ответ: «Я свою жизнь не покупаю...»

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «Я ему объясняю, что дело не в покупке жизни, а в том, что он завтра будет расстрелян, если не искупит свою вину спасением Симбирска. Д. потребовал совещания со своими дружинниками. Чувствовалось, что он соглашается. Мы разрешили ему свидание с товарищами. Через некоторое время он приходит и говорит: «Я вас правильно понял? Жизнь будет дарована не только мне, но и моим товарищам». — «Конечно, и всем вашим товарищам».

Д. был специалистом подрывного дела. Мы дали ему помощника, точно указали, где и когда они должны произвести взрыв, выпустили всех из тюрьмы и в течение десяти минут отправили походом»^[26].

Симбирск еще держится. С утра четвертого июля Куйбышев в ревкоме. С ним гонец самарского подполья Василий Тронин. Стук в дверь. На пороге молодой красивый незнакомец. В офицерском френче, бриджах. Козыряет. Представляется:

— Командующий Первой Восточной армией Тухачевский Михаил Николаевич.

Валериан Владимирович, придерживая накинутый на выцветшую, некогда синюю косоворотку пиджак, подымается навстречу. Он ростом повыше, костью пошире. На пять лет старше.

Вопрос первый — нетерпеливый, задает, присаживаясь, Тухачевский.

— Что произошло вчера под Сенгилеем, какова боеспособность войск? Мне известно, вы участвовали в операции...

Куйбышев в твердом убеждении:

— Беда в том, что отряды, сами по себе неплохие, жмутся к Волге, боятся оторваться от пароходов и развернуться подальше от берега. Бездумно ставят себя под угрозу обхода.

— Это и есть то, что мы называем «эшелонной войной». Только здесь она — пароходная, — находит точное определение командарм. — В моем разумении — наипервейшее зло, порождающее многие неудачи. Вижу, вы со мной согласны. — Тухачевский подвигает к себе лежащий на столе учебник «Стратегии» генерала русской службы Леера.

Валериан Владимирович нерешительно:

— Не найдется ли у вас, Михаил Николаевич, на время третий том Леера? И генерала Драгомирова труды по тактике. Если вам не в ущерб...

Удалившийся под каким-то благовидным предлогом Тронин через час возвращается. Явно не ко времени. Только что в доверительном рассказе командарма своему политическому комиссару подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Михаил Тухачевский доставлен в Ингольштадтскую крепость. Схвачен после третьего неудачного побега из германского плена. В форту № 9 Ингольштадта русские офицеры занимают восточное крыло. Французские — западное. В угловом одиночном каземате «S», где в свое время скончался знаменитый фельдмаршал Тилли, пребывает лейтенант 33-го пехотного полка Шарль де Голль. С Тухачевским у них быстро наладятся приятельские отношения. На почве общего пристрастия на свой манер переигрывать великие битвы и походы — классику военной истории...

Побег из плена по счету четвертый. Снова неудачный. На допросе Тухачевский скрывает свое офицерское звание. Выдает себя за рядового. Его водворяют в солдатский барак. Позже окажется, что это удача немалая. Рядом на нарах солдат Зайцев. Бывалый фронтовик. Из мастеровых.

В начале семнадцатого года лагерь в полном составе немцы перевозят на новое место. Как обычно, в наглухо закрытых товарных вагонах. Зайцев вырезает дырку в полу вагона. Оба — Зайцев и Тухачевский — выбрасываются на полном ходу поезда. По всем законам должны бы разбиться, во всяком случае, покалечиться жестоко. Ничего похожего.

Целы, невредимы. Благополучно добираются до Питера.

Зайцев представляет Тухачевского в Смольном Авелю Енукидзе. На вид такому же, как они, солдату. Всей разницы, что до призыва в 14-й Сибирский стрелковый полк большевик Енукидзе — организатор первого в Баку рабочего марксистского кружка, первой нелегальной типографии — отбывал ссылку бессрочную в Туруханском крае. Двадцать седьмого февраля семнадцатого года Енукидзе с маршевым батальоном по пути на фронт прибыл в Петроград. «На такой фронт я приехал с удовольствием», — шутил Апель Сафронович.

За долгие годы в тифлисском, бакинском, петербургском подполье Енукидзе достаточно научился разбираться в людях. Он пропускает мимо ушей наигранное бахвальство ищущего, оглушенного событиями подпоручика: «Вам, наверное, неизвестно, я — помещичий отпрыск. У отца в Смоленской губернии земля, имение!» Энергично приглашает Тухачевского инструктором в военный отдел ВЦИК. Дает ему рекомендацию в партию. Знакомит с Ильичем.

— Это уже в Кремле, в здании Судебных установлений, — уточняет командарм. — А впервые Ленина я увидел в Михайловском манеже...

— В Питере, на Сампсониевском, — машинально называет знакомый адрес Валериан Владимирович.

— На фронт провожали сводный отряд рабочих Выборгской стороны. Ленин говорил с броневики внутри манежа, где солдат-новобранцев, бывало, разбивали по гвардейским полкам... Я стоял в толпе довольно близко, имел возможность разглядеть лицо, руки Владимира Ильича. Это первый день января восемнадцатого года. День чуть не оказался роковым. На обратном пути из манежа по автомобилю Ленина открыли огонь трое офицеров, взявшихся осуществить террористический акт. Представляете мое состояние? Общая принадлежность к русскому офицерскому корпусу — понятие для меня отнюдь не пустое... О многом пришлось поразмыслить. Одно не приходило в голову, что Ленин, именно Ленин, когда-нибудь заинтересуется моей особой... Великая честь нам с вами, Валериан Владимирович, оказана — создать Первую регулярную армию революции. Первую!

Никто из них не подозревает, если бы кто предупредил — отвергли бы как нелепость предельную, что спустя несколько коротких летних дней командарм Первой угодит в плен. Сам явится на бывшую царскую яхту «Межень». Конвой в красных черкесках спросит, кто такой. Из рук в руки передаст старшему адъютанту Гудишвили. Тот торопливо изобразит на пухлом лице любезную улыбку: «Прошу в салон. Главком несколько раз

справлялся».

Садится Тухачевский на диван у дверей. Понимает — у главнокомандующего дел много. Мелькает и рассуждение, лишнее на службе. Зародилось в прошлом месяце в Казани при первом представлении Муравьеву. Какая вздорная манера или тайное пристрастие побуждает главкома — военного профессионала, начавшего еще в русско-японскую войну, — блажить, окружать себя пестрой челядью.

В послужном списке добрые дела, благородные порывы. Подполковник Муравьев сам явился в Смольный, предложил свои услуги. Командовал Гатчинским фронтом против казаков генерала Краснова, начальствовал над Петроградским военным округом, руководил боевыми операциями на Юге.

От Тухачевского скрыты оборотные страницы. В Киеве Муравьев самочинно вступил в переговоры с Масариком. Снабдил его охранной грамотой. Высшие-де власти России «ничего не имеют против того, чтобы чехословацкие воинские части перешли на содержание других правительств». Подмахнул депешу в Москву, нарочито извращающую политическую обстановку: «Представители Антанты явились засвидетельствовать свою политическую лояльность. Их настроение чрезвычайно доброжелательно и, пожалуй, даже восторженно по отношению к успехам завоеваний революции».

Там же, на Украине, Муравьева за чуть прикрытую подлость арестовал Дзержинский. Вмешался Троцкий. Приказал освободить. Дать место на вершинах военного ведомства. В. утешение.

Воспрянувший Муравьев готовится к последнему акту. К открытой измене. Ставка на левых эсеров. Как и у французского разведчика, полковника генерального штаба Пишона, заверявшего Париж: «Достаточно нам прочесть внимательно программы партии социалистов-революционеров, чтобы понять, что это — партия, с которой мы могли бы сговориться, что это — партия, которую мы можем приобрести».

Звучит желанный сигнал. В Москве — мятеж левых эсеров. Заговорщиками убит германский посол граф Вильгельм Мирбах. Арестован Дзержинский. Захвачены телеграф, телефонная станция, прилегающие улицы.

Муравьев также причисляет себя к левым эсерам. Хотя прибрать власть лучше к собственным рукам. В ночь на десятое июля на штаб-яхте «Межень» он отплывает из Казани в Симбирск. Чтобы провозгласить Поволжскую республику и сформировать «правительство свободы». Лично для себя министерских кресел Муравьев не добивается. Вполне

довольствуется постом «главнокомандующего всех вооруженных сил России». Теперь его личную охрану, помимо сотни головорезов в черкесках, составляют «революционные силы» давнишнего самарского знакомого Валериана Куйбышева — Бульона М. И.

Весьма вероятно, что благосклонным вниманием не будет обойден и командарм Первой Тухачевский. В видах государственных Муравьев экстренно затребовал его со станции Инза. С минуты на минуту пригласит предстать. Старший адъютант уже в дверях салона: «Прошу пожаловать».

Муравьев сама любезность. «Друг Тухачевский! Никаких официальностей! Все мы — рыцари Свободы. Я для всех вас — Гарибальди. Сегодня я объявил войну Германии. Поворачивай на сто восемьдесят градусов и вместе с братьями чехословаками двигайся через Москву к западной границе!»

Официальностей действительно никаких. Минут через десяток красные черкески волокут связанного Тухачевского в трюм. Потом перевозят на станцию Симбирск-1. Заталкивают в теплушку бронированного поезда, наскоро приспособленную под камеру смертников. Друг Муравьев твердо пообещал расстрелять Тухачевского на рассвете...

За ночь все круто изменится.

Куйбышев — Свердлову. Из Симбирска по военному проводу:

«...У здания Совета Муравьев устроил митинг солдат. Говорил об объявлении войны Германии, заключении мира с чехословаками, образовании Поволжской республики, в правительство которой войдут левые эсеры, максималисты-анархисты. Он выкрикивал: «Да здравствует власть!», «Долой гражданскую войну!», «С братьями чехословаками — против Германии!», «Да здравствует война с Германией!»

Последние лозунги и направленные на здание Совета пулеметы вызвали недоумение среди солдат. Мысль об аванюре, измене быстро зародилась и крепла у всех. Симбирские коммунисты решили всеми мерами авантюру ликвидировать и с изменником Муравьевым расправиться... Ночью на экстренном заседании губисполкома Муравьев объявил себя главковерхом всей армии, назвался Гарибальди. По выходе Муравьев был окружен коммунистической дружиной и после двух выстрелов с его стороны тут же расстрелян. Адъютанты были арестованы. Охранявший его отряд... покорно сдал оружие. Немедленно было сообщено всем войскам об убийстве Муравьева. Вздых облегчения и радости вырвался из груди революционных солдат. Кошмар авантюры скоро рассеялся. Солдаты с криками «Ура!», «Да здравствует власть Советов!» разошлись по частям. В 5 часов утра восстание авантюристов

было ликвидировано, город принял обычный вид. Все время в городе спокойно, порядок образцовый. Последствия разосланной Муравьевым телеграммы о прекращении войны с чехословаками и об отступлении ликвидируются...»

Записи «для себя» Николая Корицкого, начальника штаба Первой армии.

«После представления командарму состоялась беседа. М. Н. Тухачевский сказал, что политическим комиссаром, под руководством которого будут работать штаб и армейские управления, является Валериан Владимирович Куйбышев. Он же ведает подбором и назначением командных кадров. В этот день мне не пришлось увидеть Куйбышева. Он находился в частях.

Спустя несколько дней я, сидя в штабном салон-вагоне, услышал через открытое окно чей-то веселый голос:

— Командарм у себя? Дома?

— Так точно, товарищ Куйбышев, дома, — ответил латышский стрелок, дневаливший у вагона.

Я поднялся из-за стола, привычным жестом одернул гимнастерку и встретил Валериана Владимировича у входа.

— Товарищ политический комиссар армии, вновь назначенный начальник штаба Корицкий.

Куйбышев, приняв положение «смирно», выслушал меня и протянул руку:

— А теперь давайте знакомиться. Куйбышев.

Комиссар был в синей косоворотке под гражданским пиджаком и темно-серых в полоску брюках, заправленных в запыленные солдатские сапоги. Шапку густых вьющихся волос прикрывала поношенная кепка.

С первых слов Куйбышев расположил меня к себе простотой обращения:

— Я, Николай Иванович, чертовски голоден. Есть у вас чай?

Мы устроились за круглым столиком возле окна. Проводник принес нам чай и какую-то закуску.

Разговор начался с обсуждения обстановки, в которой находилась армия. А обстановка была, можно сказать, на грани катастрофы. Белочехи захватили Самару, Сызрань, Сенгилей, 22 июля овладели Симбирском, 6 августа взяли Казань. Левый фланг армии оказался совершенно открытым.

Тяжелая оперативная обстановка осложнялась состоянием наших войск. Армии как строго оформленной и централизованно управляемой организации еще не было. Имелись разрозненные отряды численностью от

двадцати до ста человек каждый. Они сводились в группы, которые становились основой для формирования дивизий. Начинаясь осуществляться переход от добровольческого принципа комплектования армии к обязательной воинской повинности. В прифронтовой полосе проводилась мобилизация, которую осуществляли штабы действовавших там армий.

Куйбышев понимал, что нашей молодой республике предстоит длительная и упорная борьба.

— Белогвардейцы и чехи, которые находятся сейчас перед нами, — говорил мне Валериан Владимирович, — это только авангард. За их спиной стоят главные силы буржуазных государств. С ними борьба будет посложнее. Грандиозная предстоит война. Нам нужна могучая армия, и на многие годы. Ее пока нет, но мы ее создадим.

— Да, но для этого понадобится немалый срок, — заметил я.

— А вы считайте день за месяц, месяц — за год, вот и получится то время, какое необходимо для создания армии.

Особое внимание Валериан Владимирович уделял обеспечению частей и штабов хорошими командными кадрами. В Симбирске, а позднее в Пензе наше командование провело мобилизацию бывших офицеров царской армии. В истории Красной Армии это был первый случай массового привлечения офицеров на советскую службу в обязательном порядке. До этого только незначительное количество бывших офицеров вступало добровольцами в Красную гвардию.

Привлекая старых военных специалистов, обеспечивая контроль за их действиями со стороны комиссаров, Куйбышев вместе с тем не считал огульно всех офицеров предателями, вредителями или контрреволюционерами. Он был уверен, что среди них есть немало честных патриотов. Валериан Владимирович говорил:

— Не вина, а беда русских офицеров в том, что их с детства воспитывали в духе пресловутой аполитичности армии. Если приобщить их к политике, раскрыть им пошире глаза на жизненные интересы народа, то только подлецы решатся эмигрировать из родной страны.

Несколько меняя тему, я сказал:

— Валериан Владимирович, я строевой офицер. По плечу ли мне такой высокий пост, как начальник штаба армии? Я уже говорил об этом Тухачевскому.

— Да ведь и сам Михаил Николаевич командовал всего-навсего ротой, — возразил он. — Конечно, дело нелегкое. Многому придется учиться. Но надо браться за дело смело, дерзновенно.

— А мы одноклассники, — кажется, не очень кстати заметил я. — Мне,

как и вам, довелось учиться в кадетском корпусе.

— Совершенно верно, — подтвердил Валериан Владимирович. — Только после окончания корпуса я пошел, как тогда говорили, «на сторону»... не в военное училище, а в военно-медицинскую академию. Хотел стать врачом, но ничего из этого не получилось... Много было всяческой скверны в корпусах, но все же я с удовольствием вспоминаю те годы. Главное — кадетский корпус дал мне физическую закалку, выносливость, приучил к строгому режиму, к дисциплине. Все это очень пригодилось мне потом, во время скитаний по тюрьмам и в ссылке. Да и сейчас эти качества необходимы в работе.

Первая беседа затянулась допоздна.

Мобилизованные в Пензе сто пятьдесят офицеров прибыли к нам на станцию Инза в самое тяжелое для армии время. Белочехи захватили Симбирск, настроение у всех было подавленное, тревожное. Мы усилили охрану поездов штарма, на крышах некоторых вагонов установили пулеметы; по железнодорожным путям курсировали патрули.

Прибывшие офицеры в ожидании назначений разместились в классных вагонах. Напряженная обстановка в штабе, конечно, влияла на них. Угнетали также неизвестность в отношении будущего и неустроенность быта.

Валериан Владимирович заметил это и пришел к офицерам в вагон побеседовать. Разговор он начал простым вопросом:

— Ну как устроились, товарищи? Задержались мы с вашими назначениями. Но, сами знаете, отвлеклись Симбирском. Не повезло нам.

И Куйбышев, не скрывая наших трудностей, рассказал о сложившейся на фронте обстановке, о предполагаемых для офицеров назначениях. Он сказал, что некоторым из них придется занять ответственные должности — командиров батальонов, полков, бригад, а может быть, и дивизий.

Валериан Владимирович разъяснил, что на должности командиров рот и взводов будут назначаться преимущественно унтер-офицеры. И тут же спросил у стоявшего рядом капитана:

— Как вы думаете, справятся они с ротой?

— Безусловно, — последовал уверенный ответ. — Наши унтер-офицеры, окончившие учебные команды да еще имеющие боевой опыт, — это вполне подготовленные младшие офицеры. Некоторые из них с успехом справятся в бою даже с батальоном. Недостает им только одного — общего развития.

— Вы хотите сказать — общего образования?

— Да, да, совершенно верно — образования. А вообще, русский солдат имеет свое, если так можно выразиться, национальное развитие, свои навыки, особенности.

— Иначе говоря, русскую смекалку? Это верно. Сейчас, после революции, у него есть возможность особенно полно раскрыть силу своего духа, показать глубину и тонкость русского ума.

Куйбышев говорил о русском народе с увлечением, с большой теплотой, с глубокой верой в его светлое будущее.

— Велика честь служить такому народу! — Тут же процитировал замечательные слова из обращения Герцена к русским офицерам: «Офицеры! За вами блестящие предания, за вами 14 декабря 1825-го! Великие имена Пестеля, Муравьева и Бестужева зовут вас к отмищению».

После недолгого молчания кто-то из офицеров сказал:

— А как, товарищ Куйбышев, будет с нашим вооружением? Доверят ли нам носить личное оружие?

Вопрос не был случайным. При демобилизации из армии офицеров разоружали. Те из них, которые привлекались в качестве военных инструкторов в Красную гвардию или позже во всеобщую, тоже не имели права носить оружие.

Вопрос о вооружении офицеров, назначенных на командные должности в части Красной Армии, обсуждался на одном из заседаний Военного совета. Некоторые возражали против этого. Тухачевский и Куйбышев были за выдачу оружия.

— Как, вы думаете, отнесутся красноармейцы к тому, что их командир будет управлять боем, не имея оружия? — говорил Куйбышев. — Да они сами дадут ему винтовку. Офицеров надо вооружить.

Такое решение и было принято на Военном совете армии. Утвердительно ответив на заданный вопрос, Валериан Владимирович заметил:

— Помните, оружие вам выдается для защиты Советского государства.

Надо было видеть, с какой радостью и нравственным удовлетворением мобилизованные офицеры получали шашки и наганы, подгоняли снаряжение. Они сразу как-то подтянулись, стали более уверенными.

В области тактики и оперативного искусства главная задача летом 1918-го состояла в том, чтобы перейти от «эшелонной войны» к свободному маневрированию на поле боя.

Первой армии впервые пришлось действовать в полевых условиях на симбирском направлении. Полк Инзенской группы, ранее действовавший в

эшелоне, был переброшен на станцию Чуфарово. Он получил задачу вести разведку на широком фронте вне железной дороги.

Когда мы с Куйбышевым подъехали на паровозе, полк разгружался. Мы стали наблюдать за разгрузкой. Проходила она медленно. Красноармейцы с неохотой покидали обжитые вагоны. Но, как всегда, они балагурили, шутили.

Вот осторожно спускается по сходням пожилой, с бородкой боец. В руках у него настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром. Боец подошел к откосу, постоял немного и с силой бросил лампу вниз.

— Эх! Какую вещь загубил! — сказал Валериан Владимирович. — Пригодилась бы в хозяйстве.

— Где оно, хозяйство-то? — ответил боец. — За Тамбовом. А воевать-то, чай, долго еще придется.

— А как долго?

— Да пока всю контру не перебьем.

— Верно, товарищ! Пока контру не сломим, домой возвращаться нельзя. А лампа что? Найдем и получше.

Эшелон разгрузился. Все лишнее выброшено. Порожняк отводится в тыл. На станции остаются лишь четыре вагона санитарной летучки с тремя сестрами милосердия. В конце платформы стоит группа женщин. Это жены красноармейцев, жившие в эшелоне.

— Бабоньки, что же с вами прикажете делать? Удостоверения все получили? Тогда садитесь в следующий эшелон и катите домой. А то здесь и стрельба может случиться, ну и всякое другое. Сами понимаете — фронт, — говорит им Куйбышев.

— А мы стрельбы не боимся, обстреляны уже... Нам бы с полком, товарищ Куйбышев.

— Ишь, какие храбрые! А сестрами милосердия хотите остаться?

— Остались бы, да ведь медицину не знаем.

Переговорив со старшей сестрой, Валериан Владимирович возвращается к женщинам.

— Ну, кто хочет, идите в санлетучку, к сестре! Санитарки нужны.

Белорусский полк Инзенской дивизии отказался выступать на позиции. Он состоял в основном из красноармейцев-добровольцев, вступивших в армию по договору на шестимесячный срок. Когда декретом Советского правительства этот порядок был отменен, бузотеры и трусы взбаламутили полк.

— Ну что, начштарм, поедем «усмирять»?

— Поедем, Валериан Владимирович.

Я приказал выделить нам из комендантской роты взвод с пулеметом.

— Вряд ли он понадобится, — улыбнулся Куйбышев. — А впрочем, возьмем... для предосторожности. Только пусть держится подальше от нас.

Мы приехали в полк, столпившийся у своего эшелона.

Стоял шум, раздавались выкрики. Команды бледного командира никто не слушал.

Куйбышев поднялся на какое-то возвышение.

— Товарищи!

Шум продолжался.

— Товарищи! — еще громче крикнул Валериан Владимирович, помахав в воздухе кепкой.

Постепенно толпа успокаивалась. Раздались голоса:

— Тише! Тише!

Вскоре действительно наступила тишина.

— Что у вас здесь происходит? О чем, товарищи, шумите?

Молчание. Наконец доносится возглас:

— На фронт не пойдем!

— Воевать не хотите, боитесь? Ай да храбрецы! А нам такие и не нужны, которые воевать не хотят. Кто не хочет, клади винтовки, отходи направо, кто хочет — налево.

Толпа не двигается.

— Ну что же?

— Договор шестимесячный кончился, значит, все — по домам!

— Кто это говорит? Выйди, покажись всем! Не бойся.

От толпы отделился боец. Вид у него был растерзанный.

— Нет праву задерживать нас! — закричал он. — Шесть месяцев отслужили, и будя! Договор подписывали? Подписывали. Значит, все, выполняй! И опять же сахару уже неделю не получали. (Голоса: «Верно, не получали».) Ну и я говорю — не получали сахару. Вот, значит, и все. Правильно я говорю? (Голоса: «Правильно!»)

— Постой, постой, — обратился к нему Куйбышев. — Ты солдат?

— Солдат, с германской.

— В боях был?

— А как же.

— А с Красной Армией был в бою?

— Нет, пока не привелось.

— Ну, а если бы в эти шесть месяцев пришлось вступить в бой, бил бы противника?

— А как же!

— А за что бы ты дрался?

— Как за что? За революцию!

— А революция-то не кончилась. Помещики и капиталисты не собираются сдаваться. Им угодно вернуть царя, забрать опять себе землю, фабрики, заводы. Слышали, что делают белочехи и казаки Дутова в Самаре, Сызрани, в уездах поволжских и оренбургских? Они расправляются с крестьянами нагайкой, расстреливают рабочих. Что ж, вы хотите, чтобы и до ваших хат дошли белогвардейцы и пороли ваших отцов, жен, детей?!

Кончил Куйбышев при полной тишине.

— Ну так как же? Кто не хочет воевать — отходи направо. Отходи, уезжай домой, и сахару на дорогу дадим.

Никто не двигался.

— Значит, что же? Или все не хотят воевать, или все хотят? Разберитесь, а потом скажите.

Молчание. Но в этом молчании уже чувствовался перелом.

Куйбышев сошел с «трибуны».

Толпа расступилась. Мы спокойно вошли в теплушку штаба полка. Через некоторое время к вагону пришла делегация с коротким заявлением: «Пойдем за революцию до конца».

Заглянув в вагон Куйбышева, я застал начальника инженеров армии Михаила Николаевича Толстого рыдающим. Валериан Владимирович гладил его по плечу и тихо говорил: «Ну, успокойтесь, успокойтесь!»

Выяснилось вот что. Родители Толстого переехали из Пензы, где отец Михаила двадцать пять лет прослужил вице-губернатором, в свое небольшое имение, где-то в Сызранском уезде. Там, как говорил Толстой, они могли жить сытно со своего огорода, который вместе с домом по «приговору мира» оставили им крестьяне. И вот Толстой получил известие, что его отец и мать зверски убиты.

Тяжело было смотреть на рыдающего, как ребенок, взрослого человека, никогда не боявшегося пуль, смерти, пренебрегавшего любой опасностью. Требовались душевные человеческие слова, чтобы его успокоить. И Валериан Владимирович их находил.

— Позвольте мне поехать похоронить родных, — обратился к нему Толстой.

— Если доберетесь — поезжайте.

Я не без удивления посмотрел на Куйбышева. Толстому предстояло ехать не в тыл, а к фронту. Перебежать там к белым было бы нетрудно.

— Поезжайте! — повторил Куйбышев. — А я пошлю расследовать этот трагический случай. С самосудами надо бороться.

При удобном случае я спросил, не выдержал:

— Валериан Владимирович, вы не опасаетесь, что Толстой, обозленный бессмысленной, жестокой расправой над стариками родителями, он единственный сын, уйдет к белым?

— Сбежит? А какая потеря, если неверный, двуличный человек проявится? Толстой — категория другая. Михаила Николаевича считаю личностью в высшей степени порядочной. Не смею оскорблять его подозрением в бесчестии.

Толстой вернулся сразу после похорон».

Опасность смертельная.

К концу июля — началу августа Республика теряет три четверти территории. Едва ли не в каждой губернии к солнцу тянутся свои контрреволюционные «правительства». На Волге, Урале, в Сибири, степях оренбургских и забайкальских — мятежный чехословацкий корпус, казацки атаманы, белые генералы, бледно-розовые авантюристы из эсеров и меньшевиков. В Белоруссии, Прибалтике, на Украине, большей части Закавказья — немецкие и австрийские дивизии. Баку атакуют турки. На Северном Кавказе и Дону — воинство Краснова и Деникина. Долю пожирнее торопятся отхватить «союзники», «нейтралы». «Согласно союзному плану, — приоткрывает карты французский представитель Гине, — нам необходимо продолжить наши завоевания на Волге... Нам необходимо торопиться со взятием городов Симбирска, Казани, а также Саратова». Англичане — на берегах Каспия. Англичане и американцы — в Мурманске и Архангельске. Японцы — во Владивостоке. Все вместе — около миллиона солдат и офицеров, по-современному обученных и вооруженных.

Советское государство без хлеба, железа, угля и нефти. Из 5402 военных заводов России три с половиной тысячи по ту сторону фронта. Транспорт захлестывают спекулянты и мародеры. Людей косят голод, тиф, дизентерия. Страна все больше, ощутимее походит на осажденную крепость. А армии для защиты и грядущей победы еще сколачиваются. Им еще мужать. Обретать веру в себя.

Ленин двадцать седьмого июля по прямому проводу председателю Петроградского Совета: «Категорически предупреждаю, что положение Республики опасное и что питерцы, задерживая посылку рабочих из Питера на чешский фронт, возьмут на себя ответственность за возможную гибель всего дела».

Спустя пять дней Владимир Ильич командованию фронта, в те дни для Республики главного, — Восточного фронта: «Сейчас **вся** судьба революции стоит на о_д_н_о_й карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара.

Все зависит от этого».

Падение Симбирска и шестого августа Казани — то самое, что врачи называют кризисом в болезни предельно тяжелой. Исход смертельный или

начало быстрого выздоровления. Продвинется враг дальше, к Нижнему Новгороду, — откроется перед ним путь прямой, недалекий на Москву, Разовьет наступление на Вятку — сольются в один кулак дробящий мятежные чехи, белогвардейцы Каппеля, интервенты-англичане.

Температура больного у критической черты. Ртутному столбику дальше подыматься некуда. Если не сбить в ближайшие часы...

— Единственная возможность — оттянуть силы противника из-под Свияжска на наше направление, — обращается к Куйбышеву Тухачевский.

— Да, да, — охотно соглашается Валериан Владимирович. — Части Первой должны ввязаться в бой немедленно. Отдайте приказ!.. Победителей не судят, а побежденным терять нечего — голова на плечах одна...

Удары еще не очень мощные, не сокрушающие позиции белых на симбирском направлении. Противник бреши в состоянии прикрыть новыми подкреплениями — войсками, доставленными с плацдарма у Казани. Что стягивалось, сосредотачивалось две неполных недели назад для броска на Нижний, теперь на манер пожарных команд гоняют по срочным вызовам туда-сюда.

Решающие бои под Свияжском сходят на нет. Счет становится вроде бы ничейный. Каждая сторона на своих исходных позициях. Кто успеет раньше...

В августовский день предпоследний в Москве покушение на Ленина. Валериана Куйбышева страшная, горестная весть застаёт в дивизии, сердцу особенно дорогой, — 24-й стрелковой, сформированной из самарских рабочих отрядов Гая. Друга близкого Гая Гая. Не ошибка, не описка. Гай — имя, данное родителями. Гай — псевдоним, выбранный для себя шестнадцатилетним парнем, только-только приобщившимся к деятельности революционной, подпольной. Настоящая фамилия — Бжишкянц.

В германскую войну за поразительную храбрость Гай из рядовых произведен в офицеры. В Самару попал весной семнадцатого. Куйбышев сразу поручил ему заняться военным обучением рабочих дружин. С теми дружинами — потом они назывались сводными отрядами — Гай отстаивал Самару, прикрывал Сенгилей.

Дальнейшее в описании Валериана Куйбышева:

«Для нас было абсолютно бесспорно, что отряд Гая, бывший в районе Сенгилея, разбит, так как Симбирск был атакован с юга.

Прошел приблизительно месяц... Мы получаем сведения от разведки, что параллельно железной дороге движется какой-то большой отряд.

Сообщение казалось преувеличенным: говорили о десятитысячном отряде со всеми видами оружия.

У нас начались лихорадочные приготовления к встрече противника. И вот однажды ночью меня и Тухачевского вызывают к прямому проводу со станции Майна. В этом еще не было ничего необыкновенного, так как чехи прочно не занимали этой станции, а лишь навевались туда от поры до времени. Мы предположили, что наша разведка, заняв телеграф этой станции, хочет нам сообщить экстренные сведения. И телеграфная лента сообщает: у аппарата начальник отряда Гай. Мы с недоумением переглядываемся с Тухачевским.

— Кто у аппарата?

— У аппарата Тухачевский и Куйбышев.

— Дорогие товарищи, — продолжает станция Майна, — я скоро буду у вас.

Я прерываю разговор и прошу телеграфиста передать, что если с нами говорит действительно Гай, то пускай он чем-нибудь докажет, что он именно то лицо, за которое себя выдает. Он мог бы напомнить какие-нибудь обстоятельства, вместе пережитые, которые могли бы убедить меня, что я имею дело с Гаем, а не с противником, назвавшимся его именем для того, чтобы усыпить нашу бдительность.

Ответ был таков:

— Да что вы, товарищ Куйбышев, я Гай. Ну вот приезжайте сюда вместе с Тухачевским. Кстати, нам нужно обсудить очень много злободневных вопросов. Я, прорвавшись через фронт, потерял свои продовольственные обозы, требуется ваша помощь. Выезжайте, через пять-шесть часов будете здесь.

Дать какие-нибудь данные, которые могли бы убедить, что это Гай, он отказался, но весь тон беседы и темпераментность его разговора у меня уже не оставили почти никаких сомнений, что мы действительно имеем дело с Гаем, спасшимся чудом.

Мы с Тухачевским садимся на бронепоезд и мчимся к станции Майна. Встреча моя с Гаем была бурной и радостной. Мы обнимались, целовались, хохотали и долго не могли прийти в себя.

Оказалось, что противник, не давая решительного боя отряду Гая, обошел его с правого фланга и с сильной группой войск направился на Симбирск, считая, что с Гаем расправится после. Гай же искусными маневрами, в свою очередь, уклонялся от схваток там, где хотел этого противник, и наконец после одного кровопролитного боя прорвался через окружавшее его кольцо и вышел на станцию Майна. Все же сведения

нашей разведки о передвижении какого-то отряда в нашем направлении относились к группе Гая. Вместо ожидаемого противника, обладающего всеми видами оружия, мы получили три тысячи бойцов. закаленных, дисциплинированных, стойких».

24-я стрелковая поднята по тревоге. Построена строгим четырехугольником.

— Товарищи! Экстренное воззвание ВЦИК ко всем Советам, всем армиям, всем, всем, всем честным людям! Несколько часов назад ранен Ленин! Состояние тяжелое... — политический комиссар армии с трудом переводит дыхание. — Владимир Ильич родился здесь на Волге, в оставленном нами Симбирске. Провел в нем свое детство и юношеские годы... Я думаю, что теперь самое время Симбирск нам отбить, — голос Куйбышева звонче. — И послать Ильичу целительную весть: «Товарищ Ленин, родной ваш город освобожден!»

«Даешь Симбирск!» — нарастает, несется по заволжской степи крик призывный.

На разъезде, мало кому известном, Пайгарма Тухачевский и Куйбышев ставят свои подписи под приказом № 07. «24-й стрелковой Железной дивизии к исходу дня двенадцатого сентября 1918 года овладеть Симбирском. На флангах отвлекающие бои вести дивизиям Пензенской и Инзенской».

Куйбышев — Свердлову седьмого сентября: «Наши части предприняли контратаку, которая была настолько стремительна, что враг бросился бежать в панике, понеся большие потери».

В тот же адрес одиннадцатого: «24-я дивизия с боем заняла ряд населенных пунктов на подступах к Симбирску. Захвачено много снаряжения, оружия».

Двенадцатого в два часа пополудни белочехи и офицерские полки Каппеля выброшены из Симбирска за Волгу. Еще не остывшие после штурма, в простреленных, изорванных гимнастерках, многие в бинтах с запекшейся кровью, бойцы 24-й составляют послание Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Ильичу приходится ответ диктовать. Рука еще не слушается.

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

В ликующем Симбирске Валериана Владимировича настигает приказ

Реввоенсовета Восточного фронта. «Куйбышеву В. В. вступить в исполнение обязанностей политкомиссара и члена Реввоенсовета 4-й армии». Сразу чувство смешанное — грусти и радости. Трудно, более чем трудно так неожиданно, на ходу сказать «прощай». Мучительно расставаться с армией, во многих смыслах Первой^[27]. Зато новое назначение сулит возможность вернуться освободителем в Самару. Город особенно дорогой.

С черной пятницы, восьмого июня, в Самаре чешский военный комендант Ребенда. При нем Комуч. Комитет членов Учредительного собрания — господин Брушвит и еще четверо эсеров-самозванцев. Также министры, дипломатическая служба. Свой посол в Америке, присяжный поверенный Лебедев. Эксперты, советники по развитию и охране демократии — пан Власак от мятежного корпуса, пан Вержбицкий от Польской Рады. Консулы Великобритании, США, Франции.

«Однажды поздно ночью я вернулся с заседания правительства домой, — пишет под свежим впечатлением меньшевик — министр труда. — Я жил в гостинице «Националь», где помещались члены правительства, члены Учредительного собрания и вообще все власть имеющие люди. Открыв ключом дверь своего номера, я невольно остановился в изумлении: все вещи из моего номера исчезли. Исчезли не только мой чемодан, книги, лежавшие на столе, и бумаги, сложенные в столе, но даже моя постель, даже свечка, стоявшая на столике у постели. Комната была совершенно чиста. Пораженный непонятным исчезновением всего моего имущества, я обратился за разъяснениями к швейцару. Швейцар заявил, что приходила чешская контрразведка...

Ответ чешского офицера: «Ну, это еще что!.. Голова ни у кого не свалилась. Бывает хуже».

Бывает! В Оренбурге атаман Дутов, несколько введенный в заблуждение претенциозным названием газеты меньшевиков «Рабочее утро», счел назидательным редактора предать военно-полевому суду. Вздернуть на виселицу!

Провинциальный оренбургский казус не оставлен без внимания в столице. Атаман Дутов призван в Самару. На экстренное заседание. Дабы выслушал он прочувствованные речи в связи с производством его из полковников в генералы. Растроганный атаман изъявляет готовность вступить в состав Комуча. На политической чашке чая у французского консула Комо он занимает кресло между эсеровской реликвией бабушкой Брешко-Брешковской и тихим американцем Вильямсом. Имея визави посла уральского войскового казачьего правительства атамана Фомичева...

Каждый день чаепития, обеды, визиты, приемы — согбенные спины,

загодя отрепетированные экспромты во здравие комендантов, консулов, атаманов. Не счесть благодетелей-кормильцев. Ко всему черная зависть эгоистически рвущихся к кормилу власти братьев меньшевиков. Удручающее отсутствие такта.

Некий Василий Шемякин, явно не способный государственно мыслить, оказался очевидцем экзекуции, учиненной карательным отрядом на Богатовском сахарном заводе. Сразу хватается за перо. Высокую мораль разводит. Так обуздать этого Шемякина. Пан комендант Ребенда всегда поспособствует... А брат меньшевик скорее бьет ниже пояса. Тискает писание Шемякина в своей «Вечерней заре»:

«19 августа вечером и в особенности 20 утром на глазах многочисленной публики арестованных этим карательным отрядом клали вниз лицом на специально разостланный для этой цели брезент и «вкладывали» 20–25 ударов нагайкой. Били казаки, и били так, что некоторые из наказанных после этого не могли встать, а встав, шли, качаясь, как пьяные. Били молодых парней, били пожилых рабочих и крестьян, года которых еще не призваны, и били женщин, которые уже, кажется, не могли бы иметь какого бы то ни было отношения к призыву новобранцев...

22 отряд был в селе Утевке, где по постановлению военно-полевого при отряде суда порол плетью граждан и расстреливал... Способ расстрела отличается небывалой жестокостью. Так, например, труп Василия Пудовкина был изуродован: голова разбита, с вытекшими глазами, спина, бока носят явные следы ударов прикладами, руки до плеч буквально представляли куски мяса с ободранной или отбитой кожей. Кроме того, на спине имелись две-три штыковые раны...»

Чистоплюи, министерскими портфелями не обремененные, ставят Комуч в положение героя украинской присказки. Дядька тонет, пытается выплыть, ему с берега кричат: «Не тратьте, куме, силы та спускайтесь на дно...» Отменить карательные экспедиции, запретить экзекуции, расстрелы, когда из одной Самарской стрелковой дивизии «Народной армии» с десятого по семнадцатое сентября сбежало 995 солдат. Насильственно мобилизованных крестьянских парней.

Ангел-хранитель Комуча — генерал Чечек, теперь он командующий Поволжским фронтом — берет все на себя. В газетах, на стенах домов, на пристанях, вокзалах — отеческое предупреждение: «Учреждается чрезвычайный суд из лиц, назначенных чешским военным командованием... Виновные в чрезмерных требованиях об освобождении комиссаров, нарушении спокойствия общественной жизни,

распространении ложных слухов непременно подлежат наказанию расстрелянием».

Трое непременно подлежащих наказанию «расстрелянием» внимательно читают, перечитывают послание Чечека. Комиссары 4-й армии Куйбышев, Линдов, уполномоченный Самарского подпольного комитета большевиков Звейнек. Перед рассветом Звейнек перешел линию фронта, благополучно добрался до Покровска — небольшого городка на берегу Волги, наискосок от Саратова.

«Своей» самарской территории, «своего» населения нет. А Куйбышев упрямо сохраняет Самарский ревком, Самарский губернский комитет партии, губернскую газету. Надо ли? Уцелевших работников совсем немного — остро требуются фронту. Еще довод, далеко не последний. Кто даст денег для содержания людей, на газету, что отстаивает Валериан Владимирович? Дела, заботы гражданские после победы...

В половине августа телеграмма Якова Свердлова, ответ на все сомнения. «Самарский ревком должен существовать отдельно с прежними функциями...» Открыт кредит. Доставлена бумага для «Приволжской правды». Съезжаются ветераны, самарские большевики — Галактионов, Мяги, Тронин, Бирн, Сперанский, Коган, Струппе. В Покровске и комиссар 4-й армии Куйбышев.

Покровск как плато в горах, где перед штурмом вершин многоопытные инструкторы разбивают тренировочный лагерь. Сходство тем более близкое, что в Покровске надо накрепко сбить дивизии 4-й армии. Из партизанской вольницы Николаевского, Новоузенского, Саратовского уездов, Валериану Куйбышеву вдвоем с Гавриилом Линдовым. Человеком интереснейшим.

В полном согласии Куйбышев с Линдовым составляют первый во всей Красной Армии кодекс обязанностей комиссаров дивизий, полков, отдельных частей. Правила, ими давно установленные для себя.

«Политический комиссар должен быть для всех красноармейцев образцом революционной и боевой доблести, дисциплины, первым в наступлении, последним в отступлении. Словом, духовным отцом полка... Стремиться как можно быть ближе к красноармейской массе и внушать полное доверие и уважение к себе, а потому отношения с красноармейцами должны быть простыми, товарищескими».

Пора. Время идти на штурм.

«Перед вами Самара, — зовет Куйбышев, — еще один удар — и над столицей контрреволюции будет гордо развеяться Красное знамя социализма. Еще один удар — и Волга, от истоков до впадения, будет

открыта для пароходов с хлебом, нефтью и другими продуктами, столь необходимыми Советской России... Дайте хлеба вашим голодным детям, голодающему Северу. Защитите свое социалистическое Отечество!»

Взяты Вольск, Хвалынский. Рвутся к Самаре дивизии 4-й армии по левому берегу Волги. Наступают на Сызрань — Батраки по правобережью части Первой. Две армии нависают над противником.

Дороги разбиты, залиты черной слякотью. Алексей Галактионов отстаивает перед другом Куйбышевым требование командиров остановиться, переждать. «Грязь непролазная, поэтому трудно передвигать артиллерию, лошади выбиваются из сил... Нужного количества подвод для пехоты не имеется, люди должны пешком пройти 20 верст и затем, измученные, вступить в бой».

Валериан Владимирович отклоняет подчеркнуто резко: «Аргументы малоубедительны. Грязь будет вплоть до зимы, откладывать до этого времени операцию невозможно. К тому же к противнику подходят подкрепления. Скоро будет, поздно.

Необходимо использовать всевозможные комбинации... где смелым налетом в тыл неприятеля, где переброской войск на автомобилях, а где и ударить в лоб. В этом и состоит умение командовать и проявлять инициативу.

В заключение скажу... если мы будем медлить, то дождемся такого позора, что, пользуясь нашей медлительностью, противник с нашего фронта оторвет часть сил и опрокинет войска, окружившие Сызрань. Таким образом... все силы на выполнение приказа».

Полдень пятого октября. Осенний порывистый ветер приносит в Самару из заволжских степей крепкий настой умирающих, пожелтевших трав. Вместе с грохотом оружейной пальбы. На Дворянской улице из подвалов казенного банка продолжают увозить небольшие аккуратные ящики. Толпящиеся вокруг обыватели твердо заключают: «Золото повезли, ну, значит, учредилке конец приходит!»

Пугачевский, Разинский, 4-й стрелковый полки взяли разъезды Томилово, Липяги. Головные дозоры у станции Кряж. До Самары рукой подать. Куйбышев доверительно говорит командующему авангардом Кутякову, волгарю кряжистому-, смекалистому:

— Только что, Иван Семенович, получил известие. Дивизия Гая опрокинула чехов у поселка Иващенко. Не дает опомниться... Грозит наш друг седьмого отобедать в Самаре!

— Успеет к обеду, так приветим по русскому хлебосольству. Не сомневайтесь, Валериан Владимирович, — обнадеживает не по годам

серьезный Кутяков. Ему двадцать первый. Гая он ставит высоко. Симпатии свои делит между ним и Чапаевым. Охотно перенимает их манеру держаться, управлять боем, презирать опасность. Для полного самоутверждения ему необходимо, чтобы первой в город ворвалась его бригада. Давно обещано комиссару...

В последний час взлетает к небу — сегодня оно подчеркнуто высокое, голубое, будто не было трех недель, переполненных дождями, — взлетает мост через реку Самарку. Куйбышеву кажется, надежды Кутякова перечеркнуты. Выручают саперы вместе с рабочими-железнодорожниками. Со скоростью необычайной наводят понтоны. Гай со своими появляется несколько часов спустя.

Весь вечер, большую часть долгой октябрьской ночи в городе демонстрации, факельные шествия. Куйбышев не уходит с балкона третьего этажа «Гранд-отеля». Возбужденный, счастливый.

Вскоре в «Приволжской правде» появится письмо в редакцию Гавриила Линдова:

«С особым удовольствием считаю своим долгом через посредство вашей газеты исполнить возложенное на меня председателем Совнарком тов. В. И. Лениным поручение — передать его самый горячий привет самарскому пролетариату.

Ознакомившись с тем, как самарский пролетариат встретил освобождение от белогвардейского ига, как быстро и энергично самарские товарищи коммунисты приступили к налаживанию советской работы, тов. Ленин увидел в этом еще раз подтверждение той мысли, что Советская власть пустила слишком глубокие корни в самые недра рабочего, городского и сельского классов, чтобы какая-нибудь сила в состоянии была бы вырвать эти корни.

Зная, как самарские товарищи рабочие интересуются состоянием здоровья тов. Ленина после преступного на него покушения, могу сообщить им, что тов. Ленин чувствует себя очень хорошо и бодро, как будто ничего не было.

Пуля, застрявшая на правой стороне шеи, еще не извлечена, а так как она нисколько не мешает тов. Ленину работать и так как он не любит терять напрасно время, то он откладывает извлечение пули... Левая рука начинает действовать».

И короткое извещение на последней странице губернских газет:

«В воскресенье, 8 декабря, в 12 часов дня в помещении театра имени Карла Маркса состоится митинг рабочей молодежи. Выступит тов. Куйбышев».

Облюбованный зал тесен. Вместить желающих никакой возможности. С ходу «захватывают» кинотеатр «Триумф». Устраиваются на скамейках, на полу, на сцене. Валериан Владимирович сразу к делу. «Надо нам посоветоваться. Губернский комитет большевиков полагает, что нам, волжанам, негоже отставать от московской и питерской молодежи, положившей начало Российскому Коммунистическому Союзу Молодежи. Ну те-ка, что думаете?»

Пройдет много лет. В обильно заснеженный декабрьский день 1932 года в Самаре получают телеграмму-«молнию». Комсомольцам от члена Политбюро ЦК ВКП(б) Валериана Куйбышева:

«Горячо поздравляю со славной годовщиной армию молодых большевиков. Горжусь тем, что помогал сколачиванию этой армии? Деритесь за построение социалистического общества с такой же революционной энергией, с какой вы дрались в годы совместной борьбы, отстаивая с оружием в руках Советскую власть. Не забывайте писать мне о своей работе».

*Заветная ляжет дорога
На юг и на север — вперед.
Тревога, тревога, тревога!
Идет девятнадцатый год!*

На углу улиц Льва Толстого и Саратовской кирпичный особняк Реввоенсовета. Три ступеньки между белыми колоннами ведут в приемную. Направо дверь с надписью золотом на стекле: «Председатель Самарской земской управы». Кабинет Куйбышева. Политического комиссара 4-й армии. Председателя Самарского ревкома. Руководителя губернского комитета большевиков. Каждые сутки ему доставляют километры узкой белой телеграфной ленты. Расшифрованные тире и точки. Точки и тире.

Лента чередует радости и горе, приобретения и утраты. Пока чередует... После крупной декабрьской неудачи на северном крыле Восточного фронта, потери Перми и Мотовилихи, обнадеживающие победы здесь — на юге. Вызволен Оренбург, до крайности истерзанный Дутовым. Поездам из России открыт путь на Туркестан... Дивизии, под новый год овладевшие Уфой, выходят на подступы к Уральскому хребту, в горнозаводский район.

Сообщение от Свердлова. Состоялось долгожданное назначение Михаила Фрунзе командармом-4. К концу января будет в Самаре... Тут же горькая, трагическая весть — телеграмма со станции Озинки. Пополнение, прибывшее для Орлово-Куриловского полка, взбунтовалось. Убиты комиссары Линдов, Мяги, член ВЦИК Майоров.

Тела погибших доставлены в Самару. Слезы мешают Куйбышеву говорить: «Мы не сумели вас сберечь... Мы сумеем за вас отомстить! Месть противнику — победа над ним...»

Точки и тире, тире и точки выбивают: «Отомстить! Отомстить!» Обманутое, сбитое с толку пополнение Орлово-Куриловского полка выступает на фронт. Полк развивает наступление на Уральск. Войсковое «правительство» бежит.

Еще депеша. Из поезда председателя РВС Республики. Троцкий приказывает в ответ на убийство Линдова, Майорова, Мяги устроить

«мамаево побоище» взбунтовавшемуся полку. Исполнение донести.

Командарм еще в дороге. Ответственность делить не с кем. Куйбышев сам относит ответ в угловую комнатку, где над аппаратом Морзе склоняется старик телеграфист. Быстро стучит ключ. В ночь уходит: «Мамаево побоище» не в духе убитых комиссаров. Последние слова Линдова были: «Вперед на Уральск!» Красноармейцы Уральск взяли. Не побоище — Победа!»

Инцидент считается исчерпанным. Считается...

Известие совсем личное. По адресу домашнему. «Самара Саратовская 140 квартира 2 Куйбышеву Воля буду восьмого встречать не надо Мама».

Большие семейные торжества. Рождение нового человека. Дочери Гали. И Володин день. Парню, родившемуся на полу в тюремной камере, успевшему побывать в подполье при чехах и Комуче, вдоволь помытариться, поголодать, третьего марта, в девять утра, исполнится два года. Не шутка, два полных года!

Все своим чередом — радости и горе, приобретения и утраты.

Третьего марта Володин праздник. Четвертого-шестого переходят в наступление армии Колчака, очередного «верховного правителя России». Восьмого вспыхивают подготовленные эсерами крестьянские мятежи в Самарском, Сызранском, Сенгилеевском, Ставропольском и Мелекесском уездах. В ночь с десятого на одиннадцатое бунт 175-го полка в Самаре...

Куйбышеву срочно быть в Москве. Защищать на съезде председателей губернских исполкомов и городских Советов России свои наметки организации местной власти. Сыр-бор из-за прав и взаимоотношений с центром. Позиция Валериана Владимировича — демократический централизм против «свободы действий» областников. На съезде успех. Вслед жестокий удар. Смерть от испанки Свердлова. Шестнадцатого марта.

Перед кончиной к Якову Михайловичу на мгновение вернулось сознание. Он узнал Ильича и жалобно, как-то по-детски улыбнулся. «Владимир Ильич, — рассказывала жена Свердлова Клавдия Тимофеевна Новгородцева, — взял его за руку и нежно, ласково стал гладить эту ослабевшую руку.

В страшной, мучительной тишине прошло десять минут, пятнадцать... Рука Якова Михайловича безжизненно упала на одеяло. Владимир Ильич как-то судорожно глотнул, низко опустил голову и вышел из комнаты...

Через несколько минут Якова Михайловича не стало».

В предвечерние часы восемнадцатого в Круглом зале Судебных установлений Кремля открывается VIII Всероссийский съезд коммунистов. Куйбышева, всех других делегатов Самары губком отзывает. Слишком

резко ухудшается обстановка на Восточном фронте.

Донесение Чапаева Реввоенсовету: «Через нашу разведку мы имеем сведения, что колчаковские генералы собираются разговляться в Самаре, а в Бузулуке выпить перед разговеньем...»

О том же в не увидавших света записках управляющего колчаковским министерством иностранных дел Сукина: «Наступление продолжалось... Царила атмосфера легкомыслия и увлечения, которую разделяли, между прочим, все иностранные военные и дипломатические представители в Омске. Их оптимизм был еще больше нашего. Я помню расчеты французов на то, что к пасхе войска войдут в Самару».

Французский премьер Клемансо считает момент весьма подходящим для всеобщего «похода на Москву». На расходы двести пятьдесят миллионов долларов великодушно ассигнует правительство США. Великобритания со своей стороны... «Мы привезли в Сибирь, — сообщает английский генерал Нокс, в поезде которого из-за рубежа был доставлен в Омск адмирал Колчак, — сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни орудий и тысячи пулеметов, несколько сот тысяч комплектов обмундирования и снаряжения и так далее. Каждый патрон, выстреленный русским солдатом в течение этого года в большевиков, сделан в Англии...»

Ильич настаивает: «...*поставить на ноги все, мобилизовать все силы на помощь Восточному фронту... там решается судьба революции*». Снова, как и летом восемнадцатого, Восточный фронт — главный фронт Республики. Быть или не быть!.. Для подкрепления истощенных армий — мобилизации партийная, профсоюзная, комсомольская. В считанные дни сто эшелонов новых бойцов. В условиях общей разрухи и почти полного бездействия железных дорог. Непосредственный повод организации первого коммунистического субботника в депо Москва-Сортировочная — предельная необходимость отремонтировать паровоз для воинского состава, направлявшегося на Волгу... На заседании Совета Обороны доклад Ленина о производстве боеприпасов!

Куйбышев на митинге в Самаре: «По всей рабоче-крестьянской России раздался клич: «Все на Волгу!» Эта священная тревога дает нам уверенность в том, что Восточный фронт из фронта поражения будет превращен в фронт победы... Если мы опрокинем врага, Россия покажет образец устройства новой жизни».

Препятствие совершенно неожиданное. Ничем разумным не оправданное. Если заглянуть в бумаги Фрунзе, в свое время для печати не

предназначенные...

«И требовались не только колоссальная воля, но и яркое убеждение в том, что только переход в наступление изменит положение, чтобы действительно начать таковое. В тот момент пришлось считаться не только с отступательным настроением частей, но и с давлением сверху, со стороны главного командования, бывшего тогда в руках тов. И. И. Вацетиса. Он стоял за продолжение отступления...»

Вацетис — полбеда. Свирипее Троцкий. Спешит проучить виновных в дерзостном, непочтительном поведении. В категорическом отказе без нужды оставить Симбирск. Описывает живая свидетельница, Наталия Каменева, дочь Сергея Сергеевича Каменева, тогдашнего командующего Восточным фронтом:

«Такого нарушения дисциплины Троцкий не перенес. Он явился в Симбирск, окруженный свитой людей, одетых во все черное, с огромными парабеллумами на поясах, сам такой же кожанно-черный. Буквально ворвавшись в кабинет отца, откуда тотчас же стал доноситься возбужденный разговор, перешедший в крик, Троцкий, не сдерживаясь, прямо угрожал отцу, затем, круто оборвав на высокой ноте, он так же стремительно выскочил из кабинета и почти бегом удалился со всей своей свитой.

Так началось их первое знакомство. И несмотря на то, что наступил несомненный перелом к лучшему... очень скоро пришло телеграфное распоряжение Троцкого снять отца...»

Сергей Сергеевич — генштабист. Сразу после Февральской революции избранный солдатами 30-го Полтавского полка своим командиром. Знаток военного искусства и полководец выдающийся. Каменев успевает разделить Восточный фронт на две достаточно самостоятельные группы. Армии к югу от реки Камы — 1-я, 4-я, 5-я, Туркестанская — переходят под командование Михаила Фрунзе.

Первый шаг командующего — обращение в Центральный Комитет партии: «Членом Реввоенсовета Южной группы обязательно должен быть Куйбышев В. В.». Желание обоюдное, для успеха необходимое. Фрунзе — огонь, темперамент. Куйбышев — спокойствие, внешне полное, уравновешенность.

В дневнике комиссара и писателя Дмитрия Фурманова:

«...Фрунзе в штабе диктует приказы, Фрунзе в бессонные ночи... тонкой палочкой водит по огромным полотнищам раскинутых карт, бродит в цветниках узорных флажков, остроглазых булабочек, плавает по тонким нитям рек... задержится на мгновение над черным пятном большого города

и снова стучит-стучит-стучит по широкому простору красочной, причудливой, многоцветной карты.

Около — Куйбышев, чуть «крепит» бессонные темные глаза, встряхивая лохматую шевелюру; они советуются с Фрунзе на лету, они в минуты принимают решения, гонят по фронту, по тылу, в Москву — гонят тучи запросов, приказов, советов... Фронт почувствовал дыхание свежей силы. Вздрыгнул фронт в надежде, в неожиданной радости... Перестроились смятенные мысли, полки остановились, замерли в трепетном ожидании перемен».

За два дня до удара, меняющего круто положение на фронте, письмо Куйбышева в красноармейской газете «Революционная армия». Возмущение предельное услугой воистину медвежьей.

«В «Коммуне» и в «Революционной армии» на днях была помещена беседа со мной корреспондента РОСТА о положении дел на Восточном фронте. Признаться, я был очень удивлен, что из нескольких фраз, брошенных мною... получилась целая статья, некоторые места которой были для меня совершенно новы. Но это было бы еще с полбеда, беда в том, что в «беседе» есть фразы и мысли, которых я не только не говорил, но и не мог сказать. Это прежде всего относится к общему тону «беседы».

В изложении корреспондента выходит так, что член Реввоенсовета Южной группы армий... полагает, что на «Шипке все спокойно», все обстоит благополучно. Если логически продлить общее настроение «беседы», то, естественно, напрашивается вывод, что излишня та священная тревога, которой проникнуты все честные рабочие и крестьяне Поволжья, ненужным является напряжение энергии на борьбу с Колчаком пролетариев Москвы и Петрограда. Одним словом:

— Спи, обыватель.

Почти так и кончает свою вымышленную беседу со мной корреспондент РОСТА. Его последняя фраза — буквально перл обывательщины:

«Самарцы могут быть спокойны: Красная Армия их в обиду не даст».

...Я сроднился с самарским пролетариатом, дорожу до вернем, которое он мне оказывает, но я совершил бы преступление против общей борьбы (и этого не простил бы мне сознательный самарский пролетариат), если бы я в своей деятельности руководствовался исключительно его спокойствием. «Самарцы могут быть спокойны...» Если тут имеется в виду обыватель, то я предпочел бы, чтобы он успокоение находил в приеме валериановых капель, но не из моих уст. Рабочие же Самары знают, что они должны разжечь в своих сердцах ярким пожаром священную тревогу за судьбу

революции. Быть спокойным в момент, когда происходит решительная схватка с ожесточенным и напрягающим все свои силы врагом, — не удел пролетария. Бездеятельность в такое время недопустима, спокойствие преступно, и еще в десять раз преступнее звать к спокойствию и преуменьшать грозящую опасность... У корреспондента вышло так, что самарцы будут наслаждаться спокойствием, а Красная Армия будет не давать их в обиду. Милое распределение ролей. Самарский пролетариат уже показал, послав свои рабочие полки, что он единое целое с борющимися на фронте. И эта связь и слитность должны расти и укрепляться. И только в этом — залог грядущей победы...

Еще далека эта победа... Больше того, она не будет достаточно обеспечена и теми успехами, которые мы ожидаем в ближайшем будущем... Исход борьбы определится тогда, когда скажется результат напряжения революционной энергии рабочих и крестьян России, когда они ошестивятся против Колчака штыки новых и новых рабочих батальонов, когда они придут всесторонне на помощь героям.

Ложь, что мы уже создали для армии человеческие условия. Ложь, что у нас нет разутых и раздетых. Стыдно говорить это перед лицом страданий, переживаемых армией. Не самохвальство облегчит борьбу Красной Армии, а самодеятельность широких организованных рабочих масс при сознании ими грозности положения. Не спокойствие приведет рабочий класс к победе, а величайшее напряжение энергии и священная тревога за судьбу революции».

Начинать сражение в серых предрассветных сумерках двадцать восьмого апреля. Бить от Бузулука по левому крылу — по выдвинувшейся клином Западной армии Колчака. При сдерживающих, лишающих противника возможности маневрировать боях в центре фронта — на казанском, симбирском и самарском направлениях.

Первооснова всего замысла — давний большевистский принцип, в революцию полностью восторжествовавший, — иметь в решающем месте в решающий момент подавляющий перевес сил. На направлении главного удара в полосе около двухсот километров Реввоенсовет Южной группы сосредотачивает до пятидесяти тысяч штыков и сабель при ста пятидесяти двух орудиях. На остальных участках фронта протяженностью в семьсот километров — менее двадцати трех тысяч бойцов при семидесяти орудиях. Выстоять, удержать позиции будет трудно, порой почти невозможно. Надо. Там, на главном направлении, решается судьба революции.

Начальник политотдела 25-й дивизии в Реввоенсовет 4-й армии:

«Объезжая цепи в течение последних дней, вижу невероятно трудное

положение красноармейцев. Нет белья, лежат в окопах нагие, разъедаемые вшами. Молча идут в бой, умирают как герои, даже некого выделить для наград. Все одинаково честны и беззаветно храбры. Нет обуви, ноги в крови, но молчат. Нет табаку, курят сплошной навоз и траву. Молчат... Сердце рвется, глядя на их молчаливое терпение... Разуйте и разденьте кого хотите. Пришлите материалы, мы сошьем сами, только дайте теперь что-нибудь. Мобилизуйте обувь и белье у населения...»

Беспощадно наступают 24-я дивизия Гая, 25-я Чапаева, 27-я стрелковая. Шестнадцать суток вся группа армий ведет бои ожесточенные, отбрасывает колчаковцев на сто двадцать — сто пятьдесят километров к востоку. Управляющий военным министерством Колчака барон Будберг заносит в памятную книжку после утраты Бугуруслана и Бугульмы: «... несомненно, на фронте Западной армии инициатива перешла в руки красных. Наше наступление выдохлось, и армия катится назад, неспособная уже за что-нибудь зацепиться... при отходе местные мобилизованные расходятся по своим деревням, унося одежду, снаряжение, а иногда и вооружение... Фронт трещит и катится назад; приходится уже подумывать о том, удастся ли нам сохранить за собой Урал...»

Под сокрушающий удар попадает привилегированный в стане белых корпус Каппеля. Превосходно обученный, расточительно вооруженный. Близка, реальна возможность окружить, уничтожить крупную группировку противника. Двадцать пять тысяч вражеских солдат уже взяты в плен...

«Быстрее, быстрее! Начало, и начало хорошее, вами сделано. Смелее вперед!» — зовут полки Фрунзе с Куйбышевым.

Тут же сразу грозный окрик нового командующего Восточным фронтом А. А. Самойло, поставленного вместо «недисциплинированного» Каменева: «Ни шагу дальше! Не смейте своевольничать, по-своему перегруппировывать части!!»

Дисциплина есть дисциплина. Куйбышев остается на позициях с войсками. Фрунзе спешит в Самару. Авось удастся связаться по прямому проводу с командующим фронтом, объяснить, доказать.

Покуда добирается Фрунзе, порученец из штаба фронта доставляет пакет с пятью сургучными печатями. Сверхсекретный. Директива А. А. Самойло — отказ от дальнейшего преследования Западной армии Колчака, фактическое расформирование Южной группы.

Далеко не с первой попытки удастся пригласить Самойло к проводу. Фрунзе предельно миролюбиво: «Сегодня утром я прибыл в Самару и ознакомился с вашей директивой, а одновременно и с вашей запиской. Должен откровенно сознаться, что директивой и запиской я сбит с толку».

Через минуту-другую: «Если бы я не составил ударной группы из надерганных мною из 4-й, Туркестанской армий частей, я не имел бы чести разговаривать с вами из Самары...»

Семь бед — один ответ. Командующий и член Реввоенсовета Южной группы отдадут еще один своевольный приказ. Контрнаступление развивать. Семнадцатого мая освобожден Белебей. Враг в беспорядке откатывается к реке Белой. Теперь не дать закрепиться.

Того же семнадцатого вместо поздравления — очередной разнос. Запрет полный продвигаться дальше. «Не смеее распоряжаться дивизиями, предназначенными для переброски на другие фронты...»

Много кривотолков годами бродит вокруг А. А. Самойло, считанные недели командовавшего Восточным фронтом. Генерал, российский патриот А. А. Самойло в первые дни революции сделал выбор решительный в пользу большевиков. На всю жизнь. Десятилетия занимал высокие посты в Красной Армии. Неумный, злой вымысел, будто видел Самойло в руководителях Южной группы Фрунзе и Куйбышеве несведущих, неспособных дилетантов. Проще и куда точнее. Генерал Самойло слишком хорошо, в потрясающих подробностях, знал, как расправился с его предшественником полковником Каменевым Троцкий. Авторитет для него в грозном 1919 году недостижимый. Самойло ограничивает себя рамками инстанции передающей. Что председатель РВС Республики требует, то он адресует Реввоенсовету Южной...

Куйбышев и Фрунзе бьют тревогу. Добиваются вмешательства Центрального Комитета партии. Двадцать девятого мая из Москвы в Симбирск шифровка Ленина. «По вашему настоянию назначен опять Каменев. Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы... Следите внимательнее за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой. Еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги».

Все вроде бы становится на место. Каменев вновь принимает под свое начало Восточный фронт. Южная группа получает свободу действий. Начинает наиболее важную и трудную Уфимскую операцию. Завершение всему контрнаступлению.

Противник, взрывая за собой переправы, укрывается за рекой Белой. Река после разгульного весеннего половодья в берега еще не вошла. Ширина побольше трехсот метров. Дальше за водным рубежом жерла батарей, отборные офицерские полки. Почти что новинка — аэропланы. «Красные обломают свои зубы об Уфу», — сулит командующий обороной

генерал Ханжин Колчаку.

«Уф-фа — неприступная цитадель на востоке России, — заверяет палату общин военный министр Великобритании Уинстон Черчилль. — На севере войска адмирала Колчака в ближайшем будущем соединятся с экспедиционными силами армии его величества, весьма успешно продвигающимися от порта Архангельск к стратегическому центру Котласу. Конечная цель — Петроград. Такая же задача и у британской эскадры, оперирующей на Балтийском море в контакте с корпусом генерала Родзянко и эстонскими ландскнехтами...»

«Уф-фа» может в самом деле стать цитаделью неприступной, крепостью из тех, что не сдаются, если... Западное командование белых всего-навсего желает переиграть на свой манер стратегический замысел Южной группы, нанесшей в апреле — мае контрудар по обнаженному, растянувшемуся левому крылу колчаковцев. А сейчас, в июне, генерал Ханжин надеется сокрушить тылы армий Фрунзе. На южные районы Самарской губернии должны внезапным налетом обрушиться уральские казаки. Одновременно заговорщики поднимут восстание в Самаре, в нескольких других городах.

Все-все заранее предусмотрено, взято во внимание... Реввоенсоветом 4-й. Фрунзе остается под Уфой. Там, где на зыбких плотях июньской недолгой ночью станет переправляться Иваново-Вознесенский полк 25-й дивизии. Куйбышев отстаивает Самару, тылы.

Мобилизация всех мужчин в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти лет — мало! Мобилизация ветеранов-большевиков, мобилизация комсомольцев — мало! В который раз Куйбышев идет на заводы, в железнодорожные мастерские и речные затоны, в паровозные депо и на пристани — просит помощи у рабочего люда. Отряды из добровольцев уходят на позиции, охраняют объекты особо важные, несут службу связи.

Делегация из поселка Иващенко^[28]. Особый рабочий батальон желает, чтобы перед вступлением в бой каждому бойцу доставили на подпись «Заповеди коммуниста». Клятву, что приносят при вступлении в партию:

«Сознательно, бескорыстно и без принуждения вступая в партию коммунистов-большевиков, даю слово считать своей семьей всех товарищей коммунистов и всех разделяющих наше учение не на словах только, но и на деле. Бороться за рабочую и крестьянскую бедноту до последнего вздоха. Трудиться по мере своих сил и способностей на пользу пролетариата. Защищать Советскую власть, ее честь и достоинство словом, делом и личным примером. Ставить партийную дисциплину выше личных

побуждений и интересов.

Обязуюсь:

Встретить смерть с достоинством и спокойно за дело освобождения трудящихся от ига насильников. Не просить у врагов трудящихся пощады ни в плену, ни в бою.

...Если я отступлю от этих обещаний сознательно, корысти или выгоды ради, то буду я отверженным и презренным предателем. Это значит, что я лгал себе, своим товарищам, лгал своей совести и недостойн звания человека».

Кто не способен управляться с оружием, также женщины пожилые, подростки, деды — всем миром роют окопы, возводят укрепления на подступах к городу.

С Куйбышевым неотступно начвоенполестро. Просто по-русски — начальник военно-полевого строительства Карбышев. Человек редчайшего мужества и огромного инженерного таланта. В чине капитана инженерной службы он участвует в строительстве фортов Брестской крепости. С четырнадцатого года на фронте. Буйные ветры революции заносят 37-летнего подполковника Дмитрия Михайловича Карбышева на Волгу. В Первую армию — к Тухачевскому и Куйбышеву. Попозже вместе с Валерианом Владимировичем обосновывается в Самаре. В лютую зиму, в морозы сорокаградусные, когда космы инея свисают с лошадей и поземка с присвистом хватает, хлещет, бьет, Карбышев строит укрепления в заволжской степи.

Вся жизнь дальнейшая Дмитрия Карбышева — бескомпромиссное служение России. В Отечественную войну генерал-лейтенант Карбышев, тяжело контуженный, захвачен гитлеровцами. За отказ в форме какой бы то ни было сотрудничать, за патриотизм величайший облит водой и заморожен. На шестьдесят первом году от роду!..

Куйбышев о чудовищной трагедии не узнает. Пока в знойный июнь девятнадцатого им вместе готовить победу. В «Вестнике Военно-инженерной академии», в год, когда ее назовут именем Куйбышева, Карбышев напишет:

«Валериан Владимирович объезжал вместе со мной строительства не только днем, но и в ночное время. Немало ночей ему приходилось работать без сна... Куйбышев на месте знакомился с состоянием оборонительных работ, делал необходимые замечания, санкционировал мои распоряжения. Благодаря такому живому сотрудничеству работы развивались полным ходом».

Весь успех белоказаков — временный захват степного городка

Николаевска. Против восьмидесяти коммунистов и комсомольцев тысяча пятьсот до зубов вооруженных конников. Одолели, растерзали на вторые сутки!.. Еще окружение Уральска. Продолжится осада долго. Сто дней без малого. Войдет в учебники военной науки. Малому числу гарнизону не хватает оружия, медикаментов, нечего есть, некуда класть раненых, а он дерется, совершает вылазки, схватывается врукопашную. Терпит, выстаивает, побеждает.

А в Уфе белогвардейские полки со всеми пушками, аэропланами выдерживают два неполных дня. Девятого июня сражению конец. В городе чапаевцы — иваново-вознесенские ткачи, самарские металлисты, мужики поволжские, беднота башкирская.

После боевой победы предстоят еще баталии на километрах телеграфной ленты. Почти что повторение пройденного. Точки и тире. Тире и точки. Аппараты опять выбивают требование главного командования. Строгое-престрогое. Остановиться, закрепиться на линии рек Белой и Камы. Части готовить к отправлению на Южный фронт. Без Ленина опять толку не будет. Из Самары — депеши сверхсрочные Куйбышева и Фрунзе. Из Симбирска — Каменева. Горькие строки в записках Сергея Сергеевича:

«...Мысленно я решил на будущее быть абсолютно дисциплинированным и уж никак не давать повода главнокомандованию обвинять меня в этом недостатке. Несмотря на это, в июне в полном смысле слова не исполнил приказа главнокомандующего. Наступление на Восточном фронте развивалось вполне успешно. Белогвардейские армии Колчака откатывались за Уфу, а в это время главнокомандующий отдал приказ остановиться на реке Белой. Я отказался остановить наступление. Решение вопроса перешло к Владимиру Ильичу».

Пятнадцатого числа — Пленум ЦК. Мнение твердое — Колчак не разгромлен до конца, обладает стратегическими резервами — дело не завершено. Восточному фронту наступать! Обязательно наступать с возрастающей силой и быстротой.

Главком Вацетис подчиняется. Да не он в военном ведомстве ставит последнюю точку. Право, присвоенное Троцким. Посему работяги безотказные — фронтовые телеграфисты снова выбивают чуть перелицованный старый приказ. Наступление остановить! Теперь на рубеже Уральского хребта.

Следует неизбежная хирургическая мера. Восьмого июля Ленин проводит решение правительства назначить главнокомандующим всех Вооруженных Сил Республики Сергея Каменева. Признание Ильича в письме Надежде Константиновне: «От замены главнокомандующего

Вацетиса Каменевым (с Востфронта) я жду улучшения».

Восточный фронт принимает Фрунзе. На время прощается с Самарой, с Куйбышевым. Спешит в Симбирск. Оттуда записка Валериану Владимировичу: «Признаюсь, что я хотел, да и теперь хочу, чтобы Вы перешли в Симбирск. Навести порядок требуется во многих отношениях, и вдвоем было бы легче. Но обстановка сейчас складывается не так...»

Сам Куйбышев ничего не подозревает о хлопотах Фрунзе, о том, что тот добивается его перевода. Настроение великолепное. Снята осада со степного Уральска, преодолен горный Уральский хребет. После тяжких десятидневных боев отбит Златоуст в южных отрогах. Открыт путь на Челябинск. На севере фронта освобожден главный уральский город Екатеринбург^[29]. Момент такой, что удержаться трудно. Отдается Валериан Владимирович давнему своему пристрастию — журналистскому занятию. Свидетельство коренного самарца, известного писателя Артема Веселого: «В нашей газете «Приволжская правда» чуть ли не из номера в номер печатаются полные боевого задора статьи Валериана Куйбышева. Всегда бурные и литературно безукоризненные». Он и сам не скрывает, во всех опросных листах указывает: «Состою в Союзе советских журналистов». При Всероссийской переписи журналистов на вопрос: «С какого времени занимаетесь данной профессией?» — ответил: «С 1912 года».

На этот раз статья пишется особенно легко.

«ГЕРОИЗМ ШТУРМА И ГЕРОИЗМ ОСАДЫ

На севере Восточного фронта при освобождении Екатеринбурга Рабоче-Крестьянской Армией совершено чудо, проявлен героизм штурма, героизм натиска, героизм бурного стремления революции вперед... Уральск стал символом другого вида героизма, героизма стойкости, героизма мужества. Кто герой? Иванов, Петров? Нет! Каждый в отдельности мог колебаться, в отдельные минуты впадать в отчаяние. Герой — народ. Коллективная воля к победе спасла Уральск. Вооруженный народ, рабочие и крестьяне совершили подвиг, совершили чудо.

Героическим натиском взят Екатеринбург, с героическим мужеством удержан Уральск. Чей подвиг больше? Кто расценит, кто взвесит? Сердце и разум говорят одно: Красная Армия, способная на эти подвиги, победит темные силы...»

В двадцатых числах Фрунзе извещает Валериана Владимировича:

«Порешили ввиду серьезного положения в Астрахани направить туда временно Вас. Мне лично этого чрезвычайно не хотелось, но пришлось согласиться ввиду остроты положения».

Вновь назначенный командующий Южной группой армий Восточного фронта Федор Федорович Новицкий, из первых русских генералов, предложивших свои услуги революции, — Фрунзе:

«...В частности, что касается конструкции власти в Астрахани, то усиленно подчеркивают совершеннейшую необходимость при создавшейся на месте атмосфере, чтобы командармом был партийный деятель, а потому ходатайствую о назначении командующим Астраханской группой тов. Куйбышева, раз ему суждено туда ехать.

Товарищ Куйбышев собирается против моего предложения возражать, считая, что он не может взять на себя ответственность руководства операциями при весьма сложной тамошней обстановке, имея фронт на 360 градусов, и не только сухопутный, но и морские силы. Но Вы сами убеждались, до какой степени страхи принять ответственную роль командарма неспециалисту неосновательны и, наоборот, до какой степени благотворно отражается на пользе дела пребывание во главе армии политического работника. А в Астрахани сейчас обстановка в этом смысле острее, чем то было в IV армии, когда мы приехали с Вами на фронт».

В продолжение — во вторник, двадцать девятого июля, на первой странице «Правды»:

«Оборона Советской России

АСТРАХАНСКИЙ РАЙОН — БАЗА ДЛЯ ОПЕРАЦИЙ НА КАВКАЗЕ

Член Революционного военного совета Южной группы Куйбышев в беседе с сотрудником РОСТА сообщил: в Астраханском районе, вследствие падения Царицына, противник переправился на левый берег Волги и занял Пришиб, Царев и Капустин Яр. Этим продвижением он угрожает прервать единственный железнодорожный путь, связывающий отдаленный Астраханский край с остальным миром...

Если астраханский пролетариат, подобно самарскому, с такой же энергией встанет на защиту Нижней Волги, опасность будет устранена, район сохранится за Советской республикой и станет базой для операций на Кавказе, где рабочие и крестьяне с надеждой ждут прихода избавителей — советских войск».

В сущности, о том же. Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта в Москву: «Рабочие и матросы Баку настроены враждебно против англичан-оккупантов. При приближении Красной Армии бакинцы поднимут

восстание».

Ленин поперек желтоватого плотного листка пишет: «Надеюсь, вы понимаете громадную важность вопроса и примете энергичнейшие меры, чтобы использовать настроение бакинцев для быстрых и решающих действий. Гарантируйте безопасность переходящим к нам. Телеграфируйте подробнее».

Два месяца спустя: «...нужда в нефти отчаянная.

Все стремления направьте к быстрейшему получению нефти и телеграфируйте подробно».

И снова о нефти. Дешеша Владимира Ильича в Астрахань: «... Отвечайте немедленно, все ли меры приняты, какова подготовленность, какие виды, назначены ли лучшие люди, кто отвечает за осуществление безопасности подвоза по морю».

В море — английские сторожевики, эсминцы, корабли белогвардейцев. В бакинской гавани, на всех причалах, помимо полицейских и таможенников, шныряют тайные агенты. Человек, вызывающий малейшее подозрение, исчезает бесследно. Все-таки рыбницы, баркасы, «туркменки» уходят к астраханскому берегу с нефтью, бензином, смазочными маслами. Обратными рейсами доставляется московская почта, ящики с оружием, инструкторы и деньги для Красной гвардии Ленкоранской Советской республики. Небольшой островок свободы на крайнем юге Азербайджана имеет выход к морю и по планам подпольщиков может стать базой для высадки десанта советских войск.

Провал каждого рейса — смерть, виселица. Много погибших. Еще больше добровольцев. В команды морских экспедиций, лучших, самых отважных, в Баку отбирает Анастас Микоян, в Астрахани — Сергей Киров. Оба отчитываются перед Ильичем.

Астрахань не так уж незнакома и Валериану Куйбышеву. Не внове ему заниматься многотрудной судьбой города, полусгоревшего во время недавнего мятежа, ежедневно подвергающегося налетам английских эскадрилий. Заниматься, не считаясь с разграничительной линией между Южной и Астраханской группами войск. По партийному, дружескому согласию с Сергеем Кировым.

В июне Астрахань особенно нуждалась в поддержке. Четырнадцатого числа обрушилось вовсе неприемлемое требование, перечеркивающее борьбу, жертвы, лишения многих месяцев. «Командующий Южным фронтом еще раз приказал подтвердить необходимость ускорить эвакуацию Астрахани. О принятых мерах сообщите».

Приказ об эвакуации, второй^[30] с весны, Сергей Миронович

опротестовывает перед главой правительства. Настойчиво просит Ленина избавить Астрахань от затянувшейся на месяцы игры военного ведомства в чехарду — в реорганизации и смены командования. Восемь бегом сменяющих друг друга командующих. Предельный срок пребывания три с половиной недели.

Чтобы с подобным попечительством расстаться, Киров задумывает сухопутные и морские силы, все войска в устье Волги передать рачительному, умелому хозяину — Южной группе Восточного фронта. Самим без Реввоенсовета Республики Астрахани и Самаре этого не решить. Но если действовать сообща... Куйбышев по просьбе Кирова приезжает в Астрахань. Своими глазами положение дел увидеть, выработать план совместных действий.

События на театре войны цену Астрахани повышают с каждым днем. Астрахань советская вклинивается между двумя важнейшими фронтами — Восточным — Колчака и Южным — Деникина. Падет Астрахань — сомкнутся основные антисоветские силы. Флот англичан из Каспийского моря подымется по Волге на север...

Допустить нельзя. Ни в коем случае нельзя. Депеша правительственная, Ленина: «Астрахань защищать до конца». С полуночи семнадцатого июля стрелковые полки, кавалерийские эскадроны, батареи, корабли — все, чем Республика располагает в устье Волги, переходит под командование Южной группы. Хорошо!

К_и_р_о_в — Куйбышеву: «...Одновременно сообщаю, что хлебный вопрос здесь осложняется с каждым днем. Гупродком имеет всего шесть вагонов. Несмотря на категорическое телеграфное предписание Ленина и Цюрупы отправить Астрахани 75 вагонов, наряд этот не выполняется».

Астраханский край никогда не имел своего хлеба. Его богатство — рыба, соль, овцы. Зерно доставляли с Северного Кавказа, с Кубани. Житницы эти с прошлой осени полностью отрезаны. Армейский и рабочий паек — вяленая вобла и чилим — болотный орех с дурным запахом. В дни особенно критические — чилим без воблы. Терпят...

К_у_й_б_ы_ш_е_в — Новицкому: «Необходимо нажать в Саратове на все кнопки в смысле отправки в Астрахань хлеба... Используйте свои права командующего группой и толкните как можно больше хлеба... Не буду возражать, если часть вагонов будет прицеплена к моему поезду. Проследите исполнение приказа о высылке в Астрахань 33-го авиаотряда. Выезжаю или сегодня в ночь, или завтра днем».

Ему же по прямому проводу: «Здравствуйте, Федор Федорович! Очень будет досадно, если мы с Вами не увидимся. Быть может, Вы подождете

меня, а время используете для некоторых распоряжений из Саратова по части Астраханской группы, в особенности относительно хлеба, аэропланов и артиллерии... Из запаса IV армии, из Самары, завтра пойдет 25 тысяч пудов зерна. Кроме того, Покровская коллегия получила новый наряд на 100 вагонов. Надо Вам до выезда из Саратова настаивать на скорейшем его выполнении.

Новости у нас следующие: сегодня на Восточном фронте взяты Верхнеуральск, Ирбит и Челябинск. Южная группа пока останется в прежнем виде под Вашим командованием, в дальнейшем превратится в Туркфронт, по-видимому, под командованием Фрунзе.

Н_о_в_и_ц_к_и_й: «Хорошо. Буду Вас ждать в Саратове».

Назавтра Ф_р_у_н_з_е из Симбирска Новицкому: «Относительно помощи Астрахани мною меры принимаются. Я вывожу в резерв фронта 21-ю дивизию, действующую на екатеринбургском направлении, и буду перебрасывать в район Саратов — Астрахань... Надо постараться поставить на ноги 22-ю дивизию. Возможно, что обстановка принудит бросить ее на астраханское направление. Об отдаче Астрахани не может быть никакого разговора. Товарищу Куйбышеву желаю всяческих успехов, думаю, что ему придется оставаться там очень недолго».

Тонкий волосок слишком натянут. С севера от Царицына рвутся кавалерийские корпуса Улагая и Мамонтова. Со стороны Гурьева насаждают уральские и астраханские казаки. Из кизлярских степей — терские казаки, подкрепленные пехотными полками: апшеронским, ширванским, самурским с артиллерией. Окошко в Россию — узкую полосу железной дороги Астрахань — Саратов — долбят английские самолеты.

Фрунзе требует нанести контрудар. Срок жесткий — от друга можно требовать больше обычного — середина августа. Передавая приказ, Новицкий предупреждает: «Выполнять операцию придется Вам, Валериан Владимирович. В роли командарма-XI. Армии нет. Ее дважды формировали, дважды ликвидировали. Начинайте сызнава. Вы умеете... Я думаю, что мы сможем дать пополнение, но не одетое, невооруженное».

Куйбышев, Новицкий — в военном искусстве авторитеты неравные. Далеко не равные. Федор Федорович — блестящий выпускник Академии генерального штаба, мозг многих сражений, победоносных боев. Валериан Владимирович — детская влюбленность в Суворова, кадетский корпус, военные организации большевистского подполья, политический комиссар армии, группы армий. Партийная ответственность за все. За военных профессионалов не в последнюю очередь. Под оперативными приказами, диспозициями рядом подписи: Тухачевский — Куйбышев, Новицкий —

Куйбышев. Каждый в своем качестве. Теперь иное. Теперь над планом контрудара склоняются два военачальника. Пробующий силы в условиях труднейших — и-маститый, заслуженный. Каждый со своими резонами, важными доводами. Признание Новицкого заключительное: «Я буду настаивать на предоставлении Вам полной оперативной свободы».

Оперативная свобода — возможность на свой риск, под свою ответственность — только свою! — сделать выбор. Берег Волги правый или левый? На каком берегу наращивать силы, переходить в наступление?

На левом, наподобие кровеносной артерии, — полоска железной дороги. Бои за господство непрекращающиеся. С конницей и пластунами Улагая. Напоминание Новицкого: «Возможный успех противника на левом берегу, в районе слободы Владимировки и станции Баскунчак, будет иметь чрезвычайно серьезные последствия, принимая во внимание чувствительность сообщения Астрахани с севером».

Левый берег, конечно, необходим. Но... Кратчайший путь в тыл царицынской группировки белых по правобережью. Можно бы перехватить коммуникации Кавказской армии Врангеля. У Черного Яра самой природой приготовленный плацдарм для броска... Новицкий, теребя усы, говорил: «Если Вы поручитесь за безусловную безопасность района Владимировка — Баскунчак, то, несомненно, действовать по правому берегу Волги гораздо выгоднее, хотя бы по одному тому, что не придется форсировать реки, что представляет собой чрезвычайную трудность. Но едва ли такое поручительство Вы сможете дать».

Едва ли... Поручительство!..

На исходе ночи бессонной Куйбышев приходит к Кирову. С планом боевых действий. На правом берегу, предпочтительном. Во фланги и тыл Кавказской армии Врангеля. В общем направлении на Сарепту и станцию Тингута — подступы, близкие к Царицыну. Тогда и 10-я армия Южного фронта получает реальную возможность со своих оборонительных позиций двинуться вперед. На Царицын с севера.

А в гарантию левому берегу астраханцы в августовских жестоких схватках громят белоказацкие полки у Пололого Займища и Капустина Яра, при станции Сайхин. Опрокидывают, гонят прочь в кровопролитном бою за слободу Житкур. Железнодорожная линия очищена. Полная неприкосновенность поездам российским от Москвы до устья Волги.

Изредка дело обходится без огня, рубки, жертв. Побеждает правдивое слово — большевистское. Эпизод, рассказанный сотрудником армейского политотдела, волжанином Петром Шамшиным. К правому берегу Волги со стороны кизлярских степей подошел новый отряд белогвардейцев.

Свободных сил для отпора нет, с других участков фронта пополнение вызвать нельзя. Как быть? Куйбышев позвал коммуниста Василия Тронина, хорошо известного ему по работе в Самаре. В прошлом, более давнем, Тронин — учитель. Характера спокойного, живого, быстрого ума. О чем-то переговорили с глазу на глаз. И поскакал Василий наметом. В сторону белых.

Добрался. Подал старшему офицеру пакет — предложение о сдаче отряда. Тот ошалел. Молча, ничего не говоря, вытолкал Тронина за дверь.

Парламентер все-таки решил не торопиться с отъездом. Расположился со своей лошадью под деревом, развязал торбу, стал закусывать на виду у солдат. Мимо прошли два человека, шепнули, что им желательно переговорить — будут ждать его чуть подальше, на дороге.

Выждав немного, Тронин вскочил на коня. Проехав с полкилометра, поравнялся с солдатами. Теперь их было трое. Они сообщили, что сами они бедняки, стоят за Советскую власть, двое из них — коммунисты, служат у белых по заданию партии. Отряд, сказали они, находится на краю полного развала, люди воевать не хотят. Но сдаваться боятся: много слышали о том, что большевики расстреливают пленных.

— Просим вас, — заявили солдаты, — привезти нам листовки с ручательством командования Красной Армии в том, что всем сдающимся в плен будет сохранена жизнь.

Тронин обещал выполнить их просьбу. Условились о времени и месте следующей встречи.

Вернулся в Астрахань, доложил Куйбышеву о результатах поездки. Командарм тут же написал нужную листовку-пропуск. Гарантировал солдатам, сложившим оружие, сохранить жизнь. А там как угодно — или с богом по домам, или в воинское товарищество, защищать Россию, свободу, своего брата трудящегося.

Листовки в считанные часы отпечатали. Тронин уложил их в переметные сумы. Двинул к месту встречи. Его нетерпеливо ждали.

Дня через два к Астрахани под белым флагом подошел отряд с оружием и повозками. Более полутора тысяч человек. Лишь немногие офицеры скрылись в кизлярских степях.

Еще из занятий Куйбышева-командарма.

Тридцатое июля — первый астраханский день Валериана Владимировича. Второе-третье августа — с Новицким план предстоящей операции, контрудара. Шестое — с полдня очередное нападение английских аэропланов. Программа обычная. Первый разбойный заход на скаковое поле, приспособленное под стоянку дырявых, залатанных

«фарманов» и «ньюпоров» астраханской авиации. Потом пристани, корабли у причалов. На обратном курсе обстрел из пулеметов и легкая бомбежка центра города. Вовсе неожиданная поправка Валериана Владимировича. В воздух поднимаются три советских самолета. Изношенные, тихоходные машины лезут на рожон. Не щадя себя, ввязываются в бой. Наседают. Чего доброго, пойдут на таран. Джентльмены готовы уступить, посторониться, еще лучше совсем уйти. Высокого благородства не понимает русский здоровяк, сидящий за пулеметом. Жмет на гашетку. Расчетливо всаживает длинную очередь в английский аэроплан. Остальные быстро уходят. Пусть уж сам экипаж неудачников....

Два неудачника сажают свой аэроплан на старом городском выгоне. Рядом с отдыхающим верблюжьим караваном красноармейцев-калмыков. Тут же приземляется эскортирующий трофей самолет-победитель. Быстро, легко выпрыгивает крупный, широкоплечий русский, срывает с лохматой головы шлем. Внимательно, строго разглядывает англичан. Те опасливо отодвигаются. Вскоре вместе трясутся на повозке, запряженной верблюдом. Начальник астраханских войск Куйбышев и пилоты с подбитого им британского аэроплана.

Документов штабных, официальных бумаг еще о других полетах Куйбышева, его боях воздушных нет. Только память сестры Елены Владимировны: «О героизме наших летчиков под Астраханью Валериан любил рассказывать, вспоминая гражданскую войну, но ни словом не говорил о том, что тоже участвовал в воздушных боях. Когда его спрашивали об этом, он уклончиво отвечал: «Да, мне пришлось тоже немного полетать».

Приказ командарма. Взять опорный пункт белых — деревню Вязовку. Противник подтягивает кавалерию. Сверкают над головой обнаженные клинки. Дрожит земля от топота копыт. Горяча коней, несется казачья лава на поредевшие цепи красноармейцев. Из балки на глазах у Валериана Владимировича выносятся еще одна сотня. В тыл артиллерийской батарее. Налетит, порубит. Куйбышев быстро вскакивает в автомобиль. Шоферу команда: «Гони наперерез казакам! Чтобы нам оказаться между ними и батарейцами...»

Куйбышев припадает к пулемету. Перекос патрона. Ободренные казаки приближаются к машине. Шофер рвет с места. Командарм запрещает: «Нельзя! Они повернут на батарею...» Казаки еще ближе. Особенно нетерпеливые взбрасывают карабины... Оживает пулемет. Куйбышев с шофером против казачьей сотни.

Кто в состоянии посчитать, сколько еще раз — до Вязовки, после

Вязовки — Валериан Владимирович за пулеметом. Обязанность привычная. Вполне освоенная. В анкете члена Военного совета Туркестанского фронта запись короткая: «Участвовал в боях под Самарой, Симбирском, в районе Астрахани, в Закаспии».

Вмешаться, запретить может командующий фронтом Фрунзе. Может? На переправе через реку Белую у Уфы Фрунзе ведет в атаку стрелковый Пугачевский полк. Под Фрунзе убит конь. Фрунзе жестоко контужен.

Уфа далеко. Уфа в прошлом. Тогда июнь, сейчас сентябрь. Тогда с полком в атаку Фрунзе сам, один. Сейчас рывком с баркаса в огненное кольцо, сжавшее плотно черноморский плацдарм, — Фрунзе, Куйбышев, Киров. Все трое на прибрежном кургане, люто терзаемом снарядами, переходящем из рук в руки. Командующий фронтом, члены Военного совета права, возможно, не имеют. А большевики, свою революцию обороняющие? Большевики, шире шаг!

Революции трудно. Снова очень тяжело. Войска Деникина дугой огромной — концы упираются в берега Азовского и Каспийского морей — у жизненных центров Республики. Августовское многообещающее наступление Южного фронта белыми отбито. 10-я армия, шедшая на Царицын с севера, терпит неудачу. Куйбышеву обманывать себя не приходится. Его правобережная Черноморская группа надолго останется с противником один на один.

Говорится один на один. Красноармейские части больше месяца из боев не выходят. Устали. В рядах заметные прогалины. У противника — свежие, откормленные бригады 2-го конного корпуса, дивизия кубанских казаков, кавказская пластунская дивизия, ударные офицерские батальоны. В соотношении: один красноармеец против двух, четырех, к исходу сентября пяти деникинцев.

Отойти приходится. От околицы Сарепты, от семафоров станции Тингута назад, в Черный Яр. Там держать оборону окруженными, отрезанными. Только не побежденными!

За далекими российскими рубежами генерал Деникин засядет за многотомные мемуары. Черный Яр уважительно назовет астраханским Верденом. Слобода действительно неприступная.

Заманчиво. Соблазнительно весьма повторить, будто восьмого октября девятнадцатого года Ленин беседует с Куйбышевым по делам Туркестана. Завершающие переговоры перед тем, как Ильичу принять важнейшее решение.

Доводы в пользу распространенной версии. Седьмого числа Совет Народных Комиссаров поручает Ленину подписать документ. Восьмого глава правительства документ подписывает. Об учреждении особой Туркестанской комиссии. С обязанностями и правами огромными. «Представлять ВЦИК и Совет народных комиссаров и действовать от их имени в пределах Туркестана и сопредельных с ним государств». Также по мандату ЦК осуществлять «высший партийный контроль и руководство». В жизни повседневной — право роспуска партийных организаций, проверки, перерегистрации коммунистов, созыва чрезвычайных съездов и конференций... Куйбышев, загодя назначенный членом Военного совета Туркестанского фронта, сейчас введен в Комиссию.

А что была беседа, призвана свидетельствовать записка секретаря Президиума ВЦИК. Одна, в сущности, фраза: «Относительно текста постановления созвонись с Ильичем».

Созвонись с Ильичем... Записка от восьмого октября. Созвонись... Понимать — по московскому телефону, городскому? Так Валериан Владимирович в Москве, а командующий фронтом Фрунзе.

Приказ Фрунзе от седьмого октября. В Астрахань по военному телеграфу: «Товарищу Куйбышеву приказывается немедленно выехать в Самару и вступить в отправление обязанностей члена Ревсовета Туркестанского фронта...»

Еще запись беседы по прямому проводу. Беседы, весьма способствующей тому, чтобы недоумение сильно возросло.

Председатель Туркестанской комиссии Шалва Элиава, близко знакомый Куйбышеву по дореволюционному петербургскому подполью, поздно вечером тринадцатого октября передает в Астрахань:

«Здравствуйте, Валерьян! Я только что прибыл из Москвы в Самару. О комиссии Туркестанской дополнительно могу сообщить, что шестым членом назначен Ян Рудзутак из Президиума Высшего Совета народного хозяйства. К концу наступающей недели он приедет. Нам надо уезжать возможно скорее. Предварительно надо решить здесь ряд вопросов. Надо

поспешить с приездом и тебе. Когда выезжаешь?»

О днях следующих. Четырнадцатого Валериан Владимирович в Баскунчаке на позициях 50-й дивизии. Семнадцатого в Саратове. Переговоры в штабе Юго-Восточного фронта, принимающего 11-ю армию. Обмен мнениями с Кировым. Теперь уже, преодолевая расстояния, по проводам, по радио.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «Сегодня идет работа по нагрузке эшелонов самым для Астрахани необходимым. Будут и шинели, и сапоги, и теплое белье. Будет усилена артиллерия, посланы патроны и снаряды. С винтовками немного хуже... В оперативном смысле мне не удалось убедить Шорина в отношении перенесения центра тяжести всех операций на Черный Яр, но все же он придает этому направлению большое значение и усилит его внушительным пополнением, даст формирующуюся Таманскую дивизию... Знаете ли Вы о взятии Красной Армией Киева? Что нового у Вас? В ночь выезжаю в Самару».

К_и_р_о_в: «Я рад, что все так идет складно. Одно еще необходимо. Нажмите относительно генштабистов. При развертывании наших сил это необходимо... Приехали Микоян и представитель ингушской партизанской армии. Привезли очень много весьма важных сведений, часть которых сейчас передадим в Саратов и Москву. Прочтите их и сделайте соответствующие выводы относительно развития нашего Кизлярского направления».

«Нашего Кизлярского...» — повторяет Валериан Владимирович. Сердцу тоскливо. Опять расставаться. В июле с Самарой, в октябре с Астраханью. Надолго ли теперь Туркестан?

Двинуться Комиссии в сторону Ташкента удастся двадцать третьего. Накануне встреча с Фрунзе. В описании старшего адъютанта командующего Сергея Сиротинского:

«Куйбышев пришел быстро. Веселый, что-то негромко напевая, он присел около стола. Михаил Васильевич молчал. Не начинал беседу и Куйбышев.

— Так вот, друг мой, — наконец сказал Фрунзе, — придется мне ненадолго отлучиться.

— Не согласен, категорически не согласен! — делая недовольное лицо, сердито проговорил Куйбышев. — В такой тяжелый момент командующий фронтом должен быть на фронте.

— Что случилось? — забеспокоился Михаил Васильевич. — Почему я ничего не знаю?

Куйбышев расхохотался.

— Я пошутил. Завидую, страдаю, по мне... — Куйбышев развел руками... — всегда не везло. Вы поедете в Москву, а я...

— Ну, Валериан Владимирович, — ласково сказал Фрунзе, — вы едете в Туркестан. Там солнце, цветы, кишмиш. Сладкий-пресладкий кишмиш. Вы в жизни не ели такого. Наконец, если английские сэры позволят вам, вы там будете писать стихи, — весело обнадежил Фрунзе.

— Это только и успокаивает: кишмиш и стихи, какая прелесть!.. — подхватил Куйбышев.

На другой день Фрунзе, расцеловавшись с Валерианом Владимировичем, уехал в Москву. Куйбышев в сопровождении Новицкого выехал в Туркестан».

Ох, не был Валериан Куйбышев две недели назад в Москве, не стал бы так говорить!

Приходится просить в Центральном государственном архиве Октябрьской революции помянутую записку секретаря Президиума ВЦИК. Хорошо знакомый почерк Авеля Енукидзе. Красными чернилами на листке желтоватой бумаги в одну линейку:

«Варлаам!

Оставляю тебе постановление об учреждении Туркестанской комиссии.

За ним придет к тебе т. Элиава. Относительно текста постановления созвонись с Ильичем.

Оставляю тебе и штамп Калинина.

АЕн... (далее росчерк) 8/Х».

Первая мысль — описка. Варлаам — Валериан! Что-то мало общего. И фраза заключительная... По какой надобности Енукидзе оставит Куйбышеву штамп Калинина? Перечитываю записку сизпова. Предельно разборчиво: «Варлаам».

Варлаам?! Ну да, Варлаам Аванесов, член Президиума ВЦИК, его первый секретарь. Он продолжает время от времени заменять Енукидзе.

Крест-накрест перечеркивается желанная версия. Восьмого октября Куйбышева в Москве не было. Созваниваться с Ильичем не ему. В ущерб Валериану Владимировичу. Не пришлось бы потом в Туркестане не раз, не два открывать порох заново. Хотя Лепин готовых рецептов давать не стал бы. Не в его духе. Размышляя о судьбах Востока, где «большая часть — крестьяне со средневековой эксплуатацией», Владимир Ильич пишет на реферате иранского коммуниста А. Султана-заде: «Об этом надо подумать и поискать конкретных ответов».

Подумать и поискать... «Позвольте мне обратиться к вам не в качестве

Председателя Совнаркома и Совета Оборона, а в качестве члена партии», — первые строки письма Ильича коммунистам Туркестана.

«Установление правильных отношений с пародами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доньне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы... установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского...

Я был бы очень благодарен, если бы мне вы ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу».

Одно твердо, одно незыблемо. Весной девятнадцатого на съезде партии Ленин — докладчик о новой программе коммунистов: «Нет вещи хуже, чем недоверие нации!»

...Самара провожает Куйбышева слякотью, мокрым снегом. Под Актюбинском схватка жестокая, трехдневная с пургой. Ташкент одаривает солнцем с щедростью восточной. Сроки, масштабы, обычаи — другие.

Край безграничных пространств и постоянного присутствия истории. Истории, расцвеченной именами Кира, Александра Македонского, Тимура, легендами, памятниками, развалинами. Необузданные реки, зыбучие пустыни величиной с европейские государства, многоликие тысячелетние горные кряжи со снежными вершинами, превосходящими все пики Европы и Кавказа.

По, делению административному бывшее Туркестанское генерал-губернаторство — области Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская, Семиреченская, Закаспийская. Также эмирство Бухарское, ханство Хивинское. Под небом, безоблачным в течение большей части года, тридевять языков. Горожан куда меньше, чем кочевников.

В дневнике последнего генерал-губернатора Куропаткина: «50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни». Дневник для публикации. Желательно перышки сколько возможно почистить. Подлости главной не касаться. Того, что в ранг высокой государственной политики возведено постоянное разжигание национальной, племенной вражды. Что золотым дождем орошаются силы,

на взгляд непосвященного, противоборствующие. В самом деле друг друга заботливо питающие — шовинизм великодержавный и национализм местный. Устои классические колониальной власти.

Порушить устои, вызволить миллионы и миллионы угнетенных в состоянии единственно революция. Российская революция. Закон неизбежный, от экспансионистских устремлений дома Романовых и могущества военной администрации Туркестана вовсе не зависящий. Присоединение земель Средней Азии к России в шестидесятых годах XIX столетия было и приобщением к революционной борьбе народов России. Сюда, в Россию, все быстрее, решительнее перемещался центр международного революционного движения.

Со счетов не сбросить — история таких вольностей не прощает — и того, что присоединение к России (туркмены и киргизы это сделали добровольно, остальные подчинились силе оружия) прекратило опустошительные феодальные войны. В значительной мере уничтожило рабство. Несколько ускорило развитие производительных сил края. К древним караванным путям добавилось около трех тысяч железных дорог, Амударьинское речное пароходство...

Октябрьская революция колониальные устои рушит начисто. Предстоит средневековью туркестанскому многослойному капитализм вовсе миновать. От отношений феодальных двинуться в социализм. Впервые в мире. В условиях для коммунистов совершенно новых. Нет рабочего класса, нет его извечного антагониста — капитала. Большая часть населения — крестьяне со средневековой эксплуатацией.

Сообщение Куйбышева, едва ли не самое первое по прибытии в Туркестан: «Москва Цека коммунистов. Предстоит грандиозная работа по реорганизации всего советского и партийного аппарата в условиях необычайно сложных взаимоотношений разных национальностей и общественных деятелей».

На правах соседей, равноправных, независимых, в Ташкенте три партийных центра — Краевой комитет РКП (б), Краевое бюро мусульманских коммунистических организаций, Краевой комитет, иностранных коммунистов из бывших военнопленных. Соседи как соседи. Когда при встрече улыбка широкая, когда губы поджаты. Не обходится также без националистической струнки, до времени притаившейся. Чуть что, дает себя слышать. Едва различимо, потом громче, явственнее.

Охотников поиграть на фальшивой струне предостаточно. Свои, внутренние, и закордонные. Из миссий военно-дипломатических, торговых, просто разведывательных. До крайности напуганных, как быскры

туркестанского пожара не перепали на крыши в Индии, Афганистане, Персии, Кашгаре...

Годы спустя, на вынужденном досуге, начальник штаба заговорщицкой «Туркестанской Военной организации» полковник Зайцев поделится: «... истинной целью и намерениями миссии Великобритании было подготовить и организовать вооруженное восстание в Туркестане против Советской власти, снабжать повстанческие отряды деньгами и оружием из ближайших английских баз... Миссия имела широкие права и полномочия по осуществлению этих задач».

За все заботы услуга небольшая. После свержения Советской власти «Туркестанская демократическая республика должна находиться под исключительным влиянием Англии в таких же взаимоотношениях, как африканские доминионы (южноафриканские республики Трансвааль и Оранжевая)».

Или — или... Еще одно колониальное владение Великобритании, заурядное, среднеазиатское. Или первое социалистическое государство на Востоке. Вызов дерзкий, большевистский. Со времен Архимеда известно: чтобы перевернуть мир, нужна точка опоры. В разумении Туркестанской комиссии — создание единой коммунистической партии. Партии, а не разобщенных национальных групп. Единомышленники, не соседи!

Объединительный съезд назначен на январь. До того надо выиграть сражение в смысле самом прямом.

К_у_й_б_ы_ш_е_в в ЦК: «Закаспийский фронт был еще далек от ликвидации, противник находился вблизи Кизил-Арвата... можно было ожидать в любую минуту перевеса сил на стороне белых. Фергана представляла из себя сплошной фронт; не был ликвидирован также и фронт Семиреченский... Эти фронты поглощали все внимание и отнимали все силы Туркеспублики, а неорганизованность частей, их партизанский характер... создавали в конце концов обстановку, когда фронт совершенно подавлял внутреннюю жизнь».

Четвертого ноября приезд в Ташкент. Пятого выпускной вечер в школе «красных офицеров». Напутствие Куйбышева: «Необходимо здесь построить новую армию по образцу армии центральной России».

Одиннадцатого числа приказ № 1. Вольнопартизанствующие отряды — конные и пешие, собственные войска городов, кочевий, оазисов, общин национальных — все сводится в полки, дивизии. Подчиняется единому командованию, твердой воле. На исходе девятнадцатого года — не открытие. Повторение азов. Для Валериана Владимировича в четвертый раз.

На Волге — Куйбышеву привычной — с ружьем русский человек. В неизведанном Туркестане с ружьем русский, с ружьем узбек, туркмен, таджик, киргиз, казах, каракалпак, уйгур, дунганин... Мусульманин с ружьем — друг, враг?

Ответ неправильный потом не зачеркнешь, не надпишешь сверху чернилами красными: «исправленному верить». Ошибка самая малая ведет к политическим осложнениям, ненужным жертвам, крови.

Очевидец недюжинный, строгий — писатель Борис Лавренев:

«...Кругом огонь басмаческого восстания. Вызревает нарыв верненского мятежа. Обстановка с каждым днем становится сложнее.

Железная воля Куйбышева осторожно, умело, дипломатично ломает партизанский уклад самостийных привычек. Нужно умело повести расслоение в басмаческих отрядах, в которых наряду с волками-баями много запуганных мулами дехкан-чорьяккоров, водоносов, гончаров. В «крестьянской армии» Монстрова тоже много обманутых бедняков, брошенных во вражеский стан произволом анархического руководства первой местной власти. К Куйбышеву сходятся все нити ^[31] политики».

Куйбышеву и произнести твердо, так, чтобы по всему Туркестану разнеслось:

— Привлечение мусульман к защите революции, к защите Отечества — обязанность Коммунистической партии наипервейшая. Боязнь вооруженного мусульманина, который будто бы может принести вред России, — трагическое заблуждение. Злейший предрассудок, один из тех, что укоренились в головах некоторых товарищей.

По закону давно известному крайности питают друг друга. Шовинисты-русофилы энергично содействуют безудержным националистам, тем, кто требует создания самостоятельных национальных армий. Достаточно печальный опыт Белоруссии, Украины, Эстляндии, Литвы, Латвии не оставляет места для сомнений — национальные армии каждая в отдельности не в состоянии защищаться. В обособицу победы не добьешься. Здесь не должно быть отдельной мусульманской, туркестанской или еще какой-нибудь армии. Только единая революционная, единая советская армия, одинаково доступная, одинаково родная для русских, для мусульман, для бывших военнопленных — для всех людей чистой совести.

Военная победа жизненно необходима, но не конец пути, не вершина стремлений. После победы как раз начнется самое главное, то, ради чего приносятся все жертвы. Тогда гигантское значение для народов Востока будет иметь история борьбы, история победы. Именно то, что мы одинаково безбоязненно даем винтовку русскому и мусульманину.

Привлекаем в армию широкие массы мусульман. Это способ наиболее действенный пробудить у них стремление к самостоятельному политическому мышлению, к самостоятельной политической деятельности.

В ночи бессонные в плоскокрышем домике на Зерабулакской улице в Ташкенте печатаются прокламации. Белые, зеленые, желтые, красные — какая бумага нашлась.

«Товарищи мусульмане приглашаются записываться в национальные бригады Красной Армии... Запись добровольцев во всех областях Туркестанской республики».

Обязательно надо «во всех областях». Молва стоустая разнесет: «Слово Койбаши-ака ко всем народам!» Житель коренной не ошибется — область Сырдарьинская — узбеки, Закаспийская — туркмены, Семиреченская — казахи с киргизами. Самаркандской области Ходжентский уезд, сопредельные земли Ферганской — таджики.

Протест властей семиреченских: «Нам мусульманского войска не надо. Избави бог от лукавого». Ответ вразумляющий: «Дать полную возможность войти угнетенному туземному населению Семиреченской области в Красную Армию и немедленно снабдить оружием и обмундированием уже набранные добровольческие части из киргиз и дунган».

Сегодня запись добровольцев. Завтра — закон. Призыв в армию трудящихся коренных национальностей. Сразу тридцать тысяч мусульман в возрасте от девятнадцати до тридцати пяти лет. Дерзкое сотрясение вековых основ. Отзвуки немедленные в эмиратстве Бухарском, ханстве Хивинском, королевстве Афганском. Также в Форин оффис, окутанном обычным туманом.

Поверх пачки деловых бумаг, доставленных за ночь, секретарь Куйбышева Белоусов кладет послание о святых.

«Секретно

Члену Революционного Военного Совета Туркестанского Фронта товарищу Куйбышеву В. В.

ДОКЛАД

Согласно Вашего распоряжения, я приступил к отправке в город Герат через Кушку четырех святых афганского королевства. Коим предоставил вагон № 1270.

8 декабря утром я встретился с представителем генерального консула в Мерве Хаджи-Шах-Магомет-Ханом, который мне заявил, что святые еще не уехали; удивясь этим, я сейчас отправился к святым выяснить, в чем дело. Оказалось, что святые хотели провезти в своем вагоне около двадцати спекулянтов.

Считаю своим долгом осветить немного физиономию представителя генерального консула в Мерве Хаджи-Шах-Магомета-Хана. Общее очертание — прохвост и большой жулик.

Военный Комиссар *Г. Хвацевский*».

«Святым без грешников не обойтись — ни искушения, ни раскаяния... — мелькает в голове Валериана Владимировича. — Пусть себе едут всей компанией! А как быть со своими армейскими грешниками? С ташкентскими снабженцами, оставившими без продуктов, топлива, фуража войска в Каракумской пустыне».

Послание о святых желанного Белоусову эффекта не производит. Улыбка быстро гаснет. Куйбышев мрачный, сердитый, с трудом сдерживает себя. С той минуты, как в крепости Мере — центре Мургабского оазиса — его догнало сообщение командующего Закаспийской армейской группой Сергея Тимошкова:

«1) Критическое положение на фронте с топливом, 80 % паровозов потухли. Солдаты мерзнут без шинелей и без дров. Через 2–3 дня прекратится всякая возможность передвижения... 2) Клевера нет пятый день, лошади падают... 3) Нет мяса уже третий день, и заменить его нечем. Заготовительные аппараты не работают из-за отсутствия денег».

Куйбышев ответил, пообещал: «Я распеку Ташкент и постараюсь заставить пошевелиться». Член Реввоенсовета подвигает к себе «Полевую

книжку», изрядно потрепанную на позициях под Астраханью. Быстро пишет:

«Ташкент. Реввоенсовет Турквойск Элиава.

Фронт в том положении, в котором он сейчас находится, нелепость, требует колоссальных затрат и особенно топлива. Продвижение вперед и овладение Казанджиком сразу изменит картину и из фронта поглощающего сделает фронтом дающим: в районе станции Бала-Ишем, которую противник должен будет оставить за безводием, есть масса нефти... Целесообразно дать сейчас все фронту, дабы освободиться через неделю от его снабжения. Необходимо напрячь все силы, пренебречь другими интересами и все бросить сюда немедленно, особенно топливо и денежные знаки старого образца... Жду от тебя и штаба Турквойск проявления крайней энергии в помощь Закаспийскому фронту.

Повторяю, через неделю будет поздно...»

Торопиться, всячески торопиться! Помимо всего другого, Закаспий — путь кратчайший к Баку. К нефти. Позарез необходимой. Куйбышев хорошо помнит телеграмму Ильича «вне всякой очереди» Реввоенсовету Восточного фронта: «...Нельзя ли завоевать устье Урала и Гурьева для взятия оттуда нефти...»

Попозже — недель пять назад — обращение Ленина к Туркестанской комиссии, к Военному совету фронта, также к ЦИК Туркестана: «Обязываю помогать из последнего экспедиции Главнефти, следующей за войсками в глубь Темирских степей. Работы по выявлению нефтяных залежей — дело государственное...»

Спешить! Ничего не жалеть для войск, рвущихся через пустыню — по безлюдным, безводным песчаным барханам — к Каспию, к нефтяному Баку.

Девятого декабря на станции Казанджик, только что отбитой у противника, Куйбышев присоединяется к головному отряду.

— Валериан Владимирович прибыл в обычном вагоне № 2037, прицепленном к эшелону с продовольствием, им же для нас добытым, — рассказывает десятилетия спустя генерал Сергей Прокофьевич Тимошков. — Не с огромным штабом, а только с личным секретарем П. А. Белоусовым. Своей простотой с первой встречи расположил нас к себе. Казалось, мы уже давно знаем его.

Раньше всего другого похороны бойцов и командиров, погибших в бою за Казанджик. Траурный митинг. Много местных жителей — туркмен в неимоверно тяжелых бараньих папах и в темных халатах с красными продольными полосами.

Куйбышев передает дружеский привет от ЦК коммунистов, от Владимира Ильича Ленина. Излагает содержание личного письма Ильича «Товарищам коммунистам Туркестана», знакомит с целями Туркестанской комиссии.

«Войска под командованием Михаила Васильевича Фрунзе, — заключает Валериан Владимирович, — добивают уральских белоказаков, борются за освобождение Гурьева и Эмбинских нефтяных промыслов. Наша задача — взять Красноводск, овладеть нефтью Бала-Ишема и Челекена».

Реввоенсовет Закаспийской армейской группы решает: четырнадцатого декабря войскам выступить в стодесятикилометровый поход по пустыне Каракум и, обогнув горный хребет с юга, выйти к железнодорожной линии. Цель операции — захват всех частей и эшелонов противника, расположенных на станциях Айдин, Джебел, Перевальная, Ахча-Куйма и на перегонах между ними. Вероятно, в боях придется встретиться и с новыми белогвардейскими частями, переброшенными с Северного Кавказа.

На подготовку операции пять дней и пять ночей. При почти полном отсутствии штабных специалистов. Куйбышева должно хватить на все — на занятия в штабе, политотделе, на посещения воинских частей, встречи с железнодорожниками, делегациями из туркменских аулов.

Беседы со стариками туркменами имеют неожиданное и очень существенное последствие. Под поручительство Койбаши-ака туркмены дают займы свыше двух тысяч верблюдов. На них навьючивают необходимое для жизни и боя, даже питьевую воду. Продовольственные запасы строго ограничены — на дорогу и на один день боя. Победа или смерть в пустыне.

Четырнадцатого с наступлением сумерек три сводных отряда — фронтальный и два обходных — снимаются с места. Двигаться им по неизведанным барханам. К ночи весьма-весьма ощутимо разыгрывается ветер, крепчает холод. До рассвета удастся пройти всего восемнадцать километров. Куйбышев в головной колонне.

Шестнадцатого числа неприятность. У южного склона Малого Балхана походное охранение натолкнулось на разъезд противника. Сверху, с горы, белые без труда могут разглядеть войска, расположившиеся на привал. Естественных прикрытий никаких — пески. Внезапность, на которую крепко рассчитывали, кажется, безнадежно утрачена.

Жизнь распорядится по своему желанию. Не боится, что ее заподозрят в подтасовке, в неправдоподобии. Ей не скажут: «Так не бывает!..» Бывает. На письменном донесении начальника разъезда

командир дивизии генерального штаба полковник Литвинов начертил престоное повеление: «Арестовать паникера. Чтобы в четырех верстах могли очутиться красные — это исключено!!!»

Рано утром семнадцатого декабря отряды подошли к колодцу Шорджа, стали пополнять водные запасы и поить лошадей. Высланная вперед разведка не возвращается, сведений о противнике нет. Двигаться наугад в плотном тумане слишком опасно.

На поиски неизбежно отправлять новую группу. Берется Куйбышев. С ним двадцать всадников. Поиски, поиски... Карандашом, согревая дыханием пальцы, быстро коченеющие на ледяном ветру, Валериан Владимирович набрасывает на листке из полевой книжки:

«Командующему Тимошкову

1919 г. 17.12. 8 час. 55 мин.

Место отправления — разведка на ст. Айдин.

Карта 10 верст в дюйме.

След арб, по-видимому, ведет на станцию Айдин. Он все время направляется на север — северо-восток. Карта верно изображает дело. Мы едем дальше, но ввиду необходимости спешить я счел нужным послать это донесение. В направлении, в котором мы едем, проехал взвод конников, что мы узнали по следам и словам одного заплутавшегося казака.

Член Реввоенсовета Туркфронта *В. Куйбышев*».

Проводник, присланный Валерианом Владимировичем, ведет обходные группы. Быстрее, быстрее. Бои закипают северо-западнее и восточнее станции Айдин. Она забита поездами. Подходы прикрывают бронепоезд и бронелетучки, полевые батареи.

В головных цепях Первого Туркестанского советского полка с винтовкой в руках Куйбышев. Его единственное преимущество — возможность после захвата станции сменить род оружия. В боевых порядках кавалерии до плотной темноты преследовать противника. Всадники громят, рубят, не дают опомниться, закрепиться. Победа полная. Остается отправить реляцию в штаб Туркфронта^[32]. Ночью Валериан Владимирович составляет телеграмму:

«Войсками Закаспийской армейской группы 17/12 заняты станция Ахча-Куйма, Перевальная и Айдин... Противник совершенно разгромлен. Жалкие остатки его, главным образом офицеры, в беспорядке бежали в горы по направлению Джебела. Количество пленных и перебежчиков, до сих пор возвращающихся группами и в одиночку, еще не выяснено. Трофеи огромные: взят бронепоезд «Генерал Корнилов» и две бронелетучки, орудия, пулеметы, много винтовок, снарядов, патронов, 13 паровозов на

ходу, 9 эшелонов, среди них штаб дивизии...

Бежавшие остатки противника не могут быть препятствием дальнейшему продвижению, и, если Красноводск не получит подкрепления извне, фронт можно считать ликвидированным... Скорость овладения Красноводском будет зависеть от степени разрушения пути, так как движение по безводной пустыне невозможно».

Три неполных дня спустя Куйбышев со станции Перевальная в Ташкент Новицкому, Элиаве:

«Нашими войсками занята станция Бала-Ишем. Противник находится в 10 верстах по железной дороге у ветки на Нефтедаг. Еще одно усилие, и мы будем обладать нефтью!»

Вдогонку. В 6 часов 35 минут утра.

«В Комиссариате народного просвещения в Ташкенте работает некий Федоров — знаток Нефтедага. Необходимо его немедленно направить туда для увеличения производительности промыслов. Перед отправлением проинструктируйте его сами».

Нефтедаг — нефтяная гора — обретает желанного, заботливого хозяина. Узнает Ленин — порадует от души. Теперь скоро, совсем скоро вырвется из затянувшегося плена, вздохнет полной грудью всех нефтяных районов глава — Баку. «Если нефть — королева, то Баку — ее трон», — «Нир ист», английский экономический журнал для избранных. Статья в оправдание расстрела двадцати шести бакинских комиссаров. Где-то здесь, на бурых песчаных холмах Закаспия. На перегоне между станциями Ахча-Куйма и Перевальная. В ночь на пятницу, двадцатое сентября 1918 года. Под присмотром строгим ближайшего помощника командующего английскими войсками в Закаспии капитана Реджинальда Тиг-Джонса и главы закаспийского правительства эсера Фунтикова.

Сегодня тоже двадцатое. Двадцатое декабря 1919-го. Уже пятнадцать месяцев пески зыбучие засыпают их могилы. Степана Шаумяна, Алеши Джапаридзе, Григория Петрова, Мешади Азизбекова, Вани Фиолетова, Якова Зевина... Бакинских комиссаров, двадцати шести.

«Где-то здесь!» — отвечают на расспросы Куйбышева путевые обходчики, стрелочники, станционные служащие. Других жителей поблизости нет.

Из добровольцев-железнодорожников составляется маленькая экспедиция. Во главе с Валерианом Владимировичем. Армейские саперы снабжают лопатами, веревками. От бархана к бархану на всем перегоне Ахча-Куйма — Перевальная. Почти четверо суток.

На 207-й версте, между столбами 116 и 117, за песчаным огромным

бугром — череп. Осторожно разрывают, откидывают песок. Первая могила. Всего их окажется четыре. Трупы все в страшном состоянии. Головы отделены от туловищ... Черепа, за малым исключением, перебиты на части, раздроблены...

Не сглаживает жизнь острых углов. Никому другому — Валериану Куйбышеву сообщить в Москву о страшной находке. Обрушить все горькие подробности на Ильичевы плечи. Степана Шаумяна Ильич знал много лет, ценил высоко, любил...

Из пустыни Каракумской Куйбышев, исхлестанный зимними ветрами — тысячи мелких остреньких гвоздочков-льдинок, перемешанных с песком, — пропахший дымом солдатских костров, порядком исхудавший, возвращается в Ташкент.

В мирном юрде недавний победитель в боях жестоких почти что сразу оказывается в позиции не из самых лучших. Просто плохой.

Краевой съезд коммунистов-мусульман. Слово Куйбышева при открытии:

— Работа, которую вы начинаете, настолько велика и нова, что ее воистину можно назвать исторической. Перед вами задача — приобщить к советской действительности широкие слои мусульман. В этой трудной работе Красная Армия будет помогать вам. Совместными усилиями в конце концов здесь, в Туркестане, мы создадим образец того, как нужно действовать в бывших колониях.

Тем неожиданнее решение под занавес: «Заменить наименование Туркестанская республика Российской Советской Социалистической Федерации на Тюркская республика РСФСР».

Ухо не очень натренированное не сразу улавливает фальшивую, негодную ноту. К тому же дирижер уважаемый, секретарь крайкома партии Турар Рыскулов, объясняет подкупающее.

— Аранжировка, прочтение для Востока. Потому звучит непривычно — Тюркская вместо Туркестанская... Остальное в полной неприкосновенности. Автономия... Республика... Коммунистическая партия... Все в мажорном тоне!

— Ну-ну! — соглашается Шалва Элиава. — Я сам не вижу большой разницы: Тюркская — Туркестанская...

— Рыскулов сбивает нас с толку. Нельзя терпеть... — негодует Ян Рудзутак.

Куйбышев с Голощекиным страсти охлаждают... Свобода действий у Рыскулова.

В следующие дни — двенадцатого-восемнадцатого января 1920 года — интернациональная конференция коммунистов. Делегаты всего Туркестана. Тысячелетних городов, нефтепромысловых и рудничных поселков, прибрежных долин, оазисов, гор, кочевий. Военнослужащие. Также бывшие военнопленные. Соседи внимательные из Бухары, Хивы,

Ирана, Афганистана, Синьцзяна. Заинтересованные наблюдатели из Турции, Индии...

Снова доброе, обнадеживающее начало. Ответное послание Ленину.

«Дорогой товарищ Ильич!

Ваше письмо, обращенное к нам, туркестанским коммунистам, является долгожданным руководящим началом всей нашей политики здесь, на Востоке.

Мы, туркестанские коммунисты, работавшие на дальней окраине Великой Советской республики в условиях полной отрезанности, всегда чувствовали отсутствие руководящего влияния нашего ЦК РКП. Поэтому, естественно, в некоторых сторонах советской и партийной работы в Туркестане проявлялось кустарничество и нами были совершены ошибки, но ошибки вполне исправимые, ибо мы работали ощупью и так, как нам подсказывала революционная совесть и пролетарский инстинкт.

Теперь же с приездом Турккомиссии, к которой мы питаем полное доверие и с которой работаем рука об руку, мы убеждены, что задачи, намеченные нашей партией, будут нами с честью выполнены.

Поэтому, приступая к исправлению ошибок прошлого, мы торжественно обещаем Вам, дорогой товарищ, точно руководствоваться всеми указаниями ЦК РКП, строго соблюдая все его директивы, и выполнить великое дело освобождения Востока, как бы это трудно ни было и каких бы жертв и усилий это ни стоило».

Доклады Туркестанской комиссии об общей, военной, экономической политике. Полное одобрение. Так же, без усилий особых, наиважнейшее решение — все национальные коммунистические организации Туркестана сливаются в единую партию. Ручейки в один поток могучий. Куда лучше!

С утра обстановка переменится. Сработает свобода действий, опрометчиво предоставленная Рыскулову. Отбросит Валериана Куйбышева на незавидную позицию.

Была фальшивая нота. Стала вся музыка фальшивой.

Турар Рыскулов — самобытная, яркая личность^[33]. Авторитет в эту пору в Туркестане из самых значительных. Фальшь в его исполнении незамеченной не останется. Собьет, потянет за собой. Нельзя ставить докладчиком по взрывчатому вопросу — национальному. Элементарный просчет со стороны Туркестанской комиссии. В январе двадцатого Рыскулов не союзник. Противник. С ним скрещивать оружие. На многие месяцы.

Набив шишки, Куйбышев дойдет до истины. «Позиция Рыскулова должна рассматриваться как явление социальное, вытекающее из условий

Туркестана... Рыскулов стоит во главе части партийной мусульманской интеллигенции, мешающей установлению тесных контактов Советской власти с трудящимися-мусульманами».

Пока что Рыскулов — докладчик. «Коммунисты-мусульмане висят в воздухе между крайкомом РКП и мусульманским Бюро... Партия должна приобрести название «Коммунистическая партия тюркских народов» и управляться своим центральным руководящим органом... Необходимо получить свою тюркскую автономию. Узбеки, таджики, казахи, туркмены, киргизы, вообще все тюрки, проживающие на территории бывшей царской империи, составляют одну нацию. Национальное самоопределение — Тюркская республика. Пришлое население генерал-губернаторства Туркестанского гражданских прав тюркской республики не получает. Посему все немусульманские воинские части выводятся безотлагательно, их сменяет тюркская армия...»

Делегат Кактынь Рыскулову в упор: «Нельзя в Коммунистическую партию вносить национализм!»

Замешательство. Взоры вопросительные в сторону Турккомиссии. Что думают люди Ленина?

Не дает Турккомиссия боя. Не говорит единственно возможного: доклад Рыскулова — песнь песней пантюркизма. Интересы класса, интересы освободительного движения на Востоке Рыскулов перечеркивает, подчиняет полностью стремлениям националистическим. Поощрять, поддерживать уклон к национализму, тем паче пантюркизм, конференции коммунистов никак нельзя. Противоестественно!

Медлит Туркестанская комиссия — набирает силы Рыскулов. Уговаривает, припугивает. Сколачивает большинство. Голосование в пользу «Коммунистической партии тюркских народов».

Ждать теперь до конца февраля. Приедут Фрунзе, Бокий. Впервые в полном составе соберется комиссия. Признает — уступлена позиция чрезвычайной важности. Введение явочным порядком решения о «Тюркской компартии» дает горькие плоды. Ядовитые. Там и здесь возникают конфликты, распри, междоусобицы. Охотников воспользоваться более чем достаточно — на землях туркестанских, в государствах сопредельных.

Говорят, задним умом человек крепок. Исправлять все-таки труднее, чем предвидеть. Силы, развитые Рыскуловым, административным приказом, к сроку такому-то, не обуздать. Тем более не подрубить под корень. Предстоит борьба терпеливая, упорная — многомесячная.

Голос дружеский Москвы. Восьмого марта ЦК коммунистов сообщает

в Ташкент:

«На территории Туркестана должна существовать единая Компартия с Центральным Комитетом во главе... Туркестанская партия входит в состав Российской на правах областной организации»...

Недвусмысленное такое же «нет» тюркской автономии, «Тюркской республике». По причине неумолимой — отсутствию в природе тюркской нации.

Рыскулов резонов никаких во внимание не берет. Ни-ни, не слышит! Никто так не глух, как тот, кто слышать не хочет... Шумное окружение Рыскулова в ход пускает нехитрую выдумку: «В центре настоящей правды не знают. Турккомиссия пользуется... Надо собирать делегацию для защиты тюркского дела!»

Прямого сговора нет. Просто у многих, очень многих, свои интересы в священном «тюркском деле». У Турара Рыскулова. У Мадамин-бека, Курширмата, Халходжи — курбашей, предводителей басмаческих. У тихого американца — консула и майора разведывательной службы Роджера Тредуэлла. У английского джентльмена, полковника Бейли, с компаньонами Блеккером и Маккартнеем. У полковника царской службы Соколова^[34]. У самого атамана Дутова...

С осени семнадцатого жизнь часто сталкивает комиссара Куйбышева с атаманом, полковником, теперь генералом Дутовым. Так, в защиту «тюркского дела» монархист Дутов трогательно взывает к курбаши Иргашу, «командующему армией пророка» в Фергане:

«Еще летом 1918 года от вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением связаться и действовать вместе. Я послал с ним вам письмо, подарки: серебряную шашку и бархатный халат в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до вас не дошел. Ваше предложение работать вместе мною было доложено войсковому правительству оренбургского казачьего войска, и оно постановлением своим зачислило вас в оренбургские казаки и пожаловало вас чином есаула.

В 1919 году летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака ехала миссия в Хиву и Бухару, послал с нею вам вновь письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны и серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до вас не доехала.

В третий раз пытаюсь связаться с вами. Ныне я нахожусь на границе Китая, у Джаркента. Со мной отряды всего до 6000 человек. Теперь я жду только случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с вами и общность действий. Буду ждать вашего любезного ответа. Шлю поклон вам

и вашим храбрецам».

Куйбышев в состоянии сравнить, знает в подробностях военные действия на Волге — от верховьев до устья, в барханах Закаспия, теперь в благодатной Фергане. Не военные операции, не фронт — басмачи! Бессмысленное, чудовищное надругательство над жизнью, над вечными ценностями человека. Ночи, захлебывающиеся предсмертным криком «вайдут!». Отрезанные, выставленные напоказ головы. Искромсанные тела. Колодцы, забитые детскими трупами.

Атаман Дутов — командующему армией басмачей: «Шлю поклон вам и вашим храбрецам...»

Член Военного совета Куйбышев — командующему кавалерийской дивизией, направленной им в Фергану: «Ваши меры по организации Советской власти и оказанию помощи разоренному населению одобряю. В этом направлении сейчас должна вестись работа политотдела и всего военного аппарата... В свободное от боевых действий время должны помогать местному населению в хозяйственных занятиях. Прошу строго руководствоваться письмом Владимира Ильича Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана».

По давнишнему своему правилу обязательно быть в самом трудном месте и на равных делить опасность, тяготы с бойцами Куйбышев отправляется в Фергану. С ним и Новицкий.

Позиций, зримых линий соприкосновения вовсе не существует. Из густой, плотной темноты южных ночей в тридцати-сорока местах одновременно выносятся тысячи бородатых всадников. Умелых, отчаянных, люто взнузданных курбашами, белыми офицерами, английскими инструкторами. Обуздать, победить басмачей можно только внезапными, упреждающими ударами. На перехват, когда группируются для очередного разбойного набега. Еще помнить обязательно надо: далеко не все басмачи — враги неисправимые, безнадежные. Туркмены говорят: «Меняются ночи — меняются мысли». Если суметь расслоить, снять обиды...

В этом направлении Куйбышев идет далеко. На вздорные слухи, разговоры — «сбивается-де главный комиссар с революционной ноги, уступает!...» — нисколько внимания не обращает. Старым владельцам отдает назад конфискованные вакуфные земли. Снимает запрет со «старометодных» школ. Со старой судебной системы. Частично восстанавливает суды казиев. Из органов управления совсем беспощадно изгоняет людей заслуженных, своих — коммунистов, ну, несколько согрешивших против коренного населения... Заменяет вовсе неопытными

беспартийными мусульманами.

В хорошо знакомую ему по Волге Татарскую бригаду Валериан Владимирович вливает сотни узбеков, таджиков, киргизов, казахов. Формирует мусульманские отряды самообороны, партийные дружины. Под началом самих же мусульман. Обыкновенных, всем знакомых кетменщиков, поливальщиков, рудокопов, кустарей. Таких, как Хайдар Усманов из Ходжента, Камбарли Алиев из Андижана, Кабир Кадыров из Сулюкты, Джурабай Мухамеджанов из города Скобелева. Класс против класса.

В грессбухе, позаимствованном в одном из коммерческих банков, сейчас достоянии штаба Туркестанской кавалерийской дивизии, две записи бумаг исходящих:

«Ташкент. Редакции газеты «Известия крайкома коммунистов и ТуркЦИК».

Реляция члена Реввоенсовета Куйбышева В. В., заместителя командующего войсками Новицкого Ф. Ф.: «Утихла вечно волновавшаяся Фергана, а измученное долгой борьбой население восторженно приобщается к новому, социалистическому строительству».

«Москва. Кремль. Товарищу Ленину В. И. Лично.

Приветственное слово коммунистов-большевиков, революционных бойцов 2-й кавалерийской Туркестанской дивизии товарищу Ильичу по случаю 50-летия со дня рождения. С пожеланиями на светлое будущее».

«Утихла Фергана». Ни больше ни меньше — утихла. Бородатые всадники при солнечном свете рассчитываются на десятки, сотни — чинно являются с повинной. Сдается в плен часть курбашей. Из видных. С самим Мадамингбеком во главе. Успех большой, огромный. Только за взятым перевалом еще много других. Вздыхаются на долгом пути горы, скалы, почти недоступные. Сойдутся сумрачные теснины.

За весенним успехом в Фергане будет июньский мятеж в Семиречье, захват крепости Верный. Реальных воинских сил, на которые можно опереться, нигде поблизости у Реввоенсовета фронта нет. Большевики знают оружие более верное, действия безотказного — слово. Правдивое слово! Приказ Реввоенсовета своему уполномоченному Дмитрию Фурманову, комиссару, писателю: «Действовать на расслоение разнородных сил верненского гарнизона».

На восьмой день мятеж ликвидирован. Без единого выстрела. Без единой жертвы. Куйбышев по прямому проводу Фурманову: «За все время событий мы с удовольствием наблюдали Вашу энергию и такт...»

Будет во времени более далеком авантюра, затеянная бывшим турецким министром, «главнокомандующим всех войск ислама» Энвер-пашой. «Энвер, — обнадеживал главных лондонских нанимателей британский генеральный консул в Кашгаре Эссертон, — намечает создание великого мусульманского государства в качестве буфера против России. Под его зеленым знаменем более пятидесяти тысяч фанатиков...»

Авантюра есть авантюра. Четвертого августа двадцать второго года в бою у кишлака Оби-Дора, вблизи афганской границы, пули настигнут Энвер-пашу. Поставят точку заключительную. Пока лето двадцатого. Валериан Куйбышев в Ташкенте. Турар Рыскулов в Москве. Во главе делегации радетелей «тюркского дела».

Двадцать третьего мая Рыскулов, Ходжаев, Бех-Иванов представляют Центральному Комитету партии свой проект государственного устройства Туркестана. Написанный в тонах еще более категорических. Почти ультимативных. Упразднение Туркестанской комиссии, ограничение прав Реввоенсовета Туркестанского фронта, вывод из Туркестана или разоружение частей Красной Армии, созданных из русских, сформирование чисто мусульманского войска. Внешние сношения, внешняя торговля и военные вопросы полностью переходят в ведение ТуркЦИК.

Существование узбеков, таджиков, казахов, туркмен, киргизов как самостоятельных народов и формирующихся социалистических наций начисто отрицается. Ничего, кроме нарочито выдуманной «тюркской нации»!.. На странице последней скороговоркой отпущение всех грехов: «Панисламизм и пантюркизм потеряли всякую почву в условиях Туркестана».

Двадцать третьего — демарш. Двадцать пятого — заседание Политбюро ЦК. Среди неотложных дел рассматривается положение в Туркестане. Ближе к вечеру Ильич участвует во втором заседании Политбюро. Специально о восточной политике.

Свидетельство совсем прямое. В «Известиях ЦК РКП» семнадцатого июля: «...в течение полутора месяцев с конца мая по начало июля ЦК и в Организационном, и в Политическом Бюро, и в специально назначаемых комиссиях детально разрабатывал и обсуждал вопрос о постановке партийной и советской работы в Туркестане».

Еще особенность существенная. Решение неизведанных проблем туркестанских совпадает с подготовкой Второго конгресса Коммунистического Интернационала. Ленин предлагает на обсуждение «товарищей осведомленных» первоначальный набросок своих тезисов по

национальному и колониальному вопросам. Выделяет пункты, по его мнению, наиважнейшие. «...Восточные народы. Борьба с панисламом... Туркестан, его опыт...»

В заключительном разделе тезисов:

«...чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности... вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным. Отсюда обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков».

Ильич никогда не забывает поставить дату. набросок тезисов — пятого июня. Восемь дней спустя — замечания на проекте постановления Политбюро ЦК о задачах Российской коммунистической партии в Туркестане:

«Необходимо, на мой взгляд, проект т. Рыскулова отклонить, проект комиссии принять...» С характерными, «ногое проясняющими дополнениями, поправками.

Туркестанская комиссия обязана «систематически срабатываться» с Центральным Исполнительным Комитетом и Совнаркомом Туркестана. «Запрашивать их заключение, вводить их постепенно в дела... «соглашаться» с ними...» Должны быть расширены права Туркестанской коммунистической партии и особенно «туркестанской *трудящейся* массы крестьян, земледельцев (способы участия; с_п_о_с_о_б_ы борьбы, с духовенством и панисламом и с б_у_р_ж_у_а_з_н_о-националистическим движением особо *р_а_з_р_а_б_о_т_а_т_ь*»).

Ниже подписи еще два пункта, крайне существенных для дальнейших замыслов Владимира Ильича, для намечаемого им государственного устройства:

«1) Поручить составить карту (этнографическую и *проч.*) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению.

2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей».

Решения окончательного можно ждать со дня на день. Валериан

Куйбышев забрасывает находящегося в Москве Шалву Элиава нетерпеливыми вопросами. Требуется подробностей. Последнее, что может сообщить Шалва Зурабович, — Политбюро соберется двадцать второго. Обещает быть Ленин.

Ильич приходит. Тревожится, оказано ли «максимальное доверие национальным массам». Степень сотрудничества. Получают ли достаточную поддержку местные работники. Просит в его проекте постановления считать наиболее существенным:

«...уравнять землевладение русских и приезжих с местными; разбить, выселить и подчинить себе кулаков русских энергичнейшим образом... систематически обдумать, подготовить, провести передачу власти — постепенно, но неуклонно — местным *Советам трудящихся*, под контролем надежных коммунистов...»

Теперь Владимир Ильич готов считать, что все проблемы достаточно прояснены. На следующей неделе Политбюро сможет принять окончательное решение^[35].

На долю Куйбышева падает принять отставку Рыскулова, нескольких других национальных сверхэгоистов. На смену развалившемуся, несостоятельному крайкому приходит временный Центральный Комитет Коммунистической партии Туркестана. Секретарем ЦК становится Тюракулов. По характеристике Валериана Владимировича: «выдающийся самородок, марксистски мыслящий человек». Председателем ЦИК — таджик Абдулло Рахимбаев. Председателем Совета народных комиссаров — туркмен Атабаев.

Настает двадцать шестое июля. Ленин, докладчик комиссии по национальному и колониальному вопросу, обращается к конгрессу Коминтерна:

«...Практическая работа русских коммунистов... в таких отсталых странах, как Туркестан и проч., поставила перед нами вопрос о том, каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях, ибо важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения, и поэтому там не может быть и речи о чисто пролетарском движении. В этих странах почти нет промышленного пролетариата. Несмотря на это, мы и там взяли на себя и должны взять роль руководителей. Наша работа показала нам, что в этих странах приходится преодолевать колоссальные трудности, но практические результаты нашей работы показали также, что, несмотря на эти трудности, можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к

самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата... Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям».

Кажется Куйбышеву, что угадывает он в этих словах Ильича смысл особый, сокровенный. Может быть...

— Никаких сомнений, Валериан Владимирович! — Невысокий ростом, тонкий, быстрый в движениях Файзулла Ходжаев строго вглядывается в Куйбышева, как бы заново оценивая. — На заседании конгресса, в присутствии сотен людей, Ленин не мог прямо назвать Бухару... Каждый, у кого на плечах голова!.. Слушайте, я повторяю его слова: «Идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетариату... — пожалуйста, вот оно! — ...но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»...Вы опять станете призывать меня к терпению? Ну отбросьте свою деликатность, напомните, что прошлая попытка сбросить эмира стоила тысяч человеческих жизней, а я бежал, спасся у русских рабочих на станции Каган...

Овальные, глубокие глаза Файзуллы полны муки. На лице сильнее проступают синеватые шрамы от перенесенной в детстве болезни — пендинки. Валериан Владимирович спешит охладить своего молодого приятеля. Многоопытному Койбаши-ака уже тридцать два, Файзулле — двадцать четыре. Приблизительно. В священной Бухаре новорожденных нигде не регистрировали. Покопавшись в памяти, мать Файзуллы объясняла: «Аллах послал моему повелителю Убайдулле Ходже наследника, когда в нашем саду цвели кусты жасмина».

В конце XVIII века бухарский каракуль покоряет Россию. Во второй половине XIX русское оружие отворяет Каракульские, заодно Шахские, Каршинские, Мазар-и-Шерифские ворота Бухары. Белый царь принимает под свое высокое, почти родительское покровительство эмира Сейида Музаффар Богодур. Дарит повышенные знаки внимания: «Российское императорское резидентство в Бухаре» с достаточным штатом тайных агентов... Российскую юрисдикцию... Экстерриториальные поселения, железнодорожные станции, особые городские районы на манер европейских сэттльментов в Китае.

По договорам следующим, столь же равноправным, эмиратство Бухарское включается в русскую таможенную черту... В столице эмиратства открывается отделение государственного банка... На резидентство возлагаются функции третейского суда. Не в ущерб божественным правам эмира продавать своих подданных в рабство.

Чиновник особых поручений подполковник Д. Логофет в 1907–1908 годах объезжает Бухару. Видит «картину души возмущающих порядков».

Спешит издать книгу «Страна бесправия». С посвящением достаточно необычным: «Высокому вниманию Государственной думы». Рекомендации по-военному лаконичные: «Непристойно дикого монарха прогнать прочь. Бухару отдать российскому, отечественному капиталу».

Ожиданиям вопреки против окончательного поглощения эмиратства в январе 1910 года выступает сам Столыпин, всемогущий глава кабинета министров. «Нельзя! Подобный акт, несомненно, обострит отношения с Великобританией, восстановит мусульманский Восток, тяжелым грузом повиснет на всей внешней политике России».

«Все и всякие угнетающие классы, — по давнишнему определению Ленина, — нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и функции попа». У эмира достаточно подземных тюрем — зинданов. Особых команд ширбачей — «львят» для экзекуций и казней. Скорый суд казиев. Также пятьдесят тысяч мулл. По одному на каждых пятьдесят подданных.

Между зимним дворцом эмира и домом купца Убайдуллы Ходжи на камнях выбито изречение:

*Прочти и подумай, куда идет солнце,
куда идут реки, куда идет мир.*

Эмир под ноги не смотрит. Изречение, выбитое на камнях, ему вовсе ни к чему. Не во дворцах размышляют о том, куда идет солнце, куда идет мир. Зеркальная гладь дворцового паркета никогда не переходит в дорогу единственно правильную.

Долго плутать подростку Файзулле, мятежному сыну правоверного Убайдуллы Ходжи, покуда выйдет на верную цель...

В зрелые годы Файзулла Ходжаев, глава правительства Узбекистана, один из председателей ЦИК Советской державы, напишет историю бухарской революции. Не пощадит себя. «Некоторое прояснение сознания, поворот в сторону большевиков давался медленно и с трудом, в неустанной борьбе». Поворот от джадидов-младобухарцев. Младшие братья петербургских либералов, только с сильным националистическим душком, они покорнейше просили эмира несколько упорядочить режим, даровать небольшие свободы школам и медресе, великодушно облегчить положение дехкан и кустарей, дозволить чтение благонравных ташкентских газет.

Свергнут в Петербурге российский самодержец Николай. У ворот Бухары — на станции Каган — солдатский комитет. Эмир не чужд велению

времени. При дворце учреждается совещательный орган — свой собственный совет «из ученых и грамотных людей». Государственным чиновникам назначается твердый оклад из казны, чтобы поубавить пыл при взимании взяток. Тела казненных на Регистане надлежит по возможности отдавать родственникам, собакам не скармливать.

Благодарные джадиды, нисколько не медля, организуют шествие. Зеленые знамена. Плакаты: «Да здравствует свободолюбивый эмир — защитник справедливости!» Муллы, чиновники, верующие фанатики и такого своеволия стерпеть не могут. Энергично забрасывают демонстрацию камнями. Джадиды помоложе, посильнее спасаются бегством. Менее счастливые попадают в зиндан «Обхона». Самый мрачный из всех подземных застенков Бухары. В день, назначенный кушбеги Мирзо-Насрулло — премьер-министром, также министром внутренних и внешних дел эмирата, — каждый получит свои семьдесят пять ударов кизиловыми палками по обнаженной спине.

В воспоминаниях Садриддина Айни, философа, ученого, писателя Востока, исчерпывающе: «По знаку кушбеги два палача взяли по две палки и ударили меня по спине. Я посмотрел на кушбеги. Наши взгляды встретились, он отвел глаза... Палачи, отсчитывая «раз, два, три», делали свое дело... Это, наверно, напоминало молотьбу, не знаю, мне было не до этого: у меня сжалось сердце и потемнело в глазах... кожа и мясо клочьями отлетали в сторону... В то же время муллы и амалдоры, стоящие поблизости, били меня по голове...»

Глинобитная стена шириной в три верблюда, поставленных горб к горбу, не преграда для печальных бухарских новостей — сразу узнают солдатский и рабочий Совдепы Кагана. Передают дальше Ташкенту, Самарканду, городу Карши. Прибывают солдатские подкрепления. Шумная короткая схватка с агентом временного правительства при эмире. Винтовки сняты с плеч. Введены курки. Распахиваются ворота Бухары.

«В зиндане слышались голоса и топот множества кованых сапог, — продолжает Айни, — всюду с хлопаньем открывались двери. Открылась и наша, русский солдат с винтовкой сначала на русском языке, потом на ломаном узбекском языке крикнул:

— Выходите, вас освобождает революция России!»

Солдаты доставляют Айни в больницу Кагана. Там лечат, ставят на ноги изувеченных, чуть живых младобухарцев. Помаленьку просветляют мозги Файзулле, друзьям, его близким. Первые добрые семена забрасывает большевик, железнодорожник П. Г. Полторацкий. В Москве на путь-дорогу наставляет Яков Свердлов. В Ташкенте завершает Валериан Куйбышев.

Октябрьскую революцию эмиру признать неуютно. Тайный наставник эмира, британский дипломат и разведчик мистер Эллис, уйдя на покой, пожелает взяться за перо: «Бухарский эмир, беспокоясь о своем будущем, пытался заручиться поддержкой Кабула и Тегерана, пробовал установить контакт с английской миссией в Мешхеде. Аналогичное положение создалось в далекой и столь же реакционной Хиве, где правительством заправляли бывшие бандиты.

Общая неразбериха усугублялась интригами и маневрами различных антибольшевистских группировок, начиная с басмачей и кончая подпольными организациями бывших русских офицеров. Несмотря на их различное происхождение и взгляды, все эти группировки нашли общую основу для борьбы с большевиками... Британская миссия, прекрасно понимавшая, что наличие на фланге такой потенциальной угрозы, как бухарская армия, дает большие военные преимущества, рекомендовала поддерживать достаточно тесный контакт с эмиром».

При солнце и луне шагают между барханами к Бухаре горбатые караваны — на тысячах верблюдов везут винчестеры, пулеметы, мортиры. Из-за Пянджа через Каршинскую степь с пушками на спинах двигаются живые танки — слоны. К лету 1920 года в регулярной армии эмира и отрядах альнаукаров-ополченцев не менее семидесяти тысяч человек. При офицерах, любезно отряженных Колчаком, Дутовым, при инструкторах британских, турецких, афганских...

В Ташкент доставляют доверительное письмо полутора тысяч бухарских дехкан:

«То, что эмир проделывает со своими беззащитными подданными, никогда даже враги не смели делать с побежденными. Эмир отнимает не одно имущество, но и жен, и невинных дочерей, он не щадит и мальчиков, которых отдает в бачи. Это принимает ужасный и массовый характер. Но мало того, эмир в данное время подготавливает для неизвестных нам целей войну с Советской Россией. Делегации от эмира: одна в Мешхеде во главе с Мирзой Сафарбеком, другая в Лондоне во главе с Кари-Мирзабом — добиваются военной помощи, чтобы дали побольше и побыстрее... Война для нас вовсе нежелательна. Мы не знаем другого врага, кроме эмира и его правительства.

Мы, угнетенный народ, стараемся освободиться от рабского состояния, низвергнуть ненавистное нам правление».

Полное подтверждение в перехваченном донесении чарджуйского бека светлейшему эмиру: «Все туркмены, за исключением пяти-шести государственных чиновников, стали на путь неповиновения... В местности

Диван-Беги собираются представители окрестных аулов, кишлаков и племен эрсари для получения наставления от красного большевика Бяшим-Сардара. В один определенный день они убьют всех чиновников, близких людей правителей и самих правителей, и народ от себя назначит нового старейшину».

Есть пример наглядный. Рядом, в ханстве Хивинском, поднялся народ. Сбросил Сеид Абдул-хана. Народная Советская республика, помимо всего другого, перечеркнула непонятное, чужеземцами пущенное в оборот название Хива^[36], хивинцы. Вернула имя родное, издревле существовавшее — Хорезм.

В июне двадцатого года Валериан Куйбышев провожает делегацию Хорезма в Москву. Едут узбеки, туркмены за тысячи верст в неведомый северный город. Особо доверенные от дехкан, кустарей, рыбаков, национальной интеллигенции, мелких торговцев. Держать совет с первым большевиком «Лениным-Ильичем».

Для Востока два года — время совсем-совсем малое. Пристойно ли так скоро хорезмцам снова напоминать о себе?

Запрошенный по сему важному поводу, Куйбышев обнадеживает твердо — Ленин поймет!

Послание доставляют в Кремль.

«Дорогой товарищ!

С радостью извещаем Вас, что мы приступили к мирному строительству Советского Хорезма. Мы принялись за устройство наших дехкан, следуя Вашим словам, которые глубоко запали в сердце каждого из нас...

В память второй годовщины хорезмской революции мы установили орден Труда для наших героев. Мы просим Вас, дорогой и любимый наш учитель, принять этот орден^[37] согласно постановлению Центрального Исполнительного Комитета Хорезма и носить его как символ освобождения труда на Востоке после многолетнего рабства».

Так пример наглядный возвращенного к жизни Хорезма. Не раз, не два к этому примеру обращаться. Бросать на чашу весов в спорах, в дискуссиях острейших. Бухара не копия. Не простое повторение хорезмских событий. Масштабы, соотношение сил — другое. Семьдесят тысяч под английскими ружьями у эмира. Одиннадцать тысяч шестьсот четырнадцать бойцов на всех направлениях огромного Туркестанского фронта. От границы с Китаем до границы Иранской, от Памира до моря Каспийского... Много своих бухарских особенностей необходимо взять во внимание при

окончательном совершенствовании закона развития крестьянских феодальных и полуфеодальных стран Востока. Закона, Лениным разработанного на опыте туркестанском преимущественно.

«Никаких сомнений, Валериан Владимирович! — настаивает Файзулла. — На заседании конгресса, в присутствии сотен людей, Ленин не мог прямо назвать Бухару...»

Куйбышев слишком хорошо знает, к чему клонит Ходжаев, чтобы раньше времени высказать свое согласие. О докладе Ильича думают оба одинаково. Обоим очень хочется найти смысл сокровенный, обнадеживающий. Чтобы дальше... Долгого ночного разговора никак не миновать. Крайне пристрастен руководитель Туркестанской комиссии к ершистому, колючему лидеру младобухарцев. «Младобухарцев-революционеров» — не забывает подчеркнуть Ходжаев.

Камень преткновения. Почему коммунисты называют партию «младобухарских революционеров» мелкобуржуазной? Отвергают ее программу? Не соглашаются признать, что переворот, свержение эмира, должна взять на себя армия Советской России? После военной победы меджлис — нечто подобное Учредительному собранию — объявляет республику. Основа, фундамент общества, государства — шариат, «толкователь справедливости и защитник бедноты».

До конца убедить Файзуллу не удастся. Ни этой ночью в плосккрышем домике на Зерабулакской улице. Ни первого-третьего августа на заседании Туркестанской комиссии. При всех уступках, изменениях программа младобухарцев далеко не марксистская. Не почва для объединения. Пока только союз. Общая забота о вооруженном восстании народа. Взаимная поддержка. В перспективе коммунисты и младобухарцы образуют Временное революционно-демократическое правительство. С Файзуллой Ходжаевым во главе.

По царственной своей широте эмир неустанно подливает масла в огонь. Блажит. Хватает через край. Ультиматум — в срок от пятницы до пятницы охрана железной дороги на территории эмирата должна быть передана Бухарскому правительству. Советские войска обязаны покинуть русские поселки и пограничные районы. Следующей ночью солдаты эмира разбирают железнодорожный путь от Кагана до Катта-Кургана. Через день нападение на пограничников в районе Пайшамбе. Обстрел из пушек бронепоезда у Кара-Тюбе... В мечетях и на городских площадях правоверным вдалбливают фетву — указ быть готовым к священной войне мусульман против большевиков во имя «защиты ислама и шариата».

Шестнадцатого августа Куйбышев телеграфирует в Москву: «Все

государственные мотивы, диктующие российскую ориентацию, отошли на задний план перед животным страхом за сохранение деспотического трона... Бухара лихорадочно готовится к выступлению, совершенно очевидно поддержанная и руководимая извне...»

Сигнал подает любимец эмира бек чарджуйский. Не считает за труд обременительный лично повести карательную экспедицию. Сжигает аулы, кишлаки, заподозренные в «причастности к большевикам». Забивает палками сто двадцать «главарей». Казнит дочь туркмена рыбака Ата Рахманова — бесстрашную Айшу. Остается принять знаки повиновения, дары. Предпочтительнее живым товаром. Безучастным никто не остается. В ход идут Кинжалы, шашки, камни. Мужчины и женщины выхватывают из рук карателей винтовки. Неравенство сил никого не останавливает. На подмогу дехканам, пастухам приходит боевая дружина рабочих и кустарей Чарджоу. С вожаками-коммунистами Хасаном и Аббасом Алиевыми.

Малые ручейки сливаются в могучее течение. В поток народного гнева. Подымаются Хатырчи, Шахрисябз, Кермин, Старая Бухара, Китаб. Узбеки, туркмены, таджики. Ревком — коммунисты и младобухарцы просят военной помощи, «защиты повстанцев от грозящего им истребления».

«Неожиданно в Туркестанской комиссии раздаются предостерегающие голоса, — заносит в дневник удивленный свидетель, старший адъютант командующего фронтом Си-ротинский. — У эмира сильная армия, отличное заграничное оснащение, многоопытные офицеры русские, английские, афганские. Надо занять позицию невмешательства, не раздражать эмира, зарубежных его покровителей...

С горячей речью выступил Куйбышев^[38]. «Мы не имеем права отказать, зная, за что борется народ Бухары. Нельзя медлить!» В ответ грозное предостережение: «Вы будете отвечать за гибель Советской власти в Туркестане. Наши силы не достигают и четверти армии эмира».

Вмешался Фрунзе. «Занять позицию нейтралитета — значит позволить эмиру удушить революцию бухарского народа».

...Войска шли пустынными и безводными районами, по раскаленным пескам. По приказу эмира был закрыт главный водный распределительный канал. Вода в арыках исчезла. Бойцы страдали от жары и жажды... Опираясь на численный перевес, приспособленность своей армии к местным условиям, противник надеялся заманить наши части в глубь Бухары, окружить их там и уничтожить.

Двадцать девятого августа передовые отряды Красной Армии вырвались из пустынных районов, из зыбучих песков, подошли к столице

эмирата. Город окружен крепостной стеной — восемь метров высоты и столько же толщины. В ночь на первое сентября начался штурм. Сплошной заградительный огонь из пушек и пулеметов. Саперы перед рассветом заложили в стены и городские ворота динамит. Взрывы должны открыть проходы.

Второго — бои на улицах Бухары. Вспыхнул пожар. Агенты эмира подожгли огромные запасы хлопка. Удушливый, густой дым плотно укутал город. Дышать нечем. Приказ кавалеристам-разведчикам, не щадя жизни, разыскать и открыть главные щиты распределительного канала. Но только утром удалось пустить воду в арыки. Бойцы пригоршнями черпали, пили, освежали лицо и опять бросались в бой. На одной из площадей мусульманский батальон натолкнулся на процессию духовенства в ослепительно белых чалмах. Муллы, поднимая кораны, громко зывали к красноармейцам: «Правоверные, не троньте нас!»

Как только бойцы опустили винтовки, первый ряд мулл расступился, выскочили с пулеметами и гранатами отборные эмирские стрелки. Уважение к муллам дорого обошлось мусульманскому батальону.

Бой завершила красная конница. Только один небольшой отряд, во главе с эмиром, сумел вырваться...

Сентябрь оказывается месяцем многих расставаний, встреч, неожиданных перемен. Пустеет дом на Зерабулакской. Срочно затребован в Москву Фрунзе. Ленин рекомендует его командующим Южным фронтом. Отбывает в Бухару облаченный в строгий костюм дипломата посол Валериан Владимирович Куйбышев.

Корреспондент Российского телеграфного агентства добивается интервью. Сразу на ташкентском вокзале. Довод железный: «Товарищ Куйбышев, вы же сами журналист, понимаете, что сделает со мной редакция...» — «Хорошо, садитесь в мой вагон, в пути напишем». Под стук вагонных колес Валериан Владимирович диктует:

«Главная обязанность, возложенная правительством Советской России на ее полномочного представителя в Бухаре, — уничтожение всего того, что в прежнее время было создано для порабощения эмиратства Бухарского. Независимость Бухары, ее самостоятельность, ее право самой решать все вопросы своего государственного устройства — вот те основные принципы, которыми полпред должен руководствоваться... Отныне нет русских поселений, вкрапленных в Бухарскую республику, нет передовых постов российского капитализма, а есть единая Бухарская республика, и все граждане, ее населяющие, пользуются одинаковыми правами и подчиняются законам республики. Отныне нет

привилегированных наций в земле бухарского народа».

Вовсе неожиданно для себя бухарцы открывают — площадь Регистан, гигантское лобное место, отнюдь не беспредельна. Просто мала. Когда народ собирается на свой праздник. Седьмого ноября мест хватает только для двадцати тысяч счастливых. Двадцать тысяч слышат. Двадцать тысяч рассказывают, сил не щадя... Расходится кругами широкими декларация Куйбышева, полномочного представителя Октябрьской революции. Российская республика, объявляет полпред, передает города Каган, Чарджуй, Термез, Керки со всеми заводами, фабриками Бухарскому Народно-Советскому государству.

— Народно-Советскому! — возвышает голос Валериан Куйбышев. Чтобы сердца людей, также камни древние услышали, поняли — друг из страны Ленина отвечает на вопрос извечный: куда идет солнце, куда идут реки, куда идет мир...

После уважительного молчания — каждый должен взвесить, мерой собственной прикинуть — Куйбышев можно продолжить:

— Революцией в Бухаре руководили коммуниста А республику, государственное устройство никак нельзя считать социалистическими. Не созрели еще для этого ни экономические, ни психологические условия.

В летнем дворце эмира — Ситора и мохосе — Пер вый Всебухарский курултай народных представителей Тысяча девятьсот пятьдесят делегатов. Решение наиважнейшее: «Эмир низложен. Никто из рода его не смеет появляться в Бухаре благословенной, республике народ ной. Народ управляет через местные и центральные Советы. Выборы всеобщие, путем открытого голосования Совету Народных Назиров — министров по-русски — пред ставить следующей сессии курултая Конституцию республики».

Революционная диктатура народа. Не пролетариата как в России. Крестьян, батраков ремесленников по пре имуществу. В истории никакого прообраза. В практик! Коммунистического Интернационала ничего схожего.

Валериан Владимирович бухарским работникам; «Мы должны собираться, хотя бы в поздние ночные часы, не у русского посланника, не у представителя РСФСР, а у товарища Куйбышева, члена Российской Коммунистической партии и члена Интернационала. Наша обязанность разобраться в смысле и существе бухарской революции. Необходимо все осмыслить теоретически, чтобы как можно меньше ложных шагов».

Еще намерение Куйбышева, до времени затаенное. Вслух говорить пока не следует, можно обронить только в письме к другу: «Стараюсь сблизить коммунистов между собой. На седьмой день революции Файзулла

Ходжаев, я много тебе писал о нем, предложил упразднить свою партию младобухарских революционеров, несмотря на то, что она была более многочисленной, чем Бухарская коммунистическая. Все лучшее, что было в расплывчатой партии Файзуллы, теперь в рядах коммунистов. Сам Ходжаев избран в состав Цека и назначен главой правительства республики^[39]. Внешне все прошло гладко, без затруднений, а под спудом, в душе поглубже, боюсь, немало отчужденности, подозрительности, националистических струнок... Страшная нужда в работниках, особенно мусульманах, нужда колоссальная, приходится собирать по крохам. Так-то, друг!»

Профессиональный революционер, тюрьмой, каторгой, огнем, мечом испытанный, — всего только человек. Нельзя ему без товарищества, признания, просто добрых вестей. Будут вести. Три недели в пути мухаджирины — ходоки из Индии. Доверенные студентов, крестьян, солдат, чиновников. Уже преодолели они Гиндукуш, горы Афганистана, обледенелые тропы над бездной, неистовые в белых гребнях потоки. Благополучно отбились от одичавших солдат свергнутого эмира, от басмачей.

Из всех достойных самый почтенный мухаджирин Мухаммед Абдорраб Барк напечатает в первой советской газете Бухары:

«Приветствую вас, герои Бухары! Слава вам, отважные борцы, слава! Вы свершили великое дело и теперь пожинаете его плоды. Похвальны ваши стремления, почетен ваш труд. Вы принесли свободу трем миллионам своих братьев, повергли ниц знамя гнета и деспотизма и подняли знамя свободы и справедливости... От имени революционеров Индии от всего сердца поздравляю вас и передаю пламенный привет 350-миллионного угнетенного индийского народа. Да будет вечным ваше счастье!»

Счастье — понятие разноликое. Сейчас Валериану Владимировичу представляется в образе Москвы. Поездки в Москву. Хотя бы ненадолго. На съезд Советов.

Право есть. Куйбышев — делегат Туркестана. Получил наибольшее число голосов. Права нет. Человек, который должен заменить в Бухаре, срочно понадобился в другом месте. Телеграмма вроде бы шутливая в Ташкент: «Это будет жестоко и несправедливо, если вы лишите меня возможности глотнуть свежего морозного воздуха».

Да — нет. Нет — да. До дня последнего сомнения. Потом счастье пригоршнями. Сколько угодно морозного воздуха, снега, поскрипывающего под ногами, поземок, метелей. В затяжную зиму московскую. На долгие годы. В Бухару, в Туркестан, Куйбышев не вернется. У Ильича виды на

него другие...

«Марта 17 1921 года

МАНДАТ

Предъявитель сего В. В. Куйбышев, ввиду тяжелого политического положения Самарской губернии, по просьбе самарских делегатов, командирован в город Самару в качестве представителя ЦК РКП (б), что подписью и приложением печати удостоверяется».

Надобность крайняя. Неотложная. Слишком тяжело дышится в Самаре единомышленникам Валериана Куйбышева. Другам-товарищам многих-многих лет. Ленинцам!

В «коалиционном» губкоме партии, сбитом-сколоченном нагрянувшим в Самару Троцким, вроде как в Ноевом ковчеге библейском. Сторонники «рабочей оппозиции» из поднакопивших жиру обывателей, разудалые охотники «завинчивать гайки» и «перетряхивать профсоюзы»^[40], краснобаи «демократические централисты». В Ильичевой разящей оценке — «фракция громче всех крикунов».

На Куйбышева «крикуны» ярятся особо. Виноват, конечно. Отхлестал вовсе непочтительно. Двадцать тысяч раз! Таков тираж «Дискуссионного листка», где статья Валериана Владимировича.

«Тезисы товарищей», стоящих на платформе демократического централизма», ни на шаг не подвигают нас вперед. Содержание сводится к подчеркнутому, с надрывом констатированию кризиса партии и к единственному способу спасти революцию и человечество — в смене состава ЦК. Карфаген должен пасть!

Это, конечно, ужасно смело и революционно и, по-видимому, наполняет авторов гордостью и сознанием достаточности их багажа, чтобы пуститься в плавание. Но нужно лишь оглядеться кругом, захотеть увидеть громады задач, которые стоят перед партией, впервые в мировой истории руководящей победившим пролетариатом, да еще в крестьянской стране, чтобы понять, что сведение всех проблем к последнему пункту повестки X съезда (выборы ЦК) есть болезнь, есть мания...

Безнадежное смешение следствия с причиной, симптома с его происхождением. Проглядели жизнь, проглядели ее противоречия.

Или повторение давно пройденного, или ничего не стоящие и ничего не меняющие, по существу, «конституционные» положения, к которым группа «демократического централизма» очень равнодушна. Если сюда

еще прибавить требование свободы партийных дискуссий и персонального обновления руководящих органов, то будет исчерпан весь арсенал лекарств, находящихся в распоряжении группы.

Впрочем, чтобы быть справедливым, я должен указать на один новый и действительно оригинальный тезис группы «децистов». Это требование н_е_п_р_о_п_о_р_ц_и_о_н_а_л_ь_н_о_г_о представительства. В тезисе 9-м сказано: «Допущение при выборах в руководящие партийные и советские органы представителей основных наметившихся в партии течений без обязательного соблюдения пропорционального представительства». Желание быть непропорционально представленными — это уже не от логики, а от отчаяния со стороны группы, которая, по выражению товарища Ленина, перед каждым съездом впадает в лихорадочный пароксизм, старается громче всех крикнуть и торжественно садится в галошу».

При всем при том Куйбышев не скрывает, подчеркивает свою убежденность твердую. Предстоящий съезд должен изменить состав Центрального Комитета. «ЦК слишком разногласит, в ЦК нет твердого большинства по важнейшим вопросам современной жизни. Нужен ЦК, выражающий мнение большинства членов партии, более единый и в силу этого более активный и более работоспособный».

Воспринимается по-разному. Не без язвительной расхожей фразы: «И ты, Брут!» Колючки, булабочные уколы — мимо. До съезда неограниченный спор — аргументы на чашу весов. А съезд с Ильичевой предельной прямоотой: «Для обеспечения полной устойчивости политики» состав Центрального Комитета должен быть расширен до двадцати пяти человек. По преимуществу за счет «организаторов, выдвинувшихся в массовой работе».

Утром пятнадцатого марта председатель счетной комиссии Николай Скрынник объявляет результаты тайного голосования: «Избраны абсолютным большинством голосов в члены ЦК... Орджоникидзе, Фрунзе... В кандидаты — Киров, Куйбышев, Влас Чубарь». Через годы напишет о них Луначарский: «Маршалы Ильича».

Так с мандатом только что избранного ЦК Валериан Куйбышев едет в Самару. Близкую сердцу. Растревоженную до крайности.

В самом начале X съезда шумливый глава самарской делегации, секретарь «коалиционного» — единственного в своем роде губкома — Милонов произносит? вовсе недостойную речь. На потребу лидерам «рабочей оппозиции».

Сдержанный ответ Ленина, такой, чтобы страсти поумерить:

«Здесь уже указывал, кажется, товарищ из Самары на то, что я

«административно» наклеил ярлык синдикализма на «рабочую оппозицию». Упоминание об администраторстве здесь, безусловно, не к месту...Тов. Милонов хотел блеснуть таким словечком пострашней, а вышло нескладно: будто я «административно» наклеиваю ярлык».

Не помогает. На свет божий вытаскивается беззастенчивое измышление: «Предложенная Лениным резолюция о единстве натравливает партию на оппозицию».

Ленин сбить себя не дает.

«Я не знаю состава группы «рабочей оппозиции» в Самаре, я там не был, но я уверен, что если бы член ЦК любого оттенка, или член съезда любого оттенка, кроме «рабочей оппозиции», стал бы доказывать на собрании самарской организации, что в резолюции нет натравливания, а есть призыв к единству и привлечение на свою сторону большинства «рабочей оппозиции», то он сумел бы это сделать».

Еще призыв к самарцам, волжанам — землякам.

«Если вы находите, что мы теоретически неправы, то у нас есть возможность издать десятки сборников и если есть молодые товарищи, например, в Самарской организации, которые имеют сказать что-то новое по этому вопросу, то — пожалуйста, товарищи самарцы! Мы напечатаем несколько ваших статей».

Ильич-то не остановится, напечатает. Только где взять «коалиционному» губкому, всему тресту уклонов молодых товарищей, «которые имеют сказать что-то новое»? Есть в избытке великовозрастные мастера толочь воду в ступе, переливать из пустого в порожнее.

В издании, более чем сочувствующем «рабочей оппозиции», — тринадцатом номере «Известий Самарского губкома РКП (б)» — Куйбышев в день приезда читает:

«Многие из товарищей, даже ответственных, склонны полагать, что изменение политики является слишком большим уклоном вправо».

В следующие дни слышит речи:

М_и_л_о_н_о_в: «Продразверстка была более организованной, более правильной формой хозяйства, чем продналог, который является непростительным шараханьем назад».

Л_е_г_к_и_х, губпродкомиссар: «Свободная торговля ничего не даст рабочему классу, а с политической стороны это отступление принесет значительную трещину в диктатуре пролетариата».

Это так лихо о повороте от военного коммунизма к новой экономической политике. Политике, в которой со всей силой необыкновенной сказались мудрость, дальновидность, смелость Ильича,

умение и решимость перейти от прямой и полной ломки старого, капиталистического уклада к постепенной его ликвидации.

Валериан Владимирович собирает коммунистов-рабочих, делегатов от всей промышленной Самары. Чтобы сразу, без недомолвок, еще до главного доклада — «О решениях X съезда партии» — Куйбышев напрямик:

— Губком согласия на наше собрание не дал. Юрий Константинович Милонов участвовать в нем отказался. Жаль, конечно. Хотелось дать возможность нашему давнему товарищу вернуться на твердую почву, обрести нормальное зрение. Помнится, в заволжских знойных степях, в зыбучих пустынях Туркестана приходилось сталкиваться с морочливым маревом. Мираж мгновенно превращал ковыль, перекати-поле в густые зеленые леса, а барханы и низкорослые кустики саксаула — в живописные берега полноводных рек. Приблизись, протянешь руку — разочарование полное. Ничего, один мираж!.. Одно дело бравировать тем, что группировка, к которой принадлежишь, украсила себя титулом «рабочая оппозиция», другое — встретиться лицом к лицу с рабочими. Услышать из первых уст, что в действительности думают коммунисты самарских заводов.

Шумел Милонов на X съезде:

«Самара — крепость «рабочей оппозиции»... Самарская делегация вся полностью за тезисы «рабочей оппозиции».

А делегаты рабочей Самары Н. М. Янсон, В. П. Старцев, М. М. Хатаевич, за ними еще пятеро других пишут в Центральный Комитет, настаивают:

«Милонов скрывает правду. Поименным голосованием 68 из 122 участников губернской партийной конференции поддержали «платформу десяти». Заводские ячейки отказывают в доверии «рабочей оппозиции». Требуют приезда Куйбышева. Он должен выехать немедленно!»

Теперь Куйбышев в Самаре. Ни чудес, ни неожиданностей — закон извечный: вблизи мираж всегда рассеивается. Исчезает бесследно.

Делегатское собрание рабочих коммунистов: «Фракционные группировки должны исчезнуть с горизонта партийной жизни».

Городской партийный актив двадцать шестого марта. По докладу Валериана Владимировича о замене продразверстки натуральным налогом: «Губкому обязательно следовать решениям X съезда. Без проволочек приняться за хозяйственное возрождение губернии».

Пленум губкома пятого апреля: «С разъяснениями, данными В. В. Куйбышевым, полностью согласиться... Упаднические настроения, апатия,

неверие в возможность сохранить власть рабочих в России, появившиеся у некоторых ответственных работников, являются как по источнику, их вызывающему, так и по результатам, какие они могли иметь на ход революции, не чем иным, как выражением той мелкобуржуазной стихии, которая захлестывает сейчас пролетарскую диктатуру и для борьбы с которой съезд призвал партию к исключительной сплоченности, выдержке и дисциплине».

...Днем раньше, двумя позднее, а возвращаться в Москву Валериану Куйбышеву надо. В последнем письме Ян Рудзутак в несвойственных ему категорических выражениях напоминает, что при всех обстоятельствах Валериан Владимирович обязан явиться, принять бой. Лечь костями за свои замки, возможно совсем не воздушные. По сведениям, достаточно достоверным, Ленин намеревается еще до середины мая Первый государственный строительный план поставить на утверждение Совнаркома или СТО. А в плане этом немало его, Куйбышева, наметок!

Не избежать нового расставания с Самарой. Этой весной особенно мучительно, сверхтревожно. Хотя нет еще ничего определенного, достоверного.

Внешне все как было. В губкоме привычно тон задает Юрий Константинович. В 1918-м сам Куйбышев рекомендовал его председателем губернского парткома. Сам объяснял товарищам более молодым: «Милонов из профессиональных революционеров. Член партии с 1912 года. Вместе работали в подполье, вместе устанавливали, защищали Советскую власть. Голосуйте за Юрия Константиновича!»

Голосуйте! Или нет, подождите! Вглядитесь в новые черты — не слишком ли меняют весь облик? Не столько потому, что Милонова занесло в верхи «рабочей оппозиции». Раны лечат крепкой настойкой йода, но не посыпают солью и красным перцем. К тому же особым решением X съезд призвал участников всех распущенных фракций оставаться на своих постах. Работать, работать, работать! Ставить на ноги страну.

По рабочей своей специальности фрезеровщика Куйбышев знает хорошо — окалину или, скажем, ржавчину с поверхности металла всегда можно зачистить, снять. Сталь останется сталью. Непоправима, безнадежна только от глаз скрытая усталость металла. Тогда самая блестящая поверхность не спасает. Бесполезна. Так окалина или усталость? Пленум губкома пока записал: «...упаднические настроения, апатия... появившиеся у некоторых ответственных работников».

Все усугубляется тем, что на Самарскую губернию, на Поволжье Нижнее и Среднее надвигается бедствие огромное, катастрофическое.

Голод. Беспощадный в слепой ярости. Повальный. В раскаленных, растрескавшихся, от жажды изнывающих степях горят, без остатка гибнут хлеба. С апреля ни капли дождя. Ливни, уже бесполезные, зашумят лишь в конце июля. По времени совпадает с окончательным уходом Милонова с политической авансцены.

Новая московская должность Юрия Константиновича неброская — ученый секретарь Главполитпросвета РСФСР. Радетели из треста уклонов сразу теряют к нему интерес. Пусть себе... Погашенный билет в новой лотерее не играет.

В следующем, 1922 году эмиссаров «рабочей оппозиции» просто-напросто выставят из Самары...

Руку Милонову протягивают другие. Те, кого он недавно честил печатно и устно. Протягивают не назойливо, так, чтобы лишний раз не напоминать о себе. Валериан Владимирович еще успеет услышать о Милонове-публицисте, о Милонове-историке. На этом поприще работать Юрию Константиновичу многие годы — пятидесятые, шестидесятые. С возрастающим успехом.

Возвращается Куйбышев к нескончаемым обязанностям члена Президиума Всероссийского центрального совета профессиональных союзов — начальника экономического отдела, полномочного представителя в Высшем Совете народного хозяйства. В самых общих понятиях — борьба с разрухой, нищетой, отчаянием. Хлеб, «ров, работа для миллионов. Сырье, топливо для разбитой параличом промышленности. Приступ к восстановлению страны, истерзанной годами войн, мятежей, интервенции.

Еще доверительные, вне ведомств, вне официальных постов, поручения Ленина. «Товарищ Куйбышев! Прошу кратко ответить по существу этой записки...»

Кратко ответить по существу... Некий барон Нольде умышляет восстановить на Руси бойких коробейников, удалых торговцев льняным полотном, пестрым ситчиком, всякой прочей мануфактурой. Без боязни, без оглядки оный барон склоняет почтенных начальников Главтекстиля к неслыханным действиям. Дабы своей высокой властью Главтекстиль дозволил льняным фабрикам — давно остановленным, заброшенным — самим хозяйствовать. На полной самоокупаемости. На собственный страх и риск самим обеспечивать себя сырьем, добывать топливо. Самим продавать свои ткани. На вольном рынке, по вольным ценам!

Главтекстильщики, уловив общее злокозненное направление попыток барона, расходятся во мнениях об одной-единственной детали. Кто построже, требует: «Отправить этого истосковавшегося по капитализму недобитка к Дзержинскому. Уж там его раскусят!» Более либеральные склоняются оставить вылазку без внимания: «Чудит по старости».

Оставленный без должного внимания, барон идет на крайность. Прямым ходом является в Кремль. Вызывает дежурного на верхнем посту. «Соблаговолите принять! Гражданину Ленину личное письмо».

В конце недели в служебном кабинете Куйбышева сторонники крутых мер против барона, начисто отвергающие его настырные домогания. Валериан Владимирович опрашивает каждого, может быть, забыт, не назван еще какой-нибудь довод, упущен важный подсчет. Нет так нет. Тогда его покорнейшая просьба выслушать соображения дипломированного инженера-текстильщика, имеющего за плечами многолетний опыт руководства льняными фабриками, Александра Александровича Нольде. Да, да, барона Нольде!.. Вероятно, это лучше сделать после небольшого

перерыва, Александру Александровичу требуется несколько минут, чтобы развесить таблицы, диаграммы.

Кратко ответить по существу... Проект А. А. Нольде как нельзя лучше соответствует новой экономической политике. Вместо пособий из казны, крохоборчества — деловой размах, коммерция, гарантированная прибыль. Полный резон всей государственной промышленности работать на таких началах^[41].

В этих видах подготовлено примерное Положение о тресте на полной самоокупаемости, об основах управления, правах.

Дальнейшее за Ильичем. Декреты Совета Труда и Оборона о государственном льняном тресте — хозяине рачительном, самостоятельном. О председателе правления льнотреста товарище А. А. Нольде. Инженере, бароне...

Адрес достаточно надежный. Для Ленина все более привычный.

«19. IX. 1921 г.

т. Куйбышев!

У меня сейчас были

Рутгерс,

Кальверт

и Хейвуд,

представители группы американской рабочей колонии, желающей взять Надеждинский завод и ряд предприятий в Кузнецком бассейне.

...(5) Они подчеркивают, что создадут твердую *администрацию* их рабочей группы: а всю группу (3000–6000 рабочих) подберут из *лучших* рабочих, большей частью молодых и холостых, *практически* изучивших соответствующее производство, живших в климатических условиях, похожих на русские (Канада или север Соединенных Штатов).

(6) Они хотят непосредственной зависимости от *СТО*. Нечто в роде автономного государственного треста из рабочей ассоциации.

Между прочим. Они говорят, что здесь, в «эмигрантском доме» живут 200 американских лесорубов. Большая часть без работы. Тоскуют по работе. Отправьте-де 30 из них в Надеждинский завод и 15 в Кузбасс *тотчас*, дав им полное снаряжение и пищу, а они *тотчас* начнут постройку деревянных бараков. (А потом и все 200 поедут.) Весьма просят поспешить с отправкой.

Говорят, что Гербек (? я не точно понял английское произношение) из *Промбюро* Урала дал им *согласие* на их план устно, а сибиряки (*Сибпромбюро*) письменно.

Говорящих по-русски рабочих возьмут 10–15 %. Могут и больше.

Прошу учесть все это.

Пред. СТО В. Ульянов (Ленин)».

Снова Ленин Куйбышеву. Спустя три дня.

«Посылаю Вам проект подписки, которую должны дать (в с_л_у_ч_а_е подписания договора) Рутгерс и в_с_е его люди, до каждого рабочего включительно.

Если согласны, предложите им...

1. Мы обязуемся провести это и к_о_л_л_е_к_т_и_в_н_о отвечаем за то, чтобы ехали в Россию только люди, способные и готовые сознательно вынести ряд тяжелых лишений, неизбежно связанных с восстановлением промышленности в стране, весьма отсталой и неслыханно разоренной.

2. Едущие в Россию обязуются работать с максимальным напряжением и наибольшей производительностью труда и дисциплиной, превышающими капиталистическую норму, ибо иначе опередить капитализм и даже догнать его Россия не в состоянии.

3. Обязуемся все случаи конфликтов без изъятия, какого бы рода эти конфликты ни были, передавать на окончательное решение высшей Соввласти России и добросовестно выполнять все ее решения.

4. Обязуемся не забывать крайнюю нервность голодных и измученных русских рабочих и крестьян вокруг нашего дела и всячески помогать им, чтобы создать дружные отношения, чтобы победить недоверие и зависть».

Еще Ленин — Куйбышеву. По прошествии одной недели.

«Вы видели вчера в СТО, как Рутгерс против нас выдвигает обвинения, против Вас сугубо. Дело это очень важное. Получит, несомненно, международную огласку... Очень прошу Вас записать или продиктовать нашей стенографистке (это меньше оторвет Вас от работы) весь ход дела, специально то, что Вы мне по телефону говорили...

Дело и в Цека поставлено. Точно и полно информировать и Цека и Профинтерн нам придется. Тов. Горбуцов устроит Вам с телефонисткой и пр.».

Вчера в СТО... На записке рукою Ленина дата: «30 сентября». Заседание Совета Труда и Оборона, где Себальд Юстинус Рутгерс, член корпуса королевских инженеров Голландии, держал угрожающую речь, состоялось также тридцатого сентября. В пятницу, в послеобеденные часы. А «вчера», потому что записку Ильич пишет поздно ночью, дома. К Валериану Владимировичу она попадет первого числа, уже октября.

По своей натуре Себальд Рутгерс — человек уравновешенный, сдержанный, необыкновенно доброжелательный. Инженер божьей милостью. В недалеком прошлом строитель Роттердамской гавани.

Директор управления строительством дорог и мостов на Суматре. Главный представитель Голландско-индийской железнодорожной компании в Америке. И всего важнее — коммунист. Делегат Первого конгресса Коминтерна. Надежный, убежденный друг Страны Советов.

В июне 1921 года Рутгерс, американский профсоюзный деятель Кальверт, их давний знакомый по Нью-Йорку инженер Мартенс — он какое-то время был неофициальным представителем Советской России в США — посылают Ленину свой проект. План создания в Кузнецком каменноугольном бассейне индустриальной трудовой колонии иностранных, по преимуществу американских, рабочих. «Рабочие из капиталистических стран, — пишут авторы проекта, — создают образцовое предприятие без капиталистов, без эксплуататоров, отказываются от прибыли во имя общего блага».

Первый отклик Ленина самый благоприятный: «По существу. Я — за...»

Рутгерс во главе небольшой изыскательской экспедиции отправляется на Урал и в Сибирь. Теперь со дня на день можно ждать подписания договора.

Со дня на день... Рутгерс все чаще посещает Валериана Куйбышева. С ним начинались переговоры, он подготовлял текст договора «архиточного», как требовал Ильич. Нисколько не скрывая своего более чем сочувственного отношения к трудовой колонии иностранных рабочих.

Принимает Куйбышев, как всегда, любезно. Внимательно слушает. Терпеливо повторяет: «Погодите еще немного... Для общей пользы придется еще потерпеть». Достаточно проницательный, обладающий большим деловым опытом, Рутгерс улавливает — Куйбышев чего-то недоговаривает. Переговоры дружественные двух единомышленников, преследующих одну и ту же цель. Все же раньше времени Валериан Владимирович не вправе открыть, что вся вина за опостылевшие, раздражающие оттяжки на одном из авторов проекта, хорошем приятеле Рутгерса инженере Мартенсе.

При встрече с Лениным, при объяснениях с Куйбышевым Рутгерс уверенно называет Мартенса своим союзником, ссылается на его авторитет. А от Мартенса телеграмма с Урала, из Екатеринбурга. «Воздержаться решением плана Рутгерса до моего возвращения». Прислушаться, взять во внимание обязательно надо. Только не едет, не возвращается Мартенс. Сам назначает сроки, и сам отменяет.

Из положения весьма-весьма деликатного выходить Куйбышеву. Уговаривать Рутгерса, успокаивать его помощников — американцев Билля

Хейвуда, Герберта Кальверта. — Увлекающихся, больше сентиментальных, чем деловитых. Склонных к обильным словоизвержениям.

Со дня на день... До тридцатого сентября. Ожесточившийся, вскипевший до неузнаваемости, Рутгерс говорит вовсе ненужное: «Вы поддаетесь саботажнику... мы ждать не хотим и не будем... мы не из-за денег стараемся...» Ночью Ленин пишет Валериану Куйбышеву...

Предписание Мартенсу: «Выехать немедленно и телеграфно сообщить время своего выезда».

Обнадеживающие строки Куйбышева: «...Все пункты подписки, которую Вы предложили для иммигрантов, приняты Рутгерсом и его товарищами без возражений».

Новый запрос Ленина: «Прошу Вас, в дополнение к материалу по делу Рутгерса, разъяснить еще...

Прошу Вас прислать мне Ваш ответ... *завтра, в четверг, 13/X*».

Телеграмма Сибирскому ревкому, сибирскому Промышленному бюро: «Соглашение с Рутгерсом достигнуто... Примите необходимые меры для безусловного исполнения. Доносите о принятых мерах телеграфно.

Пред. Совнаркома *Ленин*».

Текст официальный. Двадцать первого октября.

«Совет Труда и Оборона, с одной стороны, и организационная группа американских рабочих в лице гг. Хейвуда, Рутгерса, Байера, Кальверта и Баркера, с другой стороны, заключили между собой следующий договор...»

Председатель правления Автономной индустриальной колонии Кузбасс Себастьян Юстинус Рутгерс проводит последний день в Москве.

«Председателю СТО товарищу Ленину.

Прошу расширить мои полномочия и разрешить мне самостоятельно назначать и отводить членов организационного комитета до окончательного утверждения их СТО.

Рутгерс».

Два часа спустя.

«24. X. 1921 г.

тов. Куйбышев!

Прошу Вас обсудить это с Богдановым.

Если не согласны, *позвоните* мне.

Я з_а, ибо это не есть общее полномочие, а *лишь* право опротестовать личный состав «Орг. комитета»...

Ленин

P. S. Очень спешно, ибо Рутгерс уезжает в 5 часов».

В четыре часа тридцать минут в номере Рутгерса в гостинице

«Метрополь» телефонный звонок.

— Алло, товарищ Рутгерс! Говорит Куйбышев. Мы согласны с вашим предложением. Ваши полномочия утверждены. Всего хорошего, счастливого пути!

Доброй встречи тоже. Воззвание, написанное Куйбышевым накануне прибытия первой партии добровольцев-американцев:

«Необходима и возможна совместная работа иностранных и русских рабочих плечом к плечу в одной мастерской, в одной шахте над созданием фундамента единственного в мире рабочего государства...

Американские рабочие едут не в интересное путешествие, а на подвиг. Русские рабочие должны их встретить по-братски».

У автономной индустриальной колонии — маленького Интернационала в Сибири — впереди пять лет. Таких, что. не опишешь ни белой, ни черной, тем более розовой краской. Всего предостаточно. Радостей, разочарований, козней, свершений для своего времени огромных. Чтобы нагляднее — строительство, пуск химического завода в Кемерове. Кокс уральской металлургии, уголь сибирским железным дорогам, электричество таежным деревням...

Время от времени над колонией низко нависают тучи. Охотников разгромить, уничтожить ее вполне хватает. И в соперничающем угольном Кузбассстресте, и в московских хозяйственных центрах. Особенно старается, сил не щадит член Госплана инженер Федорович. Бывший директор-распорядитель Копикуза — французско-бельгийского акционерного общества, владевшего каменноугольными шахтами Кузбасса.

Для полного удобства там же, в Госплане, обосновался второй доверенный Копикуза — некий меньшевик Шалдун. Вдвоем доказывают: так называемая АИК экономически нежизнеспособна. Трудное хозяйственное положение страны диктует один-единственный выход — кузбасские шахты надлежит отдать иностранным концессионерам. Возможно, сами старые владельцы...

Комиссии, обследования, перепроверки... Заседания в Сибирском ревкоме, Госплане, в наркомате РКИ. С марта по ноябрь двадцать четвертого года. Покуда Совет Труда и Оборона не решает: во всем разобратся Куйбышеву В. В.

Разобратся... Ильич обычно писал ему: «Прошу кратко ответить по существу...» Из груды отчетов, протоколов, резолюций, из хитросплетения обвинений и контробвинений, из правды и вымысла отсеивает жизнеутверждающее. Чтобы колония могла существовать, чтобы надежно пустила корни в сибирскую землю, надо твердой рукой раздать, расширить

рамки. Не трястись, не крохоборствовать — весомо добавить еще шахт, еще предприятий.

Так и в окончательном постановлении СТО. «...Передать управление Ленинским и Южным районами Кузнецкого бассейна, а также Гурьевский завод правлению АИК Кузбасс».

Потом еще ноябрь двадцать шестого года. Рутгерс тяжела болен. Лечится в Голландии. В заместители ему Пятаков присылает выписанного из Донбасса «крупного администратора» Коробкина. С Коробкиным целый штат таких же «крупных специалистов». Сообща они прилежно разрушают колонию. Рутгерс из Голландии телеграфирует Куйбышеву. Иностранные рабочие — колонисты из Кемерово телеграфируют Куйбышеву. Коробкин со всем свое штатом отправляется под суд...

Всякий раз, когда тучи над колонией совсем-совсем сгущаются, а силы свои на пределе, Себальд Рутгерс, его помощники, продолжатели дела, призывают Куйбышева. Где бы Валериан Владимирович ни был — в ЦК, в Рабкрине, в ВСНХ. Призывают по праву своему бесспорному. Поручение Ленина...

В пятый день нового 1922 года Политбюро ЦК РКП (б) рассматривает просьбу коммуниста Куйбышева об отставке. С двух постов одновременно. В руководстве профсоюзами. В Высшем Совете народного хозяйства.

Без малейшей попытки прикрыть преследуемую цель. Превыше всего желательно ему быть начальником Главэлектро. Только Главэлектро!

«Эти обязанности столь велики, что должны поглотить все внимание и все силы лица, взявшегося за это дело. Между тем на мне лежат обязанности члена Президиума ВСНХ, члена Президиума ВЦСПС и целый ряд комиссий, связанных с этими должностями, перечислять которые было бы очень длинно...

Нет надобности доказывать чрезвычайную важность работы по осуществлению плана электрификации России. Без преувеличения можно сказать, что выход из современного трудного положения республики находится в прямой зависимости от наших усилий в области электрификации. Для этой колоссальной работы не грех посвятить специального работника, пользующегося доверием партии, освободив его от других обязанностей.

Если партия доверит мне это дело, я буду счастлив сосредоточить свою энергию на работе по поднятию электропромышленности, по строительству станций... по использованию действующих станций для подъема хозяйства страны. Но для этого я должен заняться специально этим делом».

Политбюро отставку отклоняет. «Оставить т. Куйбышева в Президиуме ВСНХ и ВЦСПС, предложив Бюро фракции ВЦСПС не возлагать на него никаких специальных обязанностей».

Если партия доверит мне это дело, я буду счастлив сосредоточить свою энергию на работе по поднятию электропромышленности, по строительству станций... и использованию действующих станций для подъема хозяйства страны. Но для этого я должен заняться специально этим делом».

Политбюро отставку отклоняет. «Оставить т. Куйбышева в Президиуме ВСНХ и ВЦСПС, предложив Бюро фракции ВЦСПС не возлагать на него никаких специальных обязанностей».

Неудача не сокрушает. Просто придется Валериану Куйбышеву еще признаться у «времени свободного» — у сна, отдыха. Слишком благороден предмет страсти, отнюдь не тайной.

Где, когда началась, как запала в сердце Куйбышева, покорила, как события развивались дальше — про все про это доискиваться особенно не приходится. Что самим Валерианом Владимировичем недосказано, дополняет товарищ его давний — по Питеру, Самаре, по годам последним московским — Николай Петрович Богданов.

В ту среду, двадцать второго декабря 1920 года, оба они занимают кресла в партере Большого театра. Делегаты менее удачливые, которым не хватает места в партере, амфитеатре, в ложах всех ярусов и в раковине, где обычно размещается оркестр, располагаются впереди кресел прямо на полу. Сидят, опираясь на протянутый канат. Сегодня утром в «Правде» о всех о них, одетых в солдатские шинели, рабочие куртки, крестьянские армяки и полушубки, лохматые бурки горцев, — о всех о них статья под точным заголовком: «Хозяева».

«...В первый раз собирается трудовой народ на свой съезд не с тем, чтобы обсуждать вопросы войны, а с тем, чтобы по-хозяйски поставить и решить хозяйственные вопросы».

В резком контрасте с полумраком, прочно воцарившимся в огромном, плохо натопленном театре, сильный, яркий свет внезапно заливает карту России. На авансцену к трибуне шагает Ленин. С увесистой книгой в руках.

«Мы имеем перед собой результаты работ Государственной комиссии по электрификации России в виде этого томика, который всем вам сегодня или завтра будет роздан. Я надеюсь, что вы этого томика не испугаетесь. Я думаю, что мне не трудно будет убедить вас в особенном значении этого томика. На мой взгляд, это — наша вторая программа партии».

Б_о_г_д_а_н_о_в: «VIII съезд Советов продолжал работу. На следующий день с докладом о плане электрификации России выступил Г. М. Кржижановский. Видимо, он очень волновался. Но с каждой минутой Глеб Максимилианович говорил громче, отчетливее, и вскоре перед нами был, как всегда, энергичный, уверенный «Глеб», как называли его между собой друзья.

В перерыве делегаты окружили Ленина. Среди других — крестьянин в дубленом полушубке, с жиденькой бородой. Долго он теребил в руках шапку, наконец осмелился, потянул Ильича за рукав и, когда тот оглянулся, сказал:

— Слово-то ГОЭЛРО больно корявое, не поймут его крестьяне, Владимир Ильич, вот значит как.

Ильич улыбнулся.

— Вот вы, делегаты, и объясняйте, что это такое план электрификации, что такое новая жизнь, что такое план ГОЭЛРО. Скоро крестьяне поймут,

какая хорошая штука этот план ГОЭЛРО, скоро, очень скоро ни один рабочий, ни один крестьянин не обойдется без этого слова...

Помню разговор с Владимиром Ильичем о резолюции съезда по плану ГОЭЛРО. Когда мы, члены редакционной комиссии, прочли, что съезд «просит ВЦСПС и Всероссийский съезд профсоюзов принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана», то обратились к Ленину — автору резолюции с вопросом, дескать, неудобно съезду Советов просить ВЦСПС, не лучше ли сказать «обязать или поручить».

Ленин ответил:

— Наши профсоюзы — это общественная организация, мы не можем диктовать им свою волю, именно поэтому мы и «просим».

Ленин видит Россию электрической. В книге английского писателя-фантаста Герберта Уэллса^[42]: «Можно ли представить себе более дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населенной неграмотными крестьянами... не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность?

В какое бы волшебное зеркало я ни глядел, я не могу увидеть эту Россию будущего, но невысокий человек в Кремле обладает таким даром. Он видит, как вместо разрушенных железных дорог появляются новые, электрифицированные, он видит, как новые шоссейные дороги прорезают всю страну, как подымается обновленная и счастливая, индустриализованная коммунистическая держава. И во время разговора со мной ему почти удалось убедить меня в реальности своего провидения^[43].

Будет, все будет! Даже в срок более короткий, чем намечал Ильич... Пока что привычно изгаляются враги — «электрофикция». Хихикает «Нью-Йорк тайме мэгэзин». На полстраницы карикатура: крестьянская убогая коняга впряжена в допотопную соху, а у хвоста коняги воткнут штепсель. Под карикатурой — «советская электрофикация!»

Оттуда же, из-за океана. Профессор Чарлз Протеус Штейнмец, чье имя в электротехнике называют вслед за именами Эдисона и Белла: «Мой дорогой господин Ленин!.. Если в технических вопросах и особенно в вопросах электростроительства я могу помочь России тем или иным способом, советом, предложением и указанием, я всегда буду очень рад сделать все, что в моих силах. Братски Ваш Ч. Штейнмец».

И из Берлина Альберт Эйнштейн, в оценке Ильичевой «великий преобразователь естествознания»: «Готов помочь ученым России».

В преддверии решающего наступления — разворота огромных работ начальнику главного управления электропромышленности — Главэлектро

— Валериану Куйбышеву еще приходится держаться активной обороны. «При упоминании о плане электрификации, — говорит он на съезде союза металлистов, — на тебя смотрят как на мечтателя, который в тяжелых условиях современности фантазирует о каком-то далеком берегу, о несбыточной идее и только мешает выходить из ежедневных затруднительных положений. Посему главная цель моего выступления получить заверение работников с мест, что план ГОЭЛРО рабочими массами понимается как твердое обязательное задание и что это задание во что бы то ни стало будет проведено в жизнь».

Само понятие «активная оборона» предусматривает энергичные действия, весомые проявления своей воли. К исходу 1921 года Куйбышев добивается государственного, совнаркомовского декрета о возложении на Главэлектро всех обязанностей по осуществлению плана ^[44] электрификации России. На основе мандата столь высокого Валериан Владимирович с сотрудниками занимает два больших зала в Деловом Дворе. А друг Николай Богданов со своим союзом строителей помещается в пяти минутах ходьбы — в подвале «Славянского базара», в недавнем прошлом ресторана громкой славы. Оба приобретениями весьма довольны.

При Главэлектро учреждается совет из отцов русской энергетики — инженеров, ученых. Во главе с Александром Васильевичем Винтером. Собеседником Ленина в декабре семнадцатого. По поводу строительства Шатурской электростанции на подмосковных торфяниках. Быть потом Александру Васильевичу начальником Шатурстроя. Ему же руководить строительством знаменитой станции на Днестре, у Александровска ^[45]. Это уже во второй приход Валериана Владимировича в Высший Совет народного хозяйства. Председателем.

Пока члены совета, Винтер, Куйбышев сообща бьются над тем, как оживить, наладить заводы бывшие Эриксона, Гейслера — основу основ электропромышленности. Дают они с муками меньше одной десятой довоенной продукции. Хотя развитой электропромышленностью Россия в царствование Романовых похвастаться не могла.

Трудно. Всего нехватка. Месяцами не наскрести жалованья. А начальник Куйбышев достает валюту, золото — все тратит на заграничные новинки. Для чужих, в штате Главэлектро явно не пребывающих... лабораторий Электротехнического института, Высшего технического училища, Иваново-Вознесенского политехникума.

Куйбышев больше и больше выходит за первоначально очерченные его «ведомству» рамки. Издаёт свой печатный всероссийский журнал. Трибуну

рыцарей ГОЭЛРО. Для целей еще не ясных создает особый радиоотдел, радиолaborатории. Заведовать приглашает еще одного одержимого. Шулейкин, академик. Из основателей русского радиодела!

В довершение Куйбышев сообщая с Винтером представляет правительству проект полной реорганизации Главэлектро. Выдвигает солидные доводы за создание наркомата энергетики. Осуществить планы не успевает. Всего через две недели открывается XI съезд партии. Валериана Владимировича избирают в члены ЦК. Затем на Пленуме, третьего апреля 1922 года, в секретари Центрального Комитета.

Совсем личные строки в воспоминаниях сестры Куйбышева Елены:

«В то время Поволжье было охвачено засухой и голодом. Меня привезли в Москву из поволжского села, в котором учительствовала, больную и изголодавшуюся. Я стала жить у Валериана.

В Москве я узнала, что незадолго до моего приезда умерла наша мама. Мне было очень тяжело, я глубоко страдала. Валериан утешал меня, рассказывал мне о ее последних днях.

Как-то у брата выдался свободный час, и я рассказала ему, как поразил меня яркий электрический свет. В местах, откуда я приехала, не только нет электричества, там трудно достать керосин. Я показала Валериану, как мы делали коптилки, чтобы осветить хотя бы часть стола. Я поведала о тяжелой деревенской жизни, о том, как трудно учиться голодным ребятам в холодных школах, без учебников.

Брат очень внимательно слушал меня. Потом стал говорить о тех мерах, которые предпринимаются для борьбы с разрухой. Особенно подробно о грандиозном плане электрификации страны, о том, какое значение Владимир Ильич Ленин придает созданию России электрической. Валериана очень увлекали проблемы электрификации».

Он вернется к ним, взвалит на свои плечи. Золотой осенью 1926 года. Почти сразу после назначения председателем ВСНХ.

Так в двадцать шестом. Девятого ноября в ВСНХ у Куйбышева цвет энергетиков. Валериан Владимирович заранее позаботился, чтобы никто не был обойден или нечаянно забыт. Слишком важная дискуссия.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «В ближайшее время будет окончательно решен вопрос о Днепрострое. Требуется мнение ВСНХ... Мы хотели бы в докладе автора проекта профессора Александрова услышать основные аргументы за постройку Днепрогэс. Техническая сторона более или менее освещена с точки зрения рентабельности постройки, в смысле дешевизны энергии и всего прочего. Нам крайне важно осветить экономическую сторону вопроса — почему Днепрострой, а не что-нибудь другое?.. Совершенно необходима

аргументация для того, чтобы устранить целый ряд имеющихся возражений, — это относительно целесообразности строительства Днепрогэс...

Я должен предупредить, что здесь имеются и сторонники и противники, причем я старался созвать противников как можно больше, чтобы осветить проблему со всех точек зрения и, наконец, получить истину. Так что вы, товарищ Александров, должны быть готовы к очень бурной атаке».

Говорить председателю ВСНХ ничего больше в начале обсуждения нельзя. Так же как Ивану Гавриловичу, профессору Александрову, негоже на таком заседании ссылаться на слова Ильича: «Я ваш сторонник и помощник...»

В голодную, лютую зиму двадцатого года председатель комиссии ГОЭЛРО Глеб Максимилианович Кржижановский нежданно-негаданно ведет Александрова к Ленину. Знакомит. Тут же шутливо предостерегает Владимира Ильича — профессор способен заразить и увлечь. Замыслы у него почти наполеоновские!..

Ильич охотно соглашается подвергнуться искушению. Говорит, нуте-с, выкладывайте, в чем преимущества, соблазняйте!

— Я надеюсь, вы извините, Владимир Ильич, мой утилитарный подход к революции и тем возможностям, которые она открывает... Сосредоточивая в одном месте падение воды, наблюдаемое ныне в пределах порожистой части Днепра, можно создать гидроэлектрическую станцию колоссальной мощности. Она даст силу, способную вызвать к жизни гигантские заводы, фабрики. На берегу рукотворного моря появятся порты, железные дороги, города. Все вместе — форпост отечественной индустрии, ради которой, по моему разумению, и была сделана революция.

Ленин на прощание: я ваш сторонник и помощник. Что же касается того, что председатель комиссии ГОЭЛРО называет проект несколько фантастичным, то я вам по секрету скажу — мы должны уметь фантазировать, уметь мечтать, оставаясь при этом архиреалистами.

В январе двадцать первого года в Москве, в Афанасьевском переулке, обосновывается новая проектная организация — Днепрострой. Во главе с Александровым. Четырнадцать полуголодных мечтателей-архиреалистов. Жалованье с перебоями. Обеды от случая к случаю. Но буровые станки, алмазы для бурения начальник Главэлектро Куйбышев безотказно закупает в Швеции. На золото! Чтобы на днепровских кручах у города Александровска начать должное изучение створа будущей гидростанции.

В пять следующих лет всяко бывало. Больше неприятностей,

недоверия, заключения экспертиз, более похожих на смертные приговоры. Выносили их по техническому недомыслию, косности, случалось, и по расчетливой подлости. Из стремления так или иначе покончить с «коллегами» — инженерами, учеными, твердо ставшими на сторону Советской власти. Незадолго до кончины в судьбу Днепростроя успевает вмешаться Феликс Дзержинский. Спасает проект Александра от окончательных похорон. Прекратить дальнейшие оттяжки решительно требуют руководители Украины — Влас Чубарь, Григорий Петровский. Теперь в Москве Куйбышев. К концу обсуждения доклада Александра он отказывается от подчеркнутой сдержанности. Высказывается более чем определенно.

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «Мне кажется — общая мысль, которая напрашивается и которая совершенно ясно вытекает из происшедшего обмена мнений, что если говорить о действительной большой реконструктивной работе, о большом предприятии, которое переконструирует нашу технику на совершенно новых началах, то товарищ Александров показал, что такой работой, пожалуй единственной работой, является постройка Днепростроя... Все остальные проекты, которые конкурировали с проектом тов. Александра, скажем в Госплане, они к реконструктивным не могут быть отнесены.

Днепростроя мы не можем отвергнуть!»

Ждать недолго. Совсем недолго.

Б_о_г_д_а_н_о_в: «В начале 1927 года я, как председатель ЦК Союза строителей, присутствую на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). За столом Сталин, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Орджоникидзе... Обсуждается, строить ли Днепрогэс своими силами, привлекая в необходимых случаях американских и немецких консультантов, или поручить строительство иностранным фирмам.

Рядом со мной сидит взволнованный Винтер. Быть или не быть? — читаю я на его лице немой вопрос. Председательствующий на заседании Сталин предоставляет слово Ворошилову. Климент Ефремович высказывается за строительство Днепрогэса собственными силами. Калинин, Куйбышев, Орджоникидзе решительно поддерживают его.

— Может быть, послушаем строителей? — обращается к нам Сталин.
— Пожалуйста, товарищ Винтер.

Александр Васильевич встал и уверенно заявил:

— Построим, товарищи члены Политбюро.

Он полуобернулся ко мне, как бы предлагая поддержать, и я добавил:

— Обязательно построим, ведь положительного решения так ждут все

строители, которые уже пустили Каширу, Волхов, Шатуру.

— Ну, а как же с иностранными специалистами? — спросил Орджоникидзе.

— Нас больше интересуют поставки турбин, оборудования и строительных механизмов, — ответил Винтер.

— Что вы скажете относительно консультантов? — переспросил Калинин.

— Если члены Политбюро считают нужным пригласить консультантов, — заявил Винтер, — мы не возражаем, конечно, это не помешает, но насколько эффективными будут эти консультации — покажет время.

— Значит, строим? — еще раз спросил Сталин и уже утвердительно добавил: — Будем строить сами, товарищи!»

На ранней майской заре паровоз с вагоном председателя ВСНХ минует Кичкасский мост у Волчьего горла, останавливается на правом берегу, у мало кому ведомого железнодорожного разъезда «Днепрострой». Начальник работ Александр Винтер ведет Валериана Владимировича к первой ряжевой перемычке. У скалы с выразительным названием «Любовь».

Официальная закладка гидростанции назначена на ноябрь — на день десятилетия революции. Но развернулись уже работы полным ходом. Уже по просьбе Куйбышева комсомол взял на себя общественное многотрудное попечение о строительстве. Уже на Днепровских порогах, на острове Хортица, у степного городка Кичкаса, шумит людское многоязычное вешнее половодье.

Председателю ВСНХ самое время подумать, позаботиться о заводах электрометаллургических, машиностроительных, об огромном индустриальном центре, что властно, неотвратимо призовет к жизни энергия Днепровской станции. Под ее первым камнем заложена медная пластинка. На века, на вечность высечено: «Во исполнение заветов мирового вождя пролетариата Владимира Ильича Ленина, усилиями трудящихся масс первого в мире рабочего государства...»

Валериан Владимирович никогда не прочтет другого. В «Правде» в день его похорон справедливые, точные Строки: «...пышным цветом разросшаяся сейчас энергетика выросла на почве, которую обрабатывал тов. Куйбышев, обрабатывал тогда, когда почва эта была не возделана и деревцо энергетики чахло».

Добрая привязанность, страсть, влюбленность. На всю жизнь...

У Валериана Владимировича гостя вовсе неожиданная. Не виделись с мартовской ночи 1913 года. Явился тогда в контору томской тюрьмы человек в черной кавказской бурке, в такой же лохматой папахе. С узлом теплых вещей. За Анной Ивановой. Политической из семнадцатой одиночки женского корпуса. Великодушно дозволено ей возвратиться до нового судебного разбирательства назад, в Нарымскую ссылку. Проехать пятьсот верст на перекладных лошадях. С грудным ребенком. В пургу и леденящую стужу.

Через глазок в двери камеры приглушенный голос старшей надзирательницы: «Собирайтесь скорее с вещами! За вами пришли». — «Кто пришел?» — «Ваш жених».

В голове Анны смятение. «Боже мой, какой жених мог прийти поздно ночью в незнакомом городе? Хватаю что ни попало и бегу с ребенком в тюремную контору. Навстречу встает мой друг, мой товарищ Валериан...»

По счету простому, арифметическому, между теми томскими хлопотами Валериана Куйбышева о товарище по ссылке, однодельце, жене друга, и новой встречей московской девять лет. Если по событиям, по переменам, свершениям, то целая вечность!

И_в_а_н_о_в_а: «В 1922 году, приехав из Сибири в Москву, я вновь встретила с Валерианом. Он — секретарь Центрального Комитета нашей партии. С вокзала я ему позвонила по телефону. Валериан встретил меня и повез к себе домой. Жил он с семьей в паре комнатушек, кажется, в здании старой гостиницы. Настоял, чтобы я у него остановилась. По случаю увеличения «населения» Валериан принес из ЦК продовольственное подкрепление: два яйца, два кусочка сахара и несколько ломтиков хлеба. А я привезла из Сибири фунт настоящего чая. Блаженствуем...

Рассуждаем о наших товарищах — нарымчанах и томичах. Кое-кто из добрых людей сбился с ноги, не устоял перед соблазнами нэпа. Слышу от Валериана категорическое: «Принадлежность к партии не дает привилегий, а только одни обязанности». Его сущность. При всех обстоятельствах он — работник партии. Там, где это считает нужным партия, и так, как этого партия требует».

Работник партии. Всегда. Везде. Без претензий, без амбиции. Его записка, предназначенная, должно быть, для Совнаркома:

«...Феликс (Дзержинский. — И. Д.-М.) сейчас волнуется «системой

управления». Система управления в настоящий момент должна быть в значительной мере подчинена интересам развития промышленности, индустриализации... Быть может, Феликс смог бы с этого угла сделать что-нибудь с «сумасшедшим домом». Инициативы у него много, и значительно больше, чем у меня. Когда он предлагал назначить его диктатором по «режиму экономии», это было, по существу, то же самое.

Соображения о моей амбиции должны отойти на задний план. Да и амбиция моя не будет задета — иначе я как-то устроен и не только подчинюсь любому решению, но действительно охотно и без какой бы то ни было обиды возьмусь за любую работу».

С апреля двадцать второго года Куйбышев в ЦК. С апреля двадцать третьего в Центральной Контрольной Комиссии и Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции — Рабкрине. Только что объединенных воедино. Наделенных огромными обязанностями, небывалыми правами.

Год между двумя назначениями. Не так чтобы очень много, и не слишком мало. А может быть, с самого начала задумано было Политбюро, что через некоторое время Валериан Куйбышев возглавит ЦКК и Рабкрин. Молод годами — только-только пошел тридцать пятый — так это скорее плюс.

С самого начала... Ни прямых доказательств, ни письменных свидетельств — ничего нет. Исключительно предположения, догадки. Еще детали — факты. Испытание временем вполне выдержавшие.

Слова Ленина на XI партийном съезде, том, что впервые изберет Куйбышева в состав ЦК:

«...Относительно Рабкрина. Дело гигантское... нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом».

Рабкрин — большая забота Ильича. Постоянно. Во все времена.

В свой первый трудовой день, девятого ноября 1917 года, председатель Совета Народных Комиссаров Ленин пишет «Проект положения о рабочем контроле».

В промежутки между обострениями болезни, девятого января 1923 года, Ленин начинает диктовать «Что нам делать с Рабкрином?». Вслед второй вариант — «Как нам реорганизовать Рабкрин. (Предложение XII съезду партии)». Из последних сил Ильич исправляет, передиктовывает абзацы, целые страницы. Посылает на обсуждение своему заместителю по Совнаркому Цюрупе, всем членам коллегии Наркомата РКИ.

Перед новым, самым беспощадным, приступом болезни, второго марта двадцать третьего года, Ленин диктует последнюю часть статьи «Лучше меньше, да лучше» — еще раздумья о Рабкрине.

«...Я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина. Вот в чем для меня состоит оправдание тех исключительных забот, того исключительного внимания, которое мы должны уделить Рабкрию, поставив его на исключительную высоту, дав ему головку с правами ЦК и т. д. и т. п....

Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрина. Вот для чего я планирую для него слияние авторитетнейшей партийной верхушки с «рядовым» наркоматом».

От раздумий Ильича о Рабкрине стежки — порой прямые, порой доступные лишь натренированному глазу — к занятиям Куйбышева в Центральном Комитете.

При первом распределении обязанностей между секретарями ЦК на долю Валериана Владимировича выпало направлять отдел агитационно-пропагандистский с секциями по работе среди национальных меньшинств. Особая забота об издательствах, культуре, высших учебных заведениях и Центральном бюро коммунистического студенчества. Об Институте красной профессуры, Институте истории партии.

И политическая информация. Рекомендации партийным комитетам — республиканским, губернским, областным, уездным — по текущим делам. Достаточно жизненным — выборы в Советы... программа Всероссийской переписи членов РКП (б)... уроки судебного процесса над партией правых эсеров... Обязательное, неизменное требование Куйбышева — все годы, на всех постах — ни при каких обстоятельствах не допускать «крикливо-ругательской агитации, не ошарашивать по лбу крепчайшими эпитетами».

С мая еще новое поле деятельности. Для Валериана Владимировича незнакомое. Ранее почти никем не тронутое. Председательствовать в постоянном совещании при ЦК по проблемам кооперации.

Для начального знакомства Куйбышев листает бумаги первого Всероссийского съезда сельскохозяйственной кооперации. Восемьдесят четыре делегата с решающим голосом. А по симпатиям политическим, по партийной принадлежности, собственноручно указанной, — эсеров тридцать два, кадетов и монархистов двадцать пять, столько же «просто кооператоров». Еще два коммуниста! Неухоженное, без присмотра оставленное^[46] поле, известно, быстро зарастает сорняками...

В политической обстановке 1922 года кооперативное поле особенно соблазнительно. Если в него врать, окопаться эсерам, меньшевикам, политиканствующей верхушке мнимобеспартийных, то бед натворить можно предостаточно. Жестокая борьба за овладение товарооборотом

между социалистическим и частнокапиталистическим укладами в самом разгаре. В розничной торговле еще более двух третей приходится на долю нэпманов.

Через короткое время Политбюро получает тезисы Куйбышева. Призыв к действиям самым решительным. Кооперацию необходимо рассматривать «как широкую арену классовой борьбы, где нужно проводить свою политику... Положение диктует нам переход от случайного, эпизодического, нерегулярного, несистематического влияния на кооперацию к постоянной, органической и систематической работе... Мы должны кооперативную работу держать под постоянным пристальным вниманием всей нашей партии, всех наших партийных организаций...».

В августе того же двадцать второго года на XII Всероссийской конференции РКП (б) особый доклад Валериана Куйбышева о путях кооперативной работы. Об исключительном экономическом и политическом значении кооперации всех типов. Конференция требует окончательно изжить эсеров-меньшевистское засилье в кооперативных организациях, обеспечить в них пролетарское влияние. К этому времени в губернских органах потребительской кооперации половина работников — коммунисты.

В «Правде», в номере за восьмое августа двадцать второго года, передовая статья — как бы признание усилий Куйбышева на неожиданном для него поприще:

«Подведены итоги и намечены пути кооперативной работы, вопрос о которой ставился, пожалуй, впервые так широко и вместе с тем так практически, как это было сделано на только что закончившейся конференции».

И пойдет одно за другим. Каждый раз более оправданно. Зачем-де поручать другому секретарю ЦК, когда у Валериана Владимировича есть уже опыт, навыки, умение. Достаточно такта, вкуса... За проблемами кооперации — насущные нужды внешней торговли, коренное улучшение аппарата Наркомвнешторга. Нельзя отложить — немедленно следует заняться также государственными промышленными трестами, хозяйственными объединениями. Кто во главе их, каковы социальная и партийная принадлежность, образование, деловые качества директоров, членов правлений? В ВСНХ, в партийных организациях отсутствуют близкие к правде сведения, мало-мальски точные цифры. Одни «белые пятна». С них начинать комиссии. Почти всякий раз самой комиссии!

Через полтора месяца Куйбышев представляет в ЦК первый доклад. Пока только по двадцати восьми московским трестам. Положение весьма

неважное. Из 137 ведущих работников пятьдесят три в дореволюционное время были владельцами, управляющими или старшими служащими этих же трестов. Много людей, случайно занесенных ветрами революции. Среди хозяйственников-коммунистов в этих объединениях лишь трое с высшим образованием. Еще одно подтверждение крайней важности быстрой перегруппировки сил. Формула Ленина: «Гвоздь положения — в людях»!

Сначала Политбюро, затем XII съезд партии обязывает комиссию Куйбышева свою деятельность продолжить. Покуда для всех 439 трестов страны не подберет директоров и членов правлений, способных поднять, двинуть дело. Крепенький орешек и далеко не единственный для Валериана Куйбышева. В год работы в ЦК.

Еще обязательные для Куйбышева — при всех занятиях — поездки по городам и весям. Губернии Иваново-Вознесенская, Екатеринбургская, в который раз Самарская. Чуть-чуть не состоялось и новое свидание с Астраханским краем. Никто другой — сам Валериан Владимирович помешал. В канун отъезда решил, нет, лучше Сергей Миронович! Астраханским большевикам он друг особенно близкий, дорогой. От него психологически легче принять неодобрение, строгость, меры крутые. По всему судя, сейчас этого не избежать... Недолгий разговор по телефону, и Киров с берегов Каспия на целый месяц отправляется в устье Волги.

Совсем особняком поездка Куйбышева в Грузию. Другого сорта испытание. Такта национального. Архичувствительного.

Небольшая предыстория.

Руководящая верхушка Коммунистической партии Грузии — Буду Мдивани, Окуджава, Цинцадзе, Думбадзе — упрямо воспротивилась образованию Закавказской федерации. Всякому сближению народов Азербайджана, Армении, Грузии. Правдами и неправдами требовала сохранения в каждой республике своей армии, своей валюты, своей внешней торговли, партийной автономии. Расчет не слишком хитрый — использовать выгоды географического положения Грузии, поскольку батумский морской порт имел важное значение для торговли с Западом, а в тифлисском железнодорожном узле были заинтересованы все республики.

После долгих объяснений, увещаний недостойные домогательства были отвергнуты. Грузия высказалась за братство — за федерацию. «Будисты» — так острые на язык тифлисцы немедля окрестили группу Буду Мдивани — демонстративно подали в отставку. Вовсе освободившись от полезных занятий, принялись обливаться грязью, поносить Закавказский крайком партии, Орджоникидзе, Кирова.

Двадцать четвертого ноября двадцать второго года Секретариат ЦК

РКП (б) назначил комиссию Феликса Дзержинского, для того чтобы установить прочный мир в Компартии Грузии.

«Комиссия выезжала в Тифлис, — сказано в строгих, беспристрастных записках секретаря Совнаркома Лидии Фотиевой. — Она закончила работу в декабре, и Ф. Э. Дзержинский доложил о результатах Владимиру Ильичу еще до его заболевания. Все это дело крайне тяжело повлияло на Владимира Ильича...

24 января Владимир Ильич вызвал меня и дал поручение запросить... материалы по «грузинскому вопросу»... Владимир Ильич добавил, что это нужно ему для партийного съезда...

14 февраля. Вечером Владимир Ильич вызвал меня снова. Затруднялся речью, видимо устал. Говорил опять по трем пунктам своих поручений. Особенно подробно — по тому, который его всех больше волновал, то есть по «грузинскому вопросу». Просил поторопиться. Дал некоторые дополнительные указания.

В следующие дни Владимир Ильич чувствовал себя плохо. Никого не вызывал. Хотел читать, но врачи отсоветовали...»

В субботу, третьего марта, Фотиева передает Ленину заключение о материалах комиссии Дзержинского. Непоправимо поздно. Ильича хватает только на то, чтобы продиктовать короткое письмо Махарадзе и Мдивани. Последнее его деловое письмо.

Теперь все берут на себя «проштрафившиеся» Серго Орджоникидзе и Феликс Дзержинский. Уговаривают, настаивают. Политбюро соглашается снова вернуться к «грузинскому конфликту». В Тифлис отправляется новая комиссия — Валериана Куйбышева. Умел же в Туркестане, Бухаре.

Кое-что Валериану Владимировичу достаточно знакомо. Сложная политическая обстановка, своеобразная социальная структура. Требование Ильича в первой телеграмме грузинскому Ревкому — избегать шаблона, держаться умелой гибкой тактики, идти на уступки национальной интеллигенции. Еще уйма тифлисских особенностей. Может быть, самая существенная — Буду Мдивани, Котэ Цинцадзе, особенно сотрудничающий с ними Филипп Махарадзе из большевиков-ветеранов. На Кавказе их привыкли считать солидными марксистами.

Житейская мудрость простая — свежим глазом видно больше. Только черное не становится белым. Того, что не существует, никогда не было, самая придирчивая проверка не в состоянии обнаружить. А во всем, что касается политики, национальных дел, Куйбышев, вся комиссия в полном согласии становятся на сторону Заккрайкома.

После выступления Валериана Владимировича на городском

тифлисском собрании ответственных работников все «будисты» изъявляют желание поставить свои подписи под мирным соглашением. Вроде бы недвусмысленно: «Федерация Закавказских республик признается как необходимая форма обеспечения национального мира на Кавказе и урегулирования межнациональных и международных отношений».

Еще римский историк Саллюстий писал: «Стоя, он говорит одно, а сидя — другое». Заранее, за две тысячи лет, предугадал, как поведет себя группа Мдивани. Накануне республиканского съезда коммунистов, когда теплится надежда, что удастся сыграть на стремлении Куйбышева восстановить единство в руководстве Грузии, говорят: «Да, без федерации нельзя. Невозможно!..» После провала на съезде — делегаты напрочь отказывают в голосах — вопль, стенания: «Нет, нет, нет! Никакой Федерации! Грузии — независимость!»

Мера ответная, беспощадная. По сговору предварительному, взаимному оба председателя «грузинских» комиссий Куйбышев и Дзержинский, главный «виновник» Орджоникидзе сообща оказывают крайнее давление на Секретариат ЦК. Принимается под их нажимом решение: пригласить на XII съезд РКП(б) Мдивани, Махарадзе, еще кого-нибудь из их группы.

Умелые трибуны, привычные к любым аудиториям, Мдивани, Цинцадзе, Махарадзе выступают по несколько раз. На пленарных заседаниях съезда, в секции по национальному вопросу. Никакого регламента, никаких ограничений. Вольно описывают «злые козни» Орджоникидзе. Никак не разгаданные Дзержинским и Куйбышевым. А делегаты все настойчивее: «Как умудрились вы, называющие себя старыми марксистами, кое в чем переплунуть царского наместника? Как угораздило вас издать декрет о «регулировании населения Тифлиса», неприкрыто направленный против армян и азербайджанцев? Ради чего запретили денежные знаки Советской России, соседних Азербайджана и Армении?»

Чашу приходится испить до дна. Из всех участников съезда лишь Троцкий с Бухариным и Раковским высказывают свои симпатии «будистам». Троцкий — в выражениях весьма категорических. Националистический душок ему вполне по вкусу. Бухарин и Раковский — со множеством оговорок.

Вскоре опомнится и большая часть «будистов», Филипп Махарадзе первым. Только Мдивани, Цинцадзе, Окуджава предпочтут укрепить союз с Троцким. Покатятся по наклонной... Это уже за пределами первой поездки Куйбышева в Грузию.

Просто сообщение Российского телеграфного агентства, прочитанное в газете «Заря Востока» за среду, шестого февраля 1924 года:

«Москва. На открывшемся Всесоюзном совещании Рабкрина и Центральной Контрольной Комиссии тов. Куйбышев сказал, что в основу работы положена мысль товарища Ленина о государственном аппарате, построенном в качестве главного орудия смычки между рабочим классом, стоящим у власти, и крестьянством: о создании образцового Наркомата. Каждая рекомендация, каждое решение Рабкрина должно быть абсолютно авторитетно, бесспорно, *внутренне* обязательно Для всякого учреждения, для всякого лица в Республике.

Задача еще далека от выполнения. Пока предварительно обтесываем топором сучковатый ствол государственного аппарата, прежде чем взяться за рубанок. Еще только нащупываем методы работы. Пытаемся работу карательную совместить с действительно прочным улучшением аппарата. Не поднимаем шума, не гремим, а серьезно, методически исследуем вопрос вместе с теми, кого проверяем. Вместе с ними и исправляем. Путь менее выгодный для нашей популярности, но более правильный. Его будем держаться.

Штат самого Рабкрина значительно сокращен, подчеркнул тов. Куйбышев, с 1300 человек до 400. Сокращение будет продолжаться, так же как и замена неподходящих работников. Новые работники должны подбираться из виднейших коммунистов рабочих, крестьян, по преимуществу, и студентов высших учебных заведений, готовых взяться за длительную, кропотливую работу по изучению дела научной организации труда и управления. Впервые при Свердловском коммунистическом университете открыто отделение по подготовке кадров для Рабкрина.

Какие недостатки Рабкрину удалось устранить? Своим вмешательством РКИ и ЦКК добились исправления крупных, принципиальных ошибок в экспорте хлеба, в собирании сельскохозяйственного налога. 17 процентов налогоплательщиков — преимущественно крестьяне-бедняки — освобождены от всяких податей. Вскрыты вопиющие безобразия и прямые злоупотребления, позволявшие частному капиталу улучшать свои позиции за счет государственной торговли и кооперации. В процессе обследования^[47] этого дела обнаружены те основные каналы и основные щели, через которые шла

поддержка частника.

Если партия в целях пополнения свежими молодыми силами привлекает в свои ряды огромное количество рабочих от станка, не менее двухсот тысяч, то ЦКК в тех же целях обязана исключить 50 тысяч примазавшихся, искателей привилегий. Идем на экстраординарную меру — чистку непролетарских ячеек.

В. В. Куйбышев указал, что необходимо обратиться к тов. Крупской с просьбой помочь РКИ и ЦКК в их деятельности, ибо она лучше других знает мысли товарища Ленина в момент работы над статьями о Рабкрине и после их опубликования.

Совещание единогласно постановило избрать почетным членом президиума тов. Крупскую и привлечь ее к работам по улучшению госаппарата».

В мае того же двадцать четвертого года на XIII партийном съезде Куйбышев в отчетном докладе о деятельности ЦКК:

«Если бы вы ближе ознакомились с диапазоном, размахом вопросов, стоящих у нас на повестке дня, то каждый из вас пришел бы в ужас от количества вопросов, которые нужно охватить. Приходится разбирать и хозяйственные вопросы, и вопросы просвещения, и вопросы администрирования, и военные дела, и дела отдельных коммунистов. Размах очень большой»^[48].

Еще обязательно надо раздобыть время, чтобы увидеть, услышать, войти в непосредственное общение с возможно большим числом людей. Самых разных. Но чтобы с каждым один на один. Когда глаза собеседника, манера держаться, нечаянно уроненная улыбка говорят больше приготовленных слов. Встречи постоянно. В Москве. В поездках. Осенью и зимой двадцать четвертого года Ярцево — поселок ткачей в Смоленской губернии, Эривань, Тифлис, нефтяные промыслы Апшерона, корабли Каспия, казачьи станицы Дона, шахты Украины.

На знакомство с новыми краями, людскими занятиями, обычаями, песнями — обстоятельство, для Валериана Владимировича далеко не последнее — нисколько не жаль потратить свой отпуск. Обычай, хорошо усвоенный всеми домашними...

Назад к делам.

В тетради «для памяти» запись, сделанная Валерианом Владимировичем двадцать восьмого октября 1923 года:

«Надо наконец положить предел несвоевременной выплате зарплаты... Принципиальный и важнейший вопрос момента. С одной стороны, в нем лежат почти все причины недовольства рабочих... с другой стороны, в нем

как в зеркале отражаются все грехи и беды нашей промышленности: разрыв с рынком, отсутствие оборотного капитала, несовершенство финансирования...»

Центральный Комитет образует особую комиссию по заработной плате. Ставит во главе ее Куйбышева, наделяет правами почти чрезвычайными. Неотложные меры, предложенные комиссией, полностью принимает Пленум ЦК. Текущее хозяйственное затруднение преодолено. От временной комиссии ничего большего не требуется. А Рабкрину свое только начинать. Доискаться, обнажить корень зла, подсказать, как выкорчевать.

Десятки контрольных групп разъезжаются по стране. На долгие недели. Для серьезного экономического исследования. Попозже, когда хозяйственники перейдут из классов подготовительных в высшую школу, набьют руку, поднакопят делового опыта, это покажется азбучно обязательным. Но в начальную пору становления результаты, добытые Рабкрином, — почти открытие. Прозаическая себестоимость кажется панацеей от многих-многих бед.

«Мы, — скажет Куйбышев впоследствии, — считали, я думаю, совершенно справедливо, что правильное установление себестоимости является важнейшим организующим началом; побудительным толчком к усовершенствованию производства, организационному улучшению аппарата, более разумному использованию рабочей силы и существующего оборудования. Этим самым мы поставили вопрос с головы на ноги и дали стимул для работы в совершенно другом направлении... Теперь идет речь о снижении цен. Оно очень сильно отразится на потребительских интересах рабочих и крестьян».

Заботы вроде бы ограниченные, чисто хозяйственные — зарплата, себестоимость, цена. А сколько за этим политики! Большой, трудной, самой интересной. Сколько копий еще будет сломано! При первом участии Валериана Куйбышева.

Два замысла противоборствующих. Никак не совместимых.

Куйбышев слушателям Коммунистического университета — будущим работникам Рабкрина: «Теперь идет речь о снижении цен». На металл, уголь, мануфактуру, соль, бумагу...

Пятаков, заместитель председателя ВСНХ, подчиненным ему хозяйственникам предлагал любыми средствами добиваться наибольшей прибыли, путем повышения цен перекладывая все убытки на потребителей. Ни больше ни меньше — чуть приглаженная идея Троцкого о безусловном праве города выжимать из деревни все до последнего. Неограниченно

эксплуатировать во имя... «диктатуры промышленности».

Схватка особенно острая разгорается на XIII партийной конференции. Сам Троцкий предусмотрительно отсутствует. На авансцене Пятаков, Преображенский, Радек. Вслед за привычным, стократ бездумно повторенным «сохранить высокие цены на промышленные товары» домогательство из ряда вон: открыть границы для иностранной «товарной интервенции», которая якобы принудит нэпманов пойти на дешевую распродажу. Необычайно радужная перспектива смычки русского крестьянства с заграничным купцом... Из ста двадцати восьми делегатов конференции с решающим голосом соблазняются... трое!

Срок придет. В двадцать шестом Куйбышев вернется в ВСНХ главным работником. Естественно, проявит повышенный, живой интерес к ценам. Как всякий хозяин рачительный, позаботится, чтобы... Желанный случай не замедлит представиться. Выступление на VII съезде профессиональных союзов:

«...Высокие отпускные цены создают нездоровую, ненормальную, тепличную обстановку на предприятиях. Действительно, если высокая отпускная цена обеспечивает при всех условиях большие накопления, то стоит ли тратить силы на рационализацию производства, на снижение себестоимости?»

Многими воспринимается как замах крайне опрометчивый — великий ущерб собственному ведомству. Почти то самое, что обрубить крепкий сук, на котором так или иначе держишься. Не прислушивается, не берет Валериан Владимирович во внимание. Напротив, в конце года на заседании Совета Труда и Оборона сам отрезает все пути к отступлению. «Снижение цен необходимо... Официальные данные положение дел приукрашивают, мне оно кажется угрожающим».

С председательского места вопрос, как бы вслух высказанное раздумье: «Целесообразно ли в официальном сообщении для печати о заседании СТО говорить о действительном положении с ценами?»

Куйбышев, глаз не отводя: «Крестьянин превосходно знает истину, скрыть ее от него невозможно, да и не нужно. Надо прямо и честно публично признать, что в этой области обстоит неблагополучно... Иначе вы не сумеете все общественное мнение, весь государственный, весь партийный аппарат заставить работать как нужно. Если внести хоть каплю успокоения, то это ослабит волю в борьбе за действительное удешевление розницы».

Покуда еще Рабкрин. Наркомат во всех смыслах: по Ильичевой заботе о нем, по размаху работ, по обязанностям, правам — по всем статьям

исключительный. Контролер, наставник, научный организатор труда и государственного управления. Так в описании наркома Валериана Куйбышева:

«Нами обследованы волостные и сельские органы власти, причем эта работа у нас тянется 6 или 7 месяцев. Но мы не жалеем, что тратим такое большое количество времени, потому что итоги будут очень существенны. Мы послали в 12 губерний свои группы, предварительно связавшись с местными партийными комитетами, с тем чтобы они не только оказывали содействие, но и принимали участие в обследовательской работе. Программа очень подробная, обязующая товарищей не только объехать и побыть сутки в каком-нибудь волостном исполкоме, но проработать там не менее месяца, чтобы досконально выяснить недостатки и сущность местного государственного аппарата.

Мы взяли для работы наиболее типичные губернии и получили много материалов. Вскоре мы сможем опубликовать очень ценную брошюру с предложением целого ряда практических мероприятий как партийного характера, так и конституционных. Последние будем проводить через ВЦИК и ближайший съезд Советов.

Нами произведена также большая работа по обследованию военного дела, давшая колоссальные результаты. Удалось отметить и основные недостатки армии и принять меры к их устранению. Это большой труд, он сопровождался объездом всех фронтов, всех округов с привлечением военных специалистов. Кстати, последний Пленум ЦК, обсуждая вопрос о реорганизации армии, счел необходимым подчеркнуть, что успешность работы комиссии Центрального Комитета облегчалась тем обстоятельством, что она пользовалась материалами, представленными Рабкрином».

Валериан Владимирович не задержится, перейдет к другому. До того, как последовать за ним, большой смысл заглянуть в книгу маршала Георгия Константиновича Жукова «Воспоминания и размышления». «...Пленум ЦК РКП (б) решил провести проверку деятельности военного ведомства, которая была поручена военной комиссии ЦК во главе с В. В. Куйбышевым... Общие выводы из анализа собранных фактов были безрадостны и резки. Стало ясно, что задачи укрепления вооруженных сил страны требуют коренной военной реформы. Предложения комиссии, утвержденные ЦК РКП (б), и легли в основу военной реформы.

В ходе реформы были организованы центральный и местный аппараты военного управления. Новый штаб РККА во главе с М. В. Фрунзе (помощники — М. Н. Тухачевский и Б. М. Шапошников) становился

действительно мозгом Красной Армии...»

Про мозг, про центр управления и научную организацию всякого труда — про все про это дальше у Куйбышева. В его лекциях-беседах со студентами Коммунистического университета.

«Всесоюзная конференция по научной организации труда (НОТ) была нами задумана, нами созвана и нами проводилась, под нашим руководством прошла.

Перед конференцией была очень длительная дискуссия о том, что такое научная организация труда и каковы методы работы по НОТ. Существовало даже несколько платформ, которые конкурировали между собою, и страстность полемики едва ли не достигла той страстности, которая была у нас во время партийной дискуссии.

Помню, я попытался примирить борющиеся стороны, потому что мне казалось, что особенно больших принципиальных разногласий не имеется между сторонами, резко выявляющими свои точки зрения на НОТ. Одну из них отстаивал т. Керженцев и некоторые другие, вторую — тт. Гольцман, Гастев и еще несколько профессионалистов. ВЦСПС становился на точку зрения Гастева в большей мере, чем на точку зрения Керженцева.

Я устроил сначала небольшое заседание в количестве 9 человек из представителей всех течений, выступив с примирительной линией, но моя попытка ни к чему не привела. Товарищи на этом маленьком заседании еще более обострили отношения между собою. Употреблялись слова вроде того, что «между нами пропасть», что одни являются представителями пролетарской позиции в области НОТ, тогда как другие отражают буржуазное влияние...

Решил все же попытаться примирить их на более широкой арене. Было устроено у нас в Рабкрине дискуссионное собрание, где присутствовало человек 70. Поставлен доклад и содоклад сторонников той и другой точек зрения. Я выступил опять, указав на возможность примирить обе линии, причем настаивал на избрании комиссии на паритетных началах, сам изъявлял согласие быть арбитром с тем, чтобы достичь какой-нибудь единой платформы, потому что совестно было появляться на этой Всесоюзной конференции в таком разделении.

Мое предложение было встречено негодованием с обеих сторон, меня называли оппортунистом, соглашателем, говорили: «вы не понимаете классового различия этих двух позиций». Мысль о создании комиссии для примирения получила самый резкий отпор...

По благословению Президиума ЦКК и Коллегии Рабкрин я сел за выработку своей самостоятельной платформы. Когда она была готова, я

призвал представителей крайних точек зрения — т. Гольцмана и т. Керженцева. Гольцман заявил сразу, что с моими тезисами абсолютно согласен и не имеет никаких поправок, а Керженцев хотя такого прямого ответа не дал, но и возражений своих не представил. Позднее подал свой голос «за».

Я рассказываю этот эпизод для того, чтобы характеризовать, насколько оторваны были течения по НОТ от действительности. За шумливой, показной принципиальностью ничего серьезного не существовало... Одни говорили о том, что принципы научной организации труда внедряются *только* путем заинтересованности рабочих, скажем, заработной платой и инструктажем. Это точка зрения Гастева и Гольцмана. Керженцев, упорно замалчивая эти методы, настаивал, что *только* самостоятельность рабочего класса, *только* самостоятельность рабочих организаций может улучшить положение производства. Ясно, что и то и другое должно применяться, противоречия между ними никакого нет. Кроме этих методологических расхождений, был целый ряд эффективно надуманных разногласий, которые на поверку не стоили ломаного гроша...

Конференция в конце концов приняла мою формулировку:

1. Необходимо категорически отвергнуть попытки трактования НОТ как целостной системы, тем более как готовой науки. Такое трактование, исходя из неправильного, немарксистского представления о возможности создания умозрительным путем совершенной системы организации труда, практически совершенно бесплодно и ведет лишь к праздным разговорам и к вредному теоретизированию.

2. НОТ надо понимать как процесс внесения в существующую организацию труда добытых наукой и практикой усовершенствований, повышающих общую продуктивность труда.

...Ряд товарищей, выступавших в дискуссии о НОТ, рассуждали таким образом, что наш строй диктатуры пролетариата является единственно благоприятным для развития и применения научных принципов в производстве и управлении. Перечисляются все условия, которые этому благоприятствуют: производство национализировано, наука не связана с буржуазным миром, конкуренция устранена, всякие усовершенствования могут быть применяемы повсюду и везде, тайны в усовершенствованиях нет и т. д. Дальше шли пренебрежительные замечания относительно научной организации труда при капиталистическом строе. Там-де все наоборот: там взаимная конкуренция, там тайна, там наука находится на службе у капитализма и т. д. И получалось такое впечатление, что там научная организация труда и применение науки к технике, производству и

управлению как будто бы совсем не имеет места. Это, конечно, совершенно уродливое искажение перспективы, совершенно неправильное представление о положении дела и вредная иллюзия, которая приучила пренебрежительно относиться к тому, что добыто опытом Запада, и слишком легкомысленно относиться к решению этой проблемы в наших условиях...

Далее я осмелился сказать совершенно прямо, что Интенсификация труда в нашей стране не может не быть поставлена нами как крайне важная задача и что в этой области мы должны работать. Тезисы т. Керженцева, которые были опубликованы до конференции в нескольких газетах, неопределенно, довольно неясно, но все-таки говорили, что работа в этом направлении является не чем иным, как простым перенесением тейлоризма^[49] в нашу новую обстановку и попыткой перенесения принципов эксплуатации рабочей силы в наши условия. Я думаю, что тут была кардинальная, принципиальная ошибка.

Разница не в том, что там капиталисты интенсифицируют труд, увеличивают его продуктивность, а мы этого не можем делать, — не в этом разница между нами и капиталистическим обществом. В наших условиях, при совершенно изменившейся классовой природе общества, увеличение интенсивности труда является не эксплуатацией, а тем, что рабочий класс вкладывает в строительство своего собственного государства больше энергии, чем раньше. И в моих тезисах говорится совершенно определенно, что мы живем в условиях конкурентной борьбы государственного капитала с частным, причем мощь национализированной промышленности, и без того технически несовершенной, подорвана гражданской и мировой войной. В этой обстановке тягчайшей экономической борьбы пролетарское государство вынуждено брать на свои плечи целый ряд задач, без выполнения которых оно не было бы пролетарским государством и не могло бы существовать как таковое... При такой политической и экономической ситуации является ребячеством или непониманием задач рабочего класса, или замаскированной борьбой с пролетарской диктатурой пренебрежение к проблеме повышения продуктивности труда в стране, где этот труд играет колоссальную роль в силу слабого развития техники.

В этой обстановке рабочее государство должно заимствовать из попыток западноевропейских и американских инженеров все положительные стороны их деятельности, игнорируя капиталистическую напиль на их работе. Еще в 1918 году Ленин писал в «Очередных задачах Советской власти»: «На очередь надо поставить практическое применение

и испытать сдельную оплату, применяя многое, что есть научного и прогрессивного в системе Тейлора». И дальше: «Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее».

Конечно, ударение в работе мы должны делать на повышение квалификации труда и улучшение его качества путем применения добытых наукой и практикой приемов, экономящих затрату человеческой энергии. Но было бы непростительной ошибкой принципиально отрицать возможность повышения интенсификации труда. Ничего общего с эксплуатацией рабочего класса, а лишь усилие самого рабочего класса для защиты и развития его собственного государства.

Это принципиальное положение, которое необходимо было утвердить. Дальше идет речь о том, какими методами и способами принципы НОТ внедряются в производство. Мною не отрицается и тот метод, который преимущественно пропагандировали тт. Гастев и Гольцман, т. е. метод инструктажа, с одной стороны, с другой — система заработной платы как один из важнейших факторов на предприятии, Я также не отрицаю необходимости самостоятельной организации рабочих по улучшению данного предприятия.

...Я выступил с моим докладом, и вслед за мною выступили Гастев, Гольцман и Керженцев, которые заявили, что целиком солидаризируются с моими тезисами, притом это сделано было не в порядке партийной дисциплины. На Президиуме ЦКК было подчеркнуто, что обязательного постановления для коммунистов нет и что голосование т. Керженцева — дело его личное...»

Как бы послесловие — записка от давнишнего друга еще по Самарскому трубочному заводу, наркома РКП Российской Федерации Николая Шверника:

«Здорово, Валериан!

Ну, сегодня мы должны быть преисполнены глубокого удовольствия, что наконец-то дело научной организации труда поставлено твоим докладом на рельсы, по которым оно медленно, но верно будет катиться к осуществлению намеченной Владимиром Ильичем цели.

Ты очень популярно, не чопорным языком, как обычно нотовцы это делают, изложил сущность предстоящей работы.

Особенно хорош анализ применения НОТ в капиталистическом обществе и в СССР.

Ура! Победа будет за нами».

Всего в ряду — 168.

Наименьший — 19.

Сумма в ряду — 35

54 — 54

Рядовые числа — 114.

РМ — 10-5

20-5

Сумма — 19

Угол — 10

сумма — 5

сумма — 6 — 15 38.

Сумма — 4

Смо — 8

NE — 6

Занятия — 6

24 57

Закуп - 62.		
Матр. - 62.	122.	
Мин. - 102.		
Обед - 92	142.	262.
		<u>83.</u>

Остается - 312.

Комисс - 152.

Прим - 102. 252.

Маршм - 62.

~~62. Мр. Оубила~~

Итого абачева.

Дел - 168 кред 168

Страницы из записной книжки В. В. Куйбышева.

Время свидетельству из лагеря недружественного, вовсе враждебного. Непримиимо враждебного. Ответ Троцкого участникам Октябрьского объединенного Пленума ЦК и ЦКК на вопрос элементарный:

— Почему же вы не используете легальных путей, почему действуете через голову ЦК и в случае несогласия с ним не обращаетесь в Центральную Контрольную Комиссию?

— Потому что там Куйбышев. Потому что Куйбышев и другие члены ЦКК, которые поддерживают Куйбышева, выступают за активное недоверие оппозиции...

На XIV партийном съезде. Борьба в самом накале. Новый управляющий «трестом уклонов» — публикой весьма-весьма

разношерстной — Зиновьев выступает с особым содокладом о деятельности ЦК. Сталин от партии. Зиновьев от оппозиции...

Зиновьев сразу увесистые камни в Куйбышева, По его несомненной вине Центральная Контрольная Комиссия утратила свое первородство, свое особое место в партии. Не соблюдает нейтралитета, неприкрыто вмешивается в борьбу на стороне ЦК. Выступление Куйбышева на Московской губернской партийной конференции предвзято от начала до конца. Цифрам, оглашенным им, верить нельзя. Не середняк, зажиточный крестьянин дает товарный хлеб. Куйбышев не понимает. Куйбышев должен уйти!

Уже было. И ярость необузданная, и медоточивые посулы, и вероломства сколько угодно. Без успеха только.

Куйбышев на XIII съезде партии:

«Нам льстили, говорили, что мы орган равноправный с ЦК, и отвечаем только перед съездом, и потому «нужно иметь собственную линию, нужно быть как можно больше независимыми от Центрального Комитета...» Эта соблазнительная позиция «над партией», над происходящей борьбой, в результате которой должны быть решены судьбы партии, ее единства, ее целостности, ее большевистской линии, — эта соблазнительная позиция не соблазнила Центральную Контрольную Комиссию. Мы ее решительным образом отвергли... ЦКК состоит из старых большевиков, и они знают, что примиренчество и соглашательство всегда, как правило, являются поддержкой нападающего, поддержкой дезорганизатора. И мы безоговорочно и без всякого колебания пошли вместе с ЦК. За что над нами издевались. Хватало и угроз...»

А схватка на Московской конференции седьмого декабря 1925 года, цифры, названные Валерианом Владимировичем, они о хлебе насущном. О том, кто дает хлеб стране — на прокорм, на экспорт, для запаса специального. По устрашающим уверениям оппозиции, товарный хлеб у кулака, более деликатно — «у крестьянина зажиточного». В подтверждение: «Вот он, хлебофуражный баланс Центрального статистического управления».

Нельзя Наркомату контроля верить вслепую, просто так, на слово. Даже на слово статистического управления — по замыслу ведомства безупречного. Полная проверка на местах. Сплошная — от края до края. Результат Валериан Куйбышев оглашает на партконференции. Главный кормилец, поставщик товарного хлеба отнюдь не кулак. Пугаться не из-за чего. Если только «новой оппозиции» в видах собственных, фальшивых!

В декабре 1925 — на XIV партийном съезде, в июле двадцать шестого

— на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК — доклады Куйбышева. В защиту партии, в защиту социализма. Против раскольников, трусов, политиканов. Доказательства строго взвешенные, неумолимые. От них не уйти, их не опровергнуть «новой оппозиции», «объединенному блоку» перерожденцев. Так же как в годы, предшествующие выступлениям, статьям Валериана Владимировича, ничего не могли противопоставить воинствующие поклонники Троцкого, демократические централисты, «рабочая оппозиция». Ничего, кроме личных выпадов, злобной брани.

Навсегда прощаясь с Куйбышевым, его друг Ян Рудзутак напишет в «Комсомольской правде»: «С той же энергией, с какой он ликвидировал белогвардейщину, укреплял Советскую власть, Валериан ведет жестокую борьбу против всех антипартийных течений, пытавшихся подменить ленинизм слюнявой мелкобуржуазной контрреволюцией».

При всей непримиримости, органическом отвращении к компромиссам председатель ЦКК, глава Рабкрина Валериан Куйбышев вновь и вновь требует от всех контрольных комиссий:

«Нужно 20 раз взвесить, нельзя ли такого члена партии исправить, нельзя ли его возвратить в наше лоно путем перевода его на другую работу, путем изменения обстановки, путем окружения его пролетарской средой».

В стенограмме одного из пленумов ЦКК:

«В. В. Куйбышев предлагает указать партийным органам на необходимость более полного привлечения к работе и использования способностей тех, кто ошибался во время дискуссии и затем пришел к нам, подчинился большинству партии, кто хочет идти с партией».

Директор Центрального института труда (ЦИТ) А. К. Гастев обращается к Валериану Владимировичу: «В Харькове есть коммунист Рожицин. Не можете ли его перекинуть в Москву? Он хочет работать в ЦИТе». В ответ: «С Украины т. Рожицина я полагаю взять даже полезным: у него есть очень серьезные теоретические уклоны, и здесь, в Москве, он скорее выправится».

Всегда. Во все годы. На всех постах: «Всякое неправильное утверждение, неправильное обвинение или обвинение, чрезмерно преувеличенное, создает очень трудную атмосферу для работы, и такая критика уже перестает воспитывающе действовать».

Какие-то обстоятельства в свое время мешают редакции «Правды» обнародовать статью Куйбышева, его размышления о самокритике. В столе остается первый — рукописный экземпляр:

«...Цель, преследуемая самокритикой, заключается в том, чтобы на основе живой активности широких масс вскрыть имеющиеся в работе

недочеты, ошибки, проявления бюрократизма и т. д. — с одной стороны, а с другой — показать примеры наилучшей работы, могущих послужить образцом для других; отобрать лучших работников и разоблачить наихудших...

Нужно вести беспощадную борьбу с бесхозяйственностью, решительно бичевать недочеты и ошибки, но тон и характер критики должен сообразовываться с важностью и значимостью критикуемых явлений. Самокритика, решительно вскрывая все недостатки и ошибки, должна способствовать их исправлению, но отнюдь не шельмовать, не дискредитировать работников. Научить лучшему хозяйствованию, лучшему использованию всех средств и возможностей, но отнюдь не лишать рабочий класс, партию и страну тех ценных, нужных и преданных, хотя бы иногда и ошибающихся работников, но которые еще могут дать лучшие результаты, показать примеры хорошего ведения дела.

...Самокритика должна иметь и будет иметь крупнейшее воспитательное и культурное значение при должном руководстве. Задача, так сказать, количественного порядка должна быть усложнена и дополнена работой по повышению качества критики.

Поднимая рабочие массы на самокритику, нужно постепенно переходить к их учебе: как писать, на чем должно быть заострено внимание, что стоит в центре хозяйственной жизни данного предприятия, как разбираться в фактах и явлениях, как их проверять, как добиться большей правдивости и т. д. и т. п.

Наряду с этим должны быть предъявлены несравненно более повышенные требования к критике, идущей не со стороны рабочих и крестьянских масс. Здесь вправе ставить требования полного и всестороннего знания критикуемых явлений и фактов. Ибо здесь меньше всего допустимы ошибки со стороны критики.

Необходимо ввести самую суровую ответственность для тех, кто под флагом самокритики пытается травить хозяйственников, кто критикует ради критики, кто самокритику превращает в орудие борьбы против рабочего класса и интересов социалистического строительства, орудие личной борьбы и мести... Всячески поощряя рабочую самокритику, к партийным организациям и органам Рабкринна должно быть предъявлено требование нести полную ответственность за печатаемые ими сведения, их содержание, тон и характер...»

На рукописи дата — 1928 год. Слишком вперед. Много чего произойдет до того.

— Август, 3, 1926 год.

«Несмотря на то, что уход тов. Куйбышева означает огромный ущерб для работы ЦКК — НК РКК СССР, все же Президиум ЦКК находит, что, принимая во внимание чрезвычайную важность для партии и страны развития промышленности и руководства ею, кандидатура тов. Куйбышева на пост председателя ВСНХ СССР является наиболее подходящей».

Совсем недавно, несколько дней назад, председателем ВСНХ был Феликс Дзержинский. Человек, самый близкий Валериану Владимировичу. Был...

Смерть всегда кажется безжалостной, преждевременной. Это особенно. Скорее насильственная, чем естественная. Хотя ни пули, ни яда, боже сохрани, никаких окутанных тайной злодеяний не было. Только...

День в день, месяц назад, Феликс Эдмундович пишет другу:

«Дорогой Валериян!

...Мы из этого паралича^[50] не вырвемся без хирургии, без смелости, без молнии. Все ждут этой хирургии. Это будет то слово и дело, которого все ждут. И для нашего внутреннего, партийного положения — это будет возрождение... Нам нужно во что бы то ни стало сплотить все силы около партии. Хозяйственники играют тоже большое значение. Они сейчас в унынии и растеряны. Я лично и мои друзья по работе — тоже «устали» от этого положения невыразимо.

...Кроме вопросов управления, нам надо серьезно, не так, как сейчас, поставить и разрешить вопросы

о дисциплине труда

о кооперации

о частнике и спекуляции

о местничестве.

У нас сейчас нет единой линии и твердой власти. Каждый комиссариат, каждый зам и пом и член в наркоматах — своя линия. Нет быстроты, своевременности, правильности решений.

Я всем нутром протестую против... тех, кто наверняка поведут и партию и страну к гибели, т. е. Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Шляпникова. Как же мне, однако, быть? У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством, если возьмем

потерянный темп, ныне отстающий от требований жизни...

3. VII 26 г.

Твой Ф. Дзержинский»^[51].

Значит, еще семнадцать дней. От третьего до двадцатого июля.

Один из очевидцев — чешский коммунист, работник Коминтерна Богумир Шмераль, напишет назавтра в «Правде»: «Дзержинский часто судорожно прижимал левую руку к сердцу. Позже он обе руки начал прижимать к груди, это можно было принять за ораторский жест...»

Вмешивается председательствующий. Для того чтобы осведомиться, сколько времени еще нужно Дзержинскому. Не отнимая руки от сердца, Феликс Эдмундович отвечает: «10–15 минут». Голоса (все происходит на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК): «Без ограничения времени!»

Д_з_е_р_ж_и_н_с_к_и_й: «Вы — свидетели уже не один день, как меньшинство желает вывести из равновесия большинство, и я не буду на такие реплики обращать внимания, ибо чем мы больше обращаем внимания на эти выходки, тем больше мы этим даем возможность оппозиции нашу деловую работу дезорганизовать». (Голоса: «Верно!»)

Вывести Феликса Дзержинского из равновесия, сбить они не в силах. Все «похоронщики революции» сообща. Он скажет все. Договорит до конца... Тихонько выйдет из зала. Приляжет на диван в комнатухе за сценой. Попросит держать его в курсе прений. Через два с половиной часа возьмет портфель, медленно пошагает домой. Доберется. Упадет на пол у самой кровати. Врачи констатируют смерть. Двадцатого июля в 15 часов 40 минут.

Какое-то время Куйбышеву терпеть Пятакова в ВСНХ. По должности — заместителя председателя. По делам — умелого, ловкого пакостника. Терпеть — и собирать новых работников. Они придут в разное время. Несхожие между собой. По жизненному пути, характеру, возрасту. Большевики из первых — участники всех трех русских революций. Делегаты комсомола. Ученые с именами многоговорящими. Заводские практики. Вчерашние студенты-вузовцы. Все вместе опора Валериана Владимировича. Стратеги и тактики баталий гигантских за свою отечественную промышленность. За страну индустриальную, крепко стоящую. Независимую.

Пятеро самых близких, Куйбышевым в первую очередь призванных, тоже очень разные. Семен Лобов. Петербургский потомственный рабочий. С завода Розенкранца, «Красного выборжца» впоследствии. В своем Петрограде много лет глава совнархоза и Северо-западного

промышленного бюро ВСНХ.

Иосиф Косиор. Тоже из рабочего старинного рода. Только с южнодонецких заводов. Потом ссыльный поселенец на Енисее. После побега — нелегальный партийный организатор в Москве. В начале гражданской войны рядовой красногвардеец. Ближе к концу командарм на Южном и Северокавказском фронтах. На Кавказе оставаться Косиору долго. Возвращать к жизни грозненские нефтяные промыслы.

Еще другой «нефтяной король». Главный, бакинский. Александр Серебровский. В Петербурге дореволюционном он слесарь. На Китайско-Восточной железной дороге путевой обходчик. В Одессе, Иваново-Вознесенске, Уфе, Москве рабочий механических мастерских. Разные фамилии, «виды на жительство», занятия. Единственно неизменное — большевик. С 1903 года. Со времени зарождения большевизма как политического течения, как самостоятельной партии.

Долгая беседа «обо всем» с Лениным. Летом девятьсот девятого в Париже. Серебровский только что бежал с каторги. Приговорен к пятнадцати годам за «антиправительственную деятельность в армии».

— Сколько вам лет, Александр Павлович? Двадцать пять? Поступайте учиться... — советует Ильич.

Инженер Серебровский защищает диплом в Бельгии. Большевик Серебровский защищает свою — Октябрьскую революцию в Петрограде. Руководит Красной гвардией... Неожиданный ночной вызов к Ленину весной двадцатого. «Вы назначены председателем Бакинского нефтяного комитета. На сборы сегодняшняя ночь. Мандат уже заготовлен».

Оживает Баку. Первые пароходы с нефтяным товаром прорывают блокаду, являются в Константинополь. Дерзкий, неслыханный вызов американской «Стандард ойл», английской «Шелл». Бушуют страсти на мировом нефтяном рынке. Грозовые тучи в Москве. Будущие лидеры «треста уклонов» требуют обуздать «купца Серебровско-го». Телеграмма Ильича: «Действуйте смело и решительно... Вы знаете, какую я выдерживаю атаку со стороны известных Вам лиц по поводу «бакинской вольницы», но я верю Вам, знаю Вас и потому не обращаю внимания на все эти нападки».

Орден Трудового Красного Знамени номер один — Серебровскому. Нефтяной король Америки — Рокфеллер приглашает на деловое свидание «нефтяного короля» из Баку...

Моисей Рухимович. Харьковчанин. Как бы единый в двух лицах. Флегматичный, замкнутый студент Технологического института и едва ли не главный трибун революционного подполья, руководитель нелегальных

кружков на заводских окраинах. В Октябрьские дни председатель Харьковского губернского ревкома. Политический комиссар на фронтах. Управляющий донецким угольным трестом, всеми южными металлургическими заводами.

Валерий Межлаук. Два университетских диплома. Факультеты юридический, филологический. Преподаватель русского языка и литературы. Обстоятельствами открытый талант военачальника. В продолжение пристрастие к металлургии — производству смелому, поумному рискованному. С реакцией мгновенной, собранностью предельной.

По извечному закону природы вокруг деревьев могучих, твердо утвердившихся в глубину ушедшими корнями, молодая буйная поросль. Вся устремленная в будущее. Коммунисты — выпускники Института красной профессуры. По приказу Куйбышева каждому начинать с должности самой скромной. И жезл маршала в ранце *солдата*. Геннадий Смирнов в неполных тридцать два года будет председателем Госплана СССР. Захар Сушков — начальником крупных строителей. Константин Розенталь — заместителем наркома.

А официально аккредитованному при президиуме ВСНХ представителю ЦК комсомола Василию Воробьеву...

Письмо из Рязани Василия Ивановича Воробьева, директора комбината химического волокна. Десятого февраля 1969 года.

«Осенью 1925 года было принято решение об учреждении института представителей комсомола в хозяйственных органах. Задачей этих представителей являлась защита интересов рабочей молодежи в трудоустройстве, охране труда и профессионально-техническом образовании.

Я был назначен первым представителем ЦК ВЛКСМ в ВСНХ. Председателем президиума ВСНХ был Ф. Э. Дзержинский, которому я был представлен секретарем ЦК ВЛКСМ Н. П. Чаплиным.

После смерти Дзержинского председателем президиума ВСНХ стал В. В. Куйбышев. Я шел на первый прием к Валериану Владимировичу с глубоким внутренним волнением и известной робостью. Но все мои волнения быстро исчезли, и беседа стала протекать в совершенно непринужденной обстановке. Простота, душевность, обаяние Валериана Владимировича меня пленили. Впоследствии мне приходилось много раз присутствовать на заседаниях президиума. Посчастливилось бывать и на узких совещаниях в кабинете Куйбышева. На одном из таких совещаний были И. В. Косиор, А. П. Серебровский, В. И. Межлаук, И. А. Краваль. Мне сильно понравились отношения между столь высокими командирами

промышленности. Обсуждали крупные вопросы, а обращались друг к другу просто, тепло, называли Куйбышева Валерианом, а он, в свою очередь, называл по имени других товарищей. К этой простоте и теплу взаимоотношений располагал Валериан Владимирович, и это, конечно, не означало снижения с его стороны необходимой требовательности.

Мне приходилось встречаться с Валерианом Владимировичем также в личной жизни среди его близких товарищей. Никогда он не подавлял своим присутствием, тем более не подчеркивал своего высокого положения.

В узком кругу, да и на вечерах отдыха, Валериан Владимирович любил петь, особенно старые революционные песни и чаще всего «По пыльной дороге телега несется»...Играли в городки, в шахматы. Всегда с огромным увлечением. В городки постоянным партнером Куйбышева был редактор «Торгово-промышленной газеты» Соловьев. Выиграть у них было почти невозможно, а хотелось!

Вернусь к первой встрече. Я тогда же почувствовал, что при исключительно большом и теплом внимании со стороны Валериана Владимировича к молодежи, ее нуждам мне легко будет в отделах и управлениях ВСНХ выполнять поручения ЦК комсомола по вопросам труда и образования рабочей молодежи.

Так оно и было в действительности. Делу подготовки квалифицированных рабочих для промышленности придавалось все больше внимания. В ВСНХ республик, в главках и трестах были созданы отделы профтехобразования.

Завершалось восстановление промышленности, осуществлялась ее реконструкция, приближалась героическая первая пятилетка. Валериан Владимирович в беседах и на заседаниях президиума ВСНХ подчеркивал, что новый период, в который вступает промышленность, потребует огромного количества специалистов с высшим и средним техническим образованием. Потребуется квалифицированных рабочих, обладающих хорошими профессиональными навыками и теоретическими знаниями.

В сентябре 1927 года ВСНХ созвал Всесоюзное совещание по профессионально-техническому образованию. В своем вступительном слове В. В. Куйбышев говорил о взятом партией курсе на быструю индустриализацию страны, сформулировал требования промышленности к высшей и средней школе, обещал всемерную поддержку техническим вузам и научно-исследовательским институтам^[52]. Для успешного руководства промышленными предприятиями, говорил Валериан Владимирович, нам потребуются крупные организаторы, культурные, обладающие солидными знаниями, из людей рабочего класса. Куйбышев

обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой создать в Москве Всесоюзную промышленную академию. На первый курс было принято более ста слушателей.

По рекомендации Валериана Владимировича в Пром-академию был принят и я. Он мне посоветовал идти на химический факультет. Слушателям нашего факультета Валериан Владимирович не раз рассказывал об огромных планах химизации народного хозяйства, о необходимости быстро развивать производство искусственного волокна — дело в те годы совсем незнакомое, неслыханное.

Сам Куйбышев дружил, часто встречался с основателем русской биохимии А. Н. Бахом. Нередкими гостями председателя ВСНХ были знаменитый физик А. Ф. Иоффе, минералог и непревзойденный знаток Урала А. Е. Ферсман, нефтяник И. М. Губкин, энергетики Г. О. Графтио, А. В. Винтер. Из Калуги приезжал К. Э. Циолковский с неизменным круглым футляром для заветных чертежей. Нам, молодым, он казался рассеянным стариком, человеком, безнадежно ушедшим в свои несбыточные мечтания. Куйбышев, наоборот, относился к нему необыкновенно внимательно, не жалел своего времени. Постоянно спрашивал: «Чем вам помочь? Что для вас можно сделать?»

По окончании Промакадемии (мне тогда было 24 года) весной 1930 года я был направлен на строительство Могилевской фабрики искусственного шелка (Могволокло-строй). Какое это было замечательное время, незабываемые годы первой пятилетки! Воля масс, все преодолевающие людские руки творили почти невозможное. В августе на голом болотистом месте началось строительство. Земляные работы выполнялись вручную, грунт отвозился на грабарках, вся «механизация» ограничивалась укосинами, бетоно-и растворомешалками. Но уже в ноябре некоторые корпуса были подведены под крышу, а ровно через год — в тринадцатую годовщину Октября — получены первые нити советского искусственного шелка.

Газеты «Правда» и «Комсомольская правда» опубликовали наш рапорт о пуске Могволоклостроля и просьбу к правительству присвоить фабрике имя Валериана Владимировича Куйбышева. С тех пор фабрика в Могилеве (ныне называется завод) достойно носит свое доброе имя».

Еще свидетельства о тех годах неповторимых. Записки людей бывалых. Не очевидцев, не свидетелей — участников первостепенных.

На Брянском заводе, под Екатеринославом^[53]. Инженер Иван Бардин. Пока только инженер. До избрания в Академию наук еще пять лет.

«В воздухе определенно чувствовались новые веяния. Воздвигался Днепрострой. Реконструировались старые домны. Серьезно заговорили о проектировании и постройке коксовых печей. Перед инженерами, перед строителями, перед людьми, желавшими видеть страну обновленной, культурной, мощной, счастливой, открывались увлекательнейшие перспективы, о которых давно мечтали русские инженеры. Я взволновался. Я не мог оставаться равнодушным и быть в стороне.

Наряду с другими заводами ВСНХ намечал расширить и реконструировать также и наш Брянский. Мы вошли с ходатайством, чтобы коксовые печи строились и у нас. Конкурентов было много, но наше ходатайство было удовлетворено.

Технически строительство новых коксовых печей представляло для нас, инженеров, большой интерес. Коксовый газ шел на отопление домен. Это было ново и незнакомо. Ведь мы, старые русские инженеры, учились и работали в те годы, когда коксовая техника в России была слишком примитивной. Поэтому начатое в 1927 году строительство печей было само по себе интересно и своим техническим новшеством. Тут и большой проект, и незнакомые до сих пор масштабы, и новый строительный процесс. Мы, инженеры, изголодались по интересной работе, мы были утомлены застойным однообразием технической мысли и с большой горячностью приступили к строительству, вкладывая душу в это замечательное дело.

К этому времени уже появились и первые ласточки из Кузбасса и с горы Магнитной. Началась организация Гипромеза. Наша техническая мысль зашевелилась. Инженеры должны были дать ответ стране — готовы ли они работать.

Приближался и крутой поворот в моей жизни. Я меньше всего об этом подозревал. Никакого особого значения знакомству с председателем ВСНХ Куйбышевым не придавал. Просто в его приезд на Брянку откровенно поговорил с ним о том, о сем. Но что за этим последует вызов в Москву, предложение взять на себя строительство гигантского металлургического комбината в Сибири...»

В Харькове Степан Бирман. В прошлом не очень далеком председатель Будапештского Совета рабочих депутатов, крупный хозяйственник, руководитель Югостали.

«В мае 1927 года у нас в Югостали собрались директора и руководящие работники заводов южной металлургии. Приехал Валериан Куйбышев. У нас уже был выработан план действий. Постройка новой большой механизированной доменной печи на Макеевском заводе —

первой современной домны в Союзе; постройка Новых доменных печей на Енакиевском и Юзовском заводах; новой мартеновской печи в Макеевке; постройка новых современных коксовых печей; установка 13 мощных импортных газовоздуховных машин; сооружение нового грандиозного трубопрокатного цеха и мощной электростанции в Мариуполе.

С огромным вниманием ознакомился Куйбышев с этим планом, просиживая с нами до поздней ночи. Затем он отправился на заводы, чтобы на месте проверить целесообразность нового строительства. Он увлекся перспективами, которые сулил этот план, размахом его, казавшимся исключительно грандиозным. Со смелой решительностью Валериан Владимирович дал свое согласие на проведение этого плана, заранее зная, что в правительстве придется основательно повоевать — с председателем Совнаркома Рыковым особенно.

Школа ли подполья, гражданской войны, особенности ли характера — не берусь судить, но за Куйбышевым прочная репутация руководителя, охотно принимающего на себя все бремя ответственности. Первые проекты Магнитки, Кузнецка, Запорожстали, Азовстали, Криворожского завода — все с его благословения».

У Бардина встреча с Куйбышевым в Брянке под Екатеринославом. У Бирмана — в Харькове. Большая поездка председателя ВСНХ. В сущности, с зимы прошлого, 1926 года. От Волхова, Ленинграда до крайнего Юга. Все Приднепровье, Донецкий бассейн, Мариуполь, Николаев.

«Я решил объехать предприятия металлургии и машиностроения, — говорит Валериан Владимирович луганским паровозостроителям, — чтобы увидеть нужды каждого отдельного завода, чтобы при составлении будущих планов развития этих отраслей промышленности быть в состоянии своим личным наблюдением исправлять возможные дефекты и ошибки. Я объехал уже двадцать предприятий металлургических и отчасти машиностроительных. Я буду еще на пяти заводах, кроме вашего.

Поездка дала мне очень много материалов, для того чтобы в будущем дать соответствующий толчок для развития металлургии и машиностроения. В результате объезда я с большим правом и настойчивостью буду предлагать правительству обратить особое внимание именно на эти отрасли, потому что нужды, недостатки, нехватки, которые я видел на всех заводах, доказали мне, что нужно во что бы то ни стало с ними справиться, иначе мы не пойдем вперед и будем отставать по всему хозяйству в целом...

После личного ознакомления с состоянием заводов у меня есть достаточно основания настаивать на том, чтобы в будущем году этим

отраслям промышленности придать значительно более быстрый рост, ассигновать на них значительно больше средств».

И в продолжение, в развитие — реплика Куйбышева лидерам троцкистско-зиновьевской оппозиции на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК (июль — август 1927 года): «Тот, кто не был на месте, кто не посещал заводов, кто не заглядывал туда, вниз, где творится наша будущая экономика, тот не может себе представить, какой огромный творческий процесс происходит на каждом заводе, на каждом предприятии».

После Пленума снова по стране. Иваново-Вознесенск — текстильный край. Потом Нижний Новгород. Оттуда бросок за Уральский хребет. В Свердловск, на партийную конференцию с докладом о деятельности ЦК.

Обгоняя Куйбышева, туда же, в Свердловск, прибывают особо доверенные эмиссары оппозиции Белобородов и Мрачковский. В прошлом популярные уральские работники. Если не они, то кто?

Никто! Голый король, всего только голый король... Доклад Валериана Куйбышева, восторженно принятый конференцией уральских коммунистов, — торжество строгой правды над эффектным вымыслом, над хитрой клеветой.

О_п_п_о_з_и_ц_и_я: «Стране угрожает кулацкая опасность... Государственные предприятия СССР имеют несоциалистический характер. Плохо работают, а прибыль их не идет в карман рабочих».

К_у_й_б_ы_ш_е_в: «Социальная природа промышленности зависит отнюдь не от качества работы предприятий, а от формы собственности, от того, кто владеет средствами производства. Общественная собственность, власть в стране рабочего класса, в последние годы значительно увеличившего свою численность, неизмеримо окрепшего, определяют новый тип отношений между участниками производства. Прибавочный продукт государственной промышленности хотя и не идет рабочему непосредственно, но в конечном счете поступает всем трудящимся, всем членам общества.

В нынешнем, 1927 году цензовая (крупная) промышленность обобществлена на 98 %, оптовая торговля на 96 %, а вся промышленность (включая кустарную) — на 87,7 %, торговля (вместе с розницей) — на 84 %. Обобществленный сектор уже определяет собою общее направление и развитие...

Октябрьская социалистическая революция доказала, что пролетариат нашей страны в силах свергнуть буржуазию и осуществить рабочую диктатуру. Военная победа в гражданской войне доказала, что пролетариат вместе с крестьянством в силах отстоять завоевания революции. Теперь,

восстановив разрушенное хозяйство, пролетариат и крестьянство должны доказать, что они в силах не только догнать, но и перегнать капиталистический мир, что они в силах успешно построить социалистическое общество.

Меркой стало уже не прошлое России, а будущее СССР. Начиная с 1927—28 года мы, так сказать, покидаем берега прошлого и вступаем в такую полосу развития, подобия которого нет ни в прошлом у нас, ни в истории других стран. Мы вступаем в период переустройства, реконструкции всего общественного уклада на новой технической базе при новых социально-экономических отношениях».

Намерение Валериана Владимировича на Урале задержаться подольше. Объехать заводы древесной металлургии, добраться до Березников и Соликамска — своими глазами увидеть залегания калиевых руд. Время не позволяет. Второго декабря открывается XV партийный съезд. Съезд подготовки наступления социализма по всему фронту.

Впервые в истории становится возможным определить сроки и темпы великих социалистических преобразований. Сроки неслыханно сжатые. Темпы небывало быстрые. наших советских пятилеток!

В канун решающего наступления партия изгоняет из боевых порядков безнадежных, неисправимых «похоронщиков» революции. С Троцкого, Зиновьева начиная. Новые силы, новые люди входят в Политбюро. Валериан Куйбышев в том числе. Девятнадцатого декабря 1927 года на Пленуме Центрального Комитета.

Пять дней спустя передовая статья в «Правде». Подпись: В. Куйбышев. Вроде как бы заключение ко всем делам, наблюдениям, встречам в десятом году от Октября.

«Сегодня мы подводим итоги десятилетней работы наших советов народного хозяйства — органов управления советской промышленностью...

Десять лет — немалый период в истории промышленности любого государства. Для нашей же страны это десятилетие составило буквально целую историческую эпоху. Оно вошло в ее историю не только принципиально новой главой. Мы с полным правом можем констатировать, что те темпы, которые показало развертывание промышленности при диктатуре пролетариата, являются единственными в своем роде, являются такими образцами бурного подъема, каких не знала еще история человечества. Немногие представляли себе, что в такой сравнительно небольшой срок, как шесть лет мирного хозяйственного строительства, можно не только подойти к довоенному уровню, но и тем более выйти за

его рамки.

В чем же лежит объяснение того, что жизнь превзошла даже самые оптимистические предположения о возможностях развития промышленности в первое десятилетие?

...Рабочий класс явил на протяжении этих десяти лет такую творческую энергию, такое самопожертвование, сознание исторической ответственности и волю к победе на хозяйственном фронте, которые не могли не вывести и вывели наш Союз в кратчайший срок на путь возрождения и расцвета промышленности.

...Если поступательное развертывание промышленности оказалось неизмеримо более успешным, нежели это вначале думалось, то это произошло также и потому, что в основе нашего хозяйствования лежала плановость. И тут мы недооценивали всех преимуществ советского строя, не в полной мере представляли себе, каким мощным орудием мы владеем в деле преодоления и подчинения стихии интересам целого. Больше того, мы смело можем сказать, что на первых порах далеко не всюду метод планового подхода к разрешению проблем хозяйственного строительства применялся и осуществлялся среди работников промышленности.

Этим орудием мы только теперь *начинаем* овладевать, мы еще не всегда умело пользуемся им, но с каждым годом это умение становится все большим и большим, и в этом лежит второй залог того, что в новом десятилетии советская промышленность сможет практически подойти к разрешению поставленной партией задачи — не только догнать, но и перегнать развитие капиталистических стран...

В своем докладе на XI съезде партии В. И. Ленин говорил: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем». Нужно ли теперь, когда это «ускорение движения» становится фактом, доказывать, что в наших условиях — в условиях экономики нашей страны — этот путь является единственным, обеспечивающим устойчивость и постепенное развертывание промышленного развития страны?

...Истекшее десятилетие подводит нас к новому периоду, который будет обозначать все возрастающий удельный вес промышленности в советском народном хозяйстве. Индустриализация страны, являющаяся основным стержнем всей нашей хозяйственной политики, предопределяет громадную роль, а вместе с тем и накладывает исключительную

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ...»

Не шумливое, деловое название. Пятилетка. Пятилетний план развития. После завоевания власти в Октябре семнадцатого, после введения нэпа в двадцать первом нет в жизни страны перепашки более глубокой. В экономике, в классовой структуре общества, в сознании людей. Испытание, всесторонняя проверка у человечества на виду возможности построения социализма в одной стране. Одной во всем враждебном мире.

Борьба предельная. Вовне и внутри. С «медленным шагом, робким зигзагом» правых. С закусившими удила «левыми». С выжидающим болотом. Со всевозможными охотниками поквитаться с Советской властью.

Три первых варианта пятилетки ЦК начисто отменяет. Как полностью противоречащие Ильичем проложенному курсу. На индустриализацию, на промышленную революцию. Еще в марте восемнадцатого года Ленин: «У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

Четвертый вариант разрабатывать Валериану Куйбышеву. Председателю ВСНХ со своими сотрудниками.

Полгода поисков предельно трудных. Притом что в экономике весьма-весьма неблагоприятная конъюнктура. Повсюду спрос на хлеб и продовольствие превышает предложение. Быстро растут цены, появляются очереди. Не хватает также промышленных товаров.

«Товарный голод в известной мере даже обострился, — обращается Куйбышев к коммунистам — работникам ВСНХ. — Растет производство, и в то же время растет товарный голод.

Тут как будто противоречие. Ни в одной стране мы не видим такого темпа роста промышленности. В лучшие времена наиболее быстро развивающиеся страны увеличивали свою продукцию на шесть-семь-восемь процентов в год. Мы же шагаем десятками процентов, а товарный голод тем не менее есть. Это объясняется, с одной стороны, тем обстоятельством, что благосостояние населения в нашей стране растет быстрее возможности расширять промышленность, и, с другой стороны, здесь играет роль наша политика цен. Мы сознательно ведем политику постоянного снижения цен, что определенно играет значительную роль в соотношении между спросом и предложением...

Я хотел бы остановиться на одном ложном выводе, который делают

некоторые, иногда и в нашей коммунистической среде, из этой самой конъюнктуры. Есть такие государственные деятели и отдельные члены партии, которые думают, что если так дело обстоит, если о г массы товаров, выбрасываемых на широкий рынок, зависит целый ряд явлений народохозяйственной жизни, зависят успехи нашей работы, то, значит, надо все силы, все внимание отдать легкой индустрии... Начинают раздаваться голоса о некоторой ревизии тех постановлений партии, которые были до сих пор у нас в части наибольшего форсирования производства средств производства — форсирования тяжелой индустрии. Правда, товарищи еще не осмеливаются сказать о ревизии, товарищи не осмеливаются еще говорить о том, что нужно пересмотреть решения, но они говорят о коррективах, говорят о том, что не генеральная линия должна быть пересмотрена, а что под влиянием конъюнктуры должен быть сделан какой-то сдвиг в другую сторону — в сторону легкой индустрии.

Тут мы стоим перед крайне опасным обстоятельством. Повторяю, перед крайне опасным обстоятельством, потому что, как бы ни приковывала нашего внимания конъюнктура, мы не должны терять из поля зрения генеральной линии нашего развития. Если бы мы ударились в панику под влиянием этих конъюнктурных явлений, если бы мы под влиянием и давлением конъюнктуры забыли о путях нашего развития, то мы наделали бы огромных ошибок, непоправимых ошибок с точки зрения нашего продвижения к социализму и в конце концов мы не выбрались бы из этих конъюнктурных трудностей, которые сейчас многих так сильно пугают.

Вот от чего бы я хотел предостеречь всех вас. Нужно во что бы то ни стало выкинуть из нашего сознания такой конъюнктурный подход к тем задачам, которые перед нами стоят... Конъюнктура может быть одним течением, но большевик всегда умел и умеет плыть против течения. Это было в истории нашей партии не один раз. Надо теперь как никогда уметь сметь и уметь мочь плыть против течения, против этих как будто бы железных законов конъюнктуры...

У нас часто теряется представление о том, что каждый из нас, по существу, есть не заведующий тем или иным отделом, не заведующий тем или другим крупным хозяйственным делом, не председатель треста, не председатель Высшего Совета народного хозяйства, а каждый из нас является прежде всего членом партии, которому поручено партией определенное дело. Надо забыть, что у нас у каждого есть какой-нибудь чин. Мы перед партией ответственны за тот участок, который нам поручен, — не больше.

Конечно, во всяком государственном деле неминуемы определенные лестницы, определенные ступени, во всяком государственном деле не миновать подчинения одного другому, не миновать того, что должна быть служебная дисциплина. Но и при наличии этой служебной дисциплины, которая может иногда у отдельных работников вступать в конфликт с его партийной совестью, при наличии этой служебной дисциплины каждый из нас должен отдавать себе ясный отчет каждодневно и каждую минуту, что он прежде всего является членом партии, поставленным на определенный участок партийной работы. Потому что хозяйственное восстановление страны, хозяйственное возрождение ее к социализму есть не что иное, как задача, поставленная партией, и партия на эту задачу выделяет определенный отряд. Нас с вами!

Каждый из тех товарищей, которые достигли успехов, должен помнить, что имеется где-то ваш другой товарищ по бою, по отряду, который встретил непреодолимое препятствие и который при всей энергии не может выполнить задачи, перед ним поставленной...»

Когда тропа, чуть приметная, совсем обрывается или заводит в тупик — всякий раз твердая, дружеская рука. Сергея Кирова из Ленинграда, Станислава Косиора с Украины, Роберта Эйхе из Западной Сибири, Ивана Кабакова с Урала. За каждым крупнейшая партийная организация. Цвет рабочего класса, новой интеллигенции.

Еще Глеб Максимилианович Кржижановский. Тот самый, докладчик ГОЭЛРО. Сейчас он председатель Госплана. В партии пользуется особой симпатией, уважением огромным. Так Кржижановский с высокой трибуны XV съезда партии:

«Мы без всякого ведомственного самолюбия считаем, что намеченное в пятилетке ВСНХ является приемлемым и для Госплана в качестве наиболее благоприятного варианта».

Контрольные цифры съезд утверждает. «Решающий и главный момент во всей хозяйственной политике пролетариата... наиболее быстрый темп развития тех отраслей тяжелой промышленности, которые способны в кратчайший срок умножить материальные силы и поднять обороноспособность Советского Союза, преодолеть экономическую зависимость от капиталистического мира, содействовать преобразованию сельского хозяйства...»

Теперь с рубежа исходного к окончательно выверенному, отшлифованному пятилетнему плану.

Во враждебном лагере подтянуты все силы. Огонь из орудий главного калибра. Кулацкие мятежи, вредительство, злостный бюрократизм

участников «Промпартии», «Союзного бюро меньшевиков», «Трудовой крестьянской партии». Печальной славой выступление Бухарина. Серия статей, всего больше похожих на некрологи, заместителя наркома финансов Фрумкина. «Темпы пятилетнего плана непосильны. Возникшие трудности непреодолимы... Пятилетка безнадежно разорит страну, погубит Советскую власть... Сначала материю и сапоги, потом гиганты промышленности».

В Ленинграде, в огромном белом с двумя рядами колонн зале Смольного, Куйбышев советуется с рабочими-коммунистами.

— Если мы пойдем тише, если мы пойдем более робким шагом, то это обречет страну на еще большие трудности в будущем. Не дано нам историей тише идти!

Ответ немедленный, категорический:

— Потому, товарищ Куйбышев, настаиваем внести в пятилетку: «Тракторостроение на «Красном путиловце», мощные турбины на Металлическом, освоение естественных богатств Хибин»... Миرونчик возил тебя, показывал!

Продолжение самое прямое. Разговор председателя ВСНХ. с донецкой делегацией, шахтерской.

— Придется пойти на некоторые жертвы, потуже за-; тянуть пояса, но у нас с вами нет другого выхода.

— Бывали времена и похуже, — от всей делегации проходчик Тутаев. — В двадцать первом году с голоду пухли, а шахты восстанавливали. Все стерпим, если нужно будет. Назад дороги у нас нету, только вперед.

Непримиримость, твердость позиции — да. Бой — да, жесточайший. Предвзятость — ни в коем случае. Ущерб истине — тем более. Полностью несовместимо со святостью дела, благородством небывалого замысла. Не в характере Валериана Владимировича тоже. В накал страстей он заявляет:

«Мне кажется, с самого начала в дискуссии нужно создать такую обстановку, когда техническая мысль получила бы возможность развиваться и аргументироваться до конца... Я хотел бы уже теперь установить, что допустимы очень большая горячность и страстность споров, но должно быть исключено взаимное заподозривание, потому что если это будет иметь место... тогда никакие споры невозможны».

Год следующий. Одна тысяча девятьсот двадцать девятый! Истории хорошо знакомый год великого перелома.

Текущий репортаж в уральской областной газете:

«В феврале на степной площадке около горы Атач поставлена белая

парусиновая палатка; ночью к ней приходят волки... В палатке стол, лавка, портрет Ленина, большой кованый сундук и кусок шпалеры, на котором написано большими печатными буквами: «Контора Магнитогорского строительства. Первый прораб Магнитостроя тов. Сидоренко живет в этой палатке».

В конце популярная частушка:

*Эх, мне милка написала:
Встречай, милый, у вокзала.
Телеграмму милке дал —
Привози с собой вокзал.*

Вокзалы, эшелоны в затылок друг другу, палатки, костры, помятые кружки с кипятком. С насиженных мест подняты миллионы, чтобы составить великое товарищество первопроходцев, начинателей.

Раньше других инженер Иван Бардин. По вызову Куйбышева. Сейчас, в поздний вечерний час, у них долгое свидание.

«Мы были одни у него в кабинете. Валериан Владимирович подробно расспрашивал о кузнецкой площадке, видел ли я ее, что она собой представляет, как, по-моему, должны быть развернуты подготовительные работы.

— А проект Фрейна, как вы его находите?

Я не считал нужным обрушиться с критикой на этот проект и ответил, что идея его, во всяком случае, правильная.

Куйбышев заинтересовался:

— Нельзя ли увеличить размеры доменных печей?

Валериан Владимирович встал и продолжал говорить со мной, прохаживаясь вдоль огромного письменного стола. Часто он взглядывал на меня большими, по-детски чистыми, проникновенными глазами. И вдруг он обратился ко мне необыкновенно тепло, дружески:

— В Сибири теперь зима, Иван Павлович, холод, мороз трескучий. А хорошо! Я люблю сибирскую зиму. А вы не боитесь холода? Ведь вы, кажется, южанин. Ничего, ничего, сибирские морозы не так страшны, как их представляют себе непосвященные. Там очень интересные места, я их хорошо знаю^[54]...

Куйбышев немного помолчал.

— Сибирь, Сибирь! — продолжал он. — Тупые русские цари превратили ее в каторгу, и поэтому Сибирь пугает, она кажется страшной.

Помните у Герцена! Недавно я вновь перечитал. Я сейчас найду вам это место.

Куйбышев достал «Былое и думы».

— Вот послушайте: «Сибирь имеет большую будущность; на нее смотрят только как на подвал, в котором много золота, много меха и другого добра, но который холоден, занесен снегом, беден средствами жизни, не изрезан дорогами, не заселен. Это неверно. Мертвящее русское правительство, делающее все насилием, все палкой, не умеет сообщить тот жизненный толчок, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед...»

Конечно, строить в Сибири, создавать там социалистическую Америку будет нелегко. Многое будет зависеть от людей. Есть ли у вас такие люди, на которых можно будет положиться и быть уверенным, что они серьезно возьмутся за дело? Вы имейте в виду, — заключил нашу беседу Валериан Владимирович, — что это глубокая разведка партии в завтрашний день нашей страны. Это будет замечательное завтра. И это очень почетная задача для инженера. Вам не один из них позавидует.

Куйбышев протянул мне руку:

— Счастливых вам успехов!»

Весна замешкалась где-то на юге. Только к концу апреля исчезают провисшие над крышами тучи. Стихают дожди. Валериан Владимирович, смяв кепку в руке, неторопливо двигается по Мясницкой^[55]. От почтамта к Кремлю. Навстречу широким шагом постоянно перегруженный необычайно важными заданиями репортер «Вечерней Москвы» Николай Зубов. Из недавних командиров-пограничников.

Поравнялись. Узнать Зубов сразу узнал. Тем более сегодня утром в газетах портрет и доклад Куйбышева на XVI партийной конференции о пятилетием плане развития народного хозяйства. Немедля привычный рефлекс журналиста: «Догнать, взять интервью!»

Валериан Владимирович внезапной атаки не отбивает. «Ладно. Что успею, покуда дойдем до Кремля». У Спасских ворот прощаются. Зубов на предельной скорости в редакцию. Прямо к ответственному редактору.

— Что, интервью с Куйбышевым?! Об окончательном утверждении первой пятилетки? Сейчас же на машинку! — Вдогонку: — Коля, Николай Иванович (впервые по отчеству), виза где, у тебя?

— Что еще за виза? Не на границе же мы.

Редактор меняется в лице.

— Ты. что? Неужели не допер?! Куйбышев член Политбюро,

председатель ВСНХ. Без визы невозможно... Ох!

Теперь больше терять нечего. Зубов в комнате репортеров берет трубку городского телефона.

— Кабинет председателя ВСНХ, быстро!

Соединяют с помощником Куйбышева.

— Говорит Николай Зубов из «Вечерней Москвы». Товарищ Куйбышев дал мне сегодня интервью. Так вот, редактор требует визы.

— Минутку, я доложу Валериану Владимировичу.

Чуть погодя:

— Товарищ Зубов, давайте редактора к телефону. Может быть, согласится на мое устное свидетельство. Потом вооружим его бумагой для полного спокойствия.

Редактор заверяет, что вполне готов удовлетвориться разговором с товарищем Куйбышевым по телефону. Интервью идет в номер. Валериан Владимирович благодарит...

Интервью — в разгар событий, а историческое описание — по прошествии времени.

Так, в семидесятом в многотомной Истории Коммунистической партии:

«Внимание конференции было сосредоточено на обсуждении и принятии первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. С докладами по этому вопросу выступили А. И. Рыков (председатель СПК СССР), Г. М. Кржижановский (председатель Госплана СССР) и В. В. Куйбышев (председатель ВСНХ).

В своем докладе Рыков много говорил о трудностях выполнения пятилетнего плана и почти ничего — о путях их преодоления. В его выступлении прозвучало серьезное сомнение в реальности осуществления плана. Кржижановский дал общую характеристику пятилетнего плана, показал его преемственную связь с ленинским планом ГОЭЛРО. Третий докладчик — Куйбышев — обосновал необходимость высоких темпов роста тяжелой промышленности, обратил внимание делегатов на большую роль качественных показателей в выполнении плана: увеличения производительности труда, снижения себестоимости промышленной продукции, повышения урожайности.

...В обсуждении докладов приняло участие 37 делегатов. Они одобрили проект первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Советского Союза. Вместе с тем они подвергли резкой критике доклад Рыкова, проникнутый недоверием в реальность заданий пятилетнего плана».

Определилось достаточно давно. Еще при первом упоминании на партийном съезде единого хозяйственного плана. Даже не самого плана. Тогда, в апреле двадцатого, его не существовало. Было только доброе намерение. Один параграф в резолюции IX партийного съезда: «Основным условием хозяйственного возрождения страны является неуклонное проведение единого хозяйственного плана, рассчитанного на ближайшую историческую эпоху». Намечалось в первую очередь восстановить транспорт, чтобы обеспечить подвоз хлеба, топлива и сырья, увеличить добычу угля, руды, поднять выплавку металла, энергично начать развитие машиностроения.

Тут же, нисколько не откладывая, с категорическим «нет!» выступили А. И. Рыков и Н. И. Бухарин. России-де органически чужд перспективный план. Да и что планировать? Развитие машиностроения и вообще производство средств производства в обозримые годы невозможно, вовсе исключено.

Для пущего посрамления сторонников «утопического плана» последовали обильные ссылки на книгу профессора В. И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности». Всем известно, профессор — один из крупнейших русских техников, а что он пишет? «Чтобы кое-как заштопать наиболее зияющие дыры в хозяйственном организме России, жизненный уровень преобладающей части населения на десятилетия должен быть сведен до самого низкого уровня; естественные богатства должны быть предоставлены иностранному капиталу в обмен на многомиллиардные займы. Громадный приток иностранных капиталов является необходимым условием экономического возрождения России и восстановления ее промышленности».

Достоинств самого Гриневецкого съезд дебатировать не стал, и переизданию книги никто не препятствовал. Только всеми голосами против Рыкова и Бухарина было принято решение составить единый хозяйственный план восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. И особенно электрификации страны. Ленина рука!

Чтобы всего не ворошить — прямо к марту 1928 года. Политбюро отклоняет предложенный Рыковым промышленно-финансовый план и поручает комиссии в составе Кржижановского, Куйбышева и Орджоникидзе изыскать средства для строительства новых заводов. Комиссия свое сделала. Нашла ресурсы для сооружения Сталинградского тракторного, Керченского и Кузнецкого металлургических заводов, Мариупольского трубного, Уральского завода тяжелого машиностроения, Ростсельмаша и других.

В октябре прямая схватка Куйбышева с Рыковым на заседании Совета Труда и Обороны. Рыков о спокойствии рынка, о двухлетке преодоления товарных трудностей. Куйбышев об индустриализации, о пятилетке гигантского развития. Золотой середины не будет. Ни доверия, ни сотрудничества — никогда.

В ноябре на Пленуме ЦК Рыков «предупреждает», что страна не сможет выдержать «взятых темпов индустриализации, быть может даже меньших». Не откладывая, Куйбышев от имени ВСНХ публикует проект пятилетнего плана. Впервые во весь голос говорится, что крупная промышленность должна развиваться не по придуманному буржуазными экономистами закону «затухающей кривой», а нарастающими темпами.

И перед самой апрельской конференцией на расширенном заседании Совнаркома и СТО Куйбышев, Чубарь, представители союзных республик добиваются принятия оптимального варианта пятилетки (многие месяцы обязательно фигурируют два варианта — отправной, рабочий, и оптимальный, для условий особенно благоприятных) в качестве единственного государственного плана. Рыков тоже «за». Если только усилия первых двух лет будут сосредоточены на...достижении рыночного равновесия. Каждому свое! Место в истории тоже свое...

Хотя Валериан Куйбышев еще попытается образумить, удержать Рыкова у последней черты. «Тов. Рыков, к сожалению, до сих пор не понимает всей глубины своих разногласий с партией, не понимает того, что дело идет не о том или другом проценте роста или той или другой оценке отдельных трудностей. Дело в том, что... *были две прямо исключаящие друг друга политические линии*. Со стороны партии это была борьба за ту принципиальную *политическую линию*, которая дала сейчас такие ощутительные *победы социализму*; со стороны правой оппозиции была борьба за ту линию, которая, если бы она победила, повела к неизбежному поражению дела социализма и победе капитализма.

В самом деле, попробуйте представить, что было бы, если бы партия не взяла курса на максимальные темпы индустриализации, на широкое развертывание коллективизации и совхозного строительства, на решительное наступление на кулацкие и капиталистические элементы, на сплочение всего рабочего класса?.. Что было бы, иначе говоря, если бы победила рыковская линия?

Прежде всего это повело бы к ослаблению темпов индустриализации. А это означало бы ослабление позиций пролетариата и его ведущей роли в отношении крестьянства; это означало бы задержку в росте нашей экономической мощи; это означало бы задержку в росте нашей

обороноспособности; это означало бы нашу зависимость от капитализма. Все то, что сейчас приводит в изумление всех, даже буржуазных экономистов, хоть сколько-нибудь желающих внимательно и «добросовестно» отнестись к тому, что происходит в Советском Союзе, все это обязано тем темпам, которые взяты партией в области индустриализации, тем темпам, которые отрицались, которые брались под сомнение со стороны оппозиции, против которых оппозиция боролась.

...Нужно понять, что речь шла о двух линиях, прямо друг другу противопоставленных. И одна из них, по существу, отражала чаяния и надежды классово чуждых нам сил, и именно этим объясняется та ожесточенная борьба, которую вела партия против правых.

...От руководителя Советского государства, от председателя Совнаркома Рыкова требуется прежде всего, чтобы он был в первых рядах борьбы за генеральную линию, а не только говорил, что он «как может» делает то, «что от него требуется».

В мае двадцать девятого на V Всесоюзном съезде Советов пятилетка обретает силу закона.

Своеобразный итог подводится и за рубежом. Выметенный ветрами революции в Харбин, известный петербургский юрист, публицист, видный деятель кадетской партии Николай Васильевич Устрялов, в Ильичевой оценке «умный враг», выпускает книгу «На новом этапе». В какой-то мере ответ великому множеству «пророков», И пожалуй, больше всего известному в России финансовому воротиле, затем «эксперту» по советской экономике А. Каминке. Тот многократно обнадеживал мир: «В течение, во всяком случае, нескольких десятилетий ход развития хозяйственной жизни Советов должен быть таков, что сельское хозяйство и сырье будут главными источниками вывоза, в обмен на который будут восстанавливаться уничтоженные богатства, а в области промышленности Советы будут в состоянии, в виде общего правила, выполнять лишь простейшие задания... Это программа достаточно значительная для того, чтобы в течение нескольких поколений заставить страну работать с максимальной нагрузкой, вплоть до отказа».

Устрялов куда трезвее. Почти готов смотреть правде в глаза. Да он и признанный лидер тех, кто зовет «сменить вехи». Так, в книге Устрялова:

«В основном, рассуждая схематически, мыслимы три выхода: 1) Нынешнее социалистическое наступление оправдывает себя. Счастливо осуществляется пятилетка, на базисе советской индустриализации переделывается сельское хозяйство. Остатки нэпа постепенно отмирают. СССР обретает новый хозяйственный фундамент и обращается к решению

дальнейших своих исторических задач. 2) Нынешнее социалистическое наступление терпит крах, и в результате этого краха распадается диктатура партии и сама Советская власть. 3) Нынешнее социалистическое наступление оказывается непосильным для страны, партия вовремя его свертывает, возвращается к началу нэпа, сворачивает к вехам недавнего правого уклона — от нэпа через «левый» зигзаг к неонэпу».

Дальше Устрялов задает вопрос, какой исход следует признать наилучшим, и отвечает:

«Лишь отвлеченное доктринерство либо твердолобая классовая злоба могут принципиально ополчиться против первого исхода. Успех пятилетки и деревенской революции действительно возродил бы, снизу доверху обновил бы страну. Второй исход — катастрофа, развал, реакция — был бы, несомненно, бедствием для народа... Выявлению этой истины мне в свое время пришлось посвятить немало усилий и времени, но этот исход продолжает оставаться объективно наименее вероятным. Третий исход означал бы подтверждение старых прогнозов: спуск на тормозах. Социалистическое наступление оказалось бы не победой и закреплением наивысшего «запроса революции», а лишь «левым зигзагом», неизбежной «рытвиной» на историческом революционном пути, героическим и поучительным, но преходящим эпизодом. В итоге революция не осуществила бы сразу своей национальной программы-максимум, но, прочно войдя в нашу историю, стала бы могучим фактором хозяйственной и политической эволюции страны на новых основаниях. Волшебного «скачка» из дворянско-помещичьего самодержавия в интегральный социализм не получилось бы, старушка история осталась бы неизнасилованной, но революция все же превратила нашу страну в передовое государство со своеобразной социально-политической структурой...

Каковы сравнительные шансы первого и третьего исходов?

Успех не исключен. Шансы успеха есть!..»

А Куйбышева поздравлять лучше всего следующим летом. В июле тридцатого. В дни его нескрываемого торжества. Скрыть, умолчать невозможно. Доклад на партийном съезде, XVI, о триумфе дерзкого замысла. Пока о результатах двух первых лет.

«Вспомним, как был встречен этот пятилетний план... Председатель «русского» комитета Кремер в своей речи о пятилетке говорил:

«Если бы пятилетний план можно было бы выполнить в 50 лет, то и тогда это было бы грандиозно. Однако это утопия». (Смех.)

Не в столь откровенной форме, но по содержанию, мало

отличающемуся от этого выступления Кремера, критиковали пятилетку и кое-какие наши специалисты.

«Цифры ВСНХ, — говорил профессор Боголепов, недостаточно понимающий особенности и возможности, которые заложены в нашем строе, — стоят за гранью возможного для этого пятилетия».

А другой специалист, профессор Калинин, сказал еще более определенно:

«Я полагаю, — говорил он, — что в Госплане его (пятилетний план ВСНХ) оценят, вероятно, на 8, если не на все 10 лет...»

Совершенно очевидно, что результатом этого неверия в возможность осуществления пятилетнего плана является и предложение бывших вождей правой оппозиции заменить пятилетку индустриализации двухлетней аграризации нашей страны.

Теперь прошел достаточный срок для того, чтобы подвести некоторые итоги результатов пятилетнего плана».

У председателя ВСНХ множество точных, совсем бесспорных доказательств огромных перемен, величайших успехов. За год, один только год, Союз Советских Социалистических Республик произвел промышленной продукции больше, чем империя Романовых получила за десятилетия. Автомобили, самолеты, тракторы, комбайны, мощные турбины и генераторы, буровые машины, нефтяное оборудование, химическая аппаратура, дизели — нет, этого вовсе не делали. Не умели, и заводов подходящих в помине не было!

«Мы знаем, — напоминал Владимир Ильич участникам III съезда комсомола, — что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только, когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение».

Пятилетке, известно, предшествовал план ГОЭЛРО. Ильич надеялся осуществить его в пятнадцать лет. Удастся? Хватит времени, средств, зрелости технической мысли? В докладе Куйбышева срок уже другой. «Энергией рабочего класса нам удалось при очень неблагоприятных условиях, при отсутствии каких бы то ни было кредитов, добиться собственными усилиями выполнения плана ГОЭЛРО в 10 лет!»

Полная удача. С предельной достоверностью можно заграничным

газетам разнести большевиков подчистую. Сам Ленин писал — план ГОЭЛРО на пятнадцать лет. Теперь, извольте, признаются, выполнили в десять... Пятилетка тоже неправда. Что угодно, только не пять нормальных лет!..

Не отвертеться, не опровергнуть. «Не пять, а четыре, а может быть, и три» — под таким заголовком первого августа 1929 года в «Луганской правде» решение рабочих паровозостроительного завода. Того самого, где два лета назад о своих предложениях правительству рассказывал Куйбышев. Делегация луганчан побывала в Москве, столкнулась с представителями столичных заводов, навестила председателя ВСНХ. И вызов всем, всем, всем: «Товарищи, друзья, рабочие, мастера, инженеры, молодежь и ветераны! Время, начнем соревнование за досрочное выполнение пятилетнего плана!»

С пятого по десятое декабря в Москве Всесоюзный съезд ударных бригад. Выступление Куйбышева. Под свежим впечатлением журналисты писали: «Это был не обычный доклад, а своеобразная поэма в прозе о лучших людях рабочего класса, создающих новое, совершенно иное отношение к производству, к предприятию, кующих коммунистическую дисциплину...» Съезд подтверждает волю луганчан: «Пятилетку в четыре года!»

Ну что ж, председатель ВСНХ Валериан Куйбышев свой доклад партийному съезду также заканчивает: «Подводя итоги, мы можем с уверенностью сказать, что пятилетний план промышленности будет выполнен в четыре года! Этот лозунг звучит из уст каждого рабочего, и это важнейшая гарантия победы! Гарантией победы является и то, что процессом социалистического строительства руководит ленинская партия».

Не пять, а четыре, а может быть, и три!.. В 1928/1929 году девяносто один новый завод. Сталинградский тракторный. Электрозавод в Москве. Мариупольский новотрубный. Чимкентский свинцовый. Риддерский цветной металлургии. Ростовский сельскохозяйственного машиностроения. «Новая электросила» в Ленинграде. Бакинский и Грозненский нефтеперегонные... Электростанции... Бумажные и текстильные фабрики.

И полный разворот строительства Днепрокомбината, Магнитки, Кузнецка, Нижегородского автомобильного, московских и ленинградских машино-и станкостроительных, инструментальных, электротехнических, Челябинского и Харьковского тракторных, химических комбинатов в Березниках и Бобриках, комбайновых заводов в Сибири и Саратове. Строительная программа в двенадцать миллиардов рублей. Строительные площадки из края в край по всей стране. Первые камни в фундамент

руками Куйбышева. Председателя ВСНХ. Не всегда буквально, в смысле самом прямом. Но обязательно его подпись под приказом начинать. Не всегда ему первому включать рубильник или перерезать алую ленточку. Но полнота ответственности перед партией обязательно на нем.

Перемены, перемены... В государственных обязанностях Валериана Куйбышева также. Он окончательно отдает предпочтение Госплану. Возможности планировать, загадывать, направлять будущее страны. Относительно близкое и достаточно далекое.

«Немного поэт», — обронено в автобиографии. Конечно, в Госплане стихи не пишут. Ночи бессонные отдают не поиску рифмы. Только мечтам. Самым дерзким, самым реалистическим! Моря, сотворенные руками человеческими, реки в новых руслах, гигантские электрические каскады, жизнь, бурлящая в тайге, тундре, в Заполярье, в песчаных раскаленных пустынях, — все заранее продуманное, внесенное в государственные планы на десятилетия вперед — это Куйбышев. Большевик с душой и видением поэта. С ноября 1930-го глава Госплана. По-прежнему член Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии. Заместитель Председателя Совнаркома, Совета Труда и Оборона. Член Главной редакции Большой Советской Энциклопедии.

В записных книжках, в листках «для памяти» частые пометки: «В ЦК об энциклопедии»^[56], «Внести в Политбюро о БСЭ». И по всей вероятности, наброски статьи или выступления:

«Старые энциклопедии были словарями для кабинетных справок, БСЭ — словарь для жизни... Дать именно советскую энциклопедию, дать собрание серьезных сведений по важнейшим и актуальным вопросам... В немецкой печати появилось извещение, что объявленная было издательством «Новая Германия» энциклопедия не выйдет, т. к. подготовительная работа убедила, что энциклопедии сейчас издавать нельзя: общее состояние мира — и экономическое, социальное, и политическое, и научное — слишком «переходное», неустойчивое. Надо подождать, пока все станет на место... Поскольку у нас все прочно на месте — надо спешить со сдачей в набор второго тома».

Только не шеф, не высокий опекун. Работающий редактор. На равных со всеми или больше. Через руки Куйбышева проходят все трудные, ответственные статьи. Что других затрудняет — грузит на свои плечи. Такой же повышенный интерес к истории фабрик и заводов. К написанию истории советского общества. В плане личном — история Самарской партийной организации, с нелегального кружка Владимира Ульянова начиная.

Если о личных склонностях, пристрастиях непроходящих, то о «Комсомольской правде». И читатель внимательнейший, и автор безотказный много лет.

Случай самый-самый обычный. В четверг, десятого января 1929 года, в газете статья «в порядке обсуждения». Комсомольский работник или журналист Каплун зовет: «Мобилизуем себя на хозяйственный фронт!

Нужно определить конкретные формы участия каждой прослойки молодежи в хозяйственной борьбе... Пусть собираются квалифицированные молодые рабочие, пусть скажет свое слово неквалифицированная молодежь — как они все и каждый по-своему могут помочь общему Делу...»

Через неделю, семнадцатого числа, в «Правде» и «Комсомольской правде» пространное письмо Куйбышева:

«Тов. Каплуном... вполне своевременно поставлен вопрос о мобилизации комсомольской энергии для преодоления трудностей, связанных с социалистическим строительством.

...Опыт проведения культпохода и всесоюзного субботника комсомолом говорит о той огромной роли, какую может сыграть комсомол в деле помощи государству при разрешении хозяйственных задач... Необходимо, чтобы каждый комсомолец был активным бойцом против массы недочетов, имеющих на всех участках нашей работы... Нужно переключить огромную потенциальную энергию комсомольцев и рабочей молодежи на помощь хозорганам по ликвидации недочетов и трудностей, имеющих место в промышленности.

...Рожденные по почину комсомола ударные производственные бригады заводов и фабрик Ленинграда, Урала, Москвы и Донбасса доказали свою жизненность и являют собою пример производственного энтузиазма рабочей молодежи.

Опыт показал, что ударные бригадные объединения молодежи, передовых пролетариев и взрослых рабочих и работниц успешно ведут борьбу за повышение производительности труда, качество продукции, снижение себестоимости и поднятие дисциплины, воспитывая бережливых хозяев и строителей социалистической промышленности.

...Комсомольцы, показавшие себя отважными бойцами на фронтах гражданской войны, должны также показать лучшие образцы борьбы на фронте социалистического строительства.

Весь героизм, весь юношеский пыл, всю молодую энергию и инициативу комсомольцы должны отдать творческой хозяйственной работе. Они должны являться передовыми строителями нашего социалистического

хозяйства.

Нужно вызвать к жизни творческие силы молодежи, организовать их и направить на великий фронт строительства социализма. Надо организовать хозяйственный поход комсомола».

Сразу, в день появления письма, разговор Куйбышева с секретарем ЦК комсомола Александром Косаревым. Предложение: «Мой доклад комсомолу. Сообщение ЦК ВЛКСМ на президиуме ВСНХ об участии комсомола в хозяйственной работе».

Иногда среди дня — в редакционное затишье, иногда ближе к полуночи — в редакционную горячку, Валериан Владимирович появляется в Малом Черкасском переулке, в доме 3/4. В обычной манере, через две ступеньки, шагает на третий этаж. В «Комсомольскую правду» — «Комсомолку». Особенно часто в годы госплановские, когда при редакции стал работать совет комсомольского сквозного контроля по строительству Урало-Кузнецкого комбината. За избрание «почетным председателем» этого совета Куйбышев изрядно пробирает редактора, но стенограмму своей «учредительной», как он шутит, речи тщательно выправляет, доставляет «в номер».

«Дело, которому «Комсомольская правда» хочет помочь, является величайшим в истории мирового хозяйства событием, которое, по существу, революционизирует, изменяет всю экономику нашей страны, уже не говоря о том, что оно вовлекает в народнохозяйственный оборот совершенно новые, мало затронутые индустриализацией районы.

Урало-Кузнецкий комбинат — это революция в нашем хозяйстве, причем в таких размерах, в таких масштабах, которые мыслимы только в стране с плановым, социалистическим началом. В других странах осуществление такого комбината, как Урало-Кузнецкий, по существу, совершенно невозможно. Построить такой грандиозный по своему замыслу комбинат, как Урало-Кузнецкий, люди капиталистических стран могли бы только в сотни лет.

Особенность этого огромного революционного дела, которое сейчас предприняли наша партия и рабочий класс, заключается не только в глубине этого замысла, но и в сроках, которые поставлены для его осуществления.

Мы должны в ближайшие годы создать этот комбинат, и это требует большой напряженности, четкости и ответственности в работе. Тут нельзя работать спустя рукава.

...Нужно с радостью констатировать, что и в этом великом деле в смысле подъема пролетарской общественности инициатором явился

комсомол. То, что сделала и собирается сделать «Комсомольская правда», мне кажется, является важнейшей предпосылкой для того, чтобы урало-кузнецкая проблема была разрешена.

Комсомол сыграл уже историческую роль в развитии нашего народного хозяйства, был инициатором ударных бригад и всех других видов социалистического труда. Он взялся за вторую задачу, которая должна быть отмечена партией и рабочим классом, он взялся за то, чтобы овладеть техникой и важнейшей, исторического значения проблемой — урало-кузнецкой...

Характерно то, что и на этот раз комсомол пошел по линии конкретной и практической постановки вопросов. «Комсомольская правда» в деле социалистического соревнования сыграла огромную роль именно потому, что она не писала декларативных статей, митинговых фельетонов, а что она взялась за проверку того, как идет соревнование по отдельным заводам, ячейкам этих заводов и т. д.

...Тот план, который здесь развит относительно участия «Комсомольской правды» в урало-кузнецкой проблеме, мне кажется, содержит ту же практичность и конкретность.

Мне кажется, вы абсолютно правы в том, что хотите сейчас поставить работу так, чтобы не только агитировать за урало-кузнецкую проблему, — это большое дело! — но проверять практическое осуществление директив партии. Поэтому организация постов по отдельным ячейкам того или иного учреждения и совета сквозного контроля даст возможность действительно узнавать, что делается во всех клеточках нашего государственного аппарата и в общественных организациях в деле обслуживания урало-кузнецкой проблемы.

Эта система, мне кажется, должна дать блестящие результаты. Именно эта система массового контроля даст возможность бороться с конкретными виновниками зла, с теми, кто по-чиновничьи, по-бюрократически, а иной раз и саботажнически относится к великой задаче создания второй металлургической базы, задаче, поставленной партией и рабочим классом.

Когда на страницах «Комсомольской правды» будут разоблачаться конкретные носители зла, тогда работа пойдет боевыми темпами.

...Если работа постов сквозного контроля сама по себе будет играть огромную роль, то, без сомнения, еще большую роль будет играть освещение того, что делается во всех учреждениях и на заводах, на страницах «Комсомольской правды».

Комсомольский актив учреждений, а что особенно важно, и предприятий Урало-Кузнецкого комбината, связанных цепью сквозного

контроля, составляет могучую силу, мобилизовав которую можно будет сделать чудеса.

Я приветствую тот план действий, который вы здесь изложили. Я думаю, что и в области строительства Урало-Кузнецкого комбината, так же как и в социалистическом соревновании, наш славный комсомол и его «Комсомольская правда» сыграют решающую роль.

...Вы начали большое дело, и я уверен, что вы под руководством партии подымете огромные пласты не только своего комсомола, но и всего рабочего класса. И это будет гарантией успешного хода строительства второй металлургической базы Советского Союза».

Тем же числом — девятнадцатое февраля 1931 года — обычно датируют и выступление Куйбышева на встрече с полуторатысячью молодых москвичей — рабочих, инженеров, конструкторов — «контролеров» Урало-Кузнецка. Вроде бы утром статья Валериана Владимировича, вечером — встреча. Такого «массированного огня» не было. По извещениям, что редакция несколько раз печатала, ясно видно — собрание с самого начала назначено на март. Краткий отчет помещен тринадцатого марта, а весь текст выступления Куйбышева впервые обнародован в журнале «Народное хозяйство Казахстана» № 2 за 1931 год.

Как раз о неточностях, малых, бескорыстных ошибках, о трещинках толщиной в волосок, вполне достаточных, чтобы вода исподволь размыла, свела на нет гигантскую плотину, Валериан Владимирович и говорит в тот мартовский вечер. У многих, объясняет он, складывается впечатление, что вся урало-кузнецкая проблема — строительство двух-трех заводов-гигантов, нескольких угольных шахт такой же мощности небывалой. Нет, тысячу раз нет! Все грандиознее, сложнее, неизмеримо увлекательнее. Как в цепной реакции, одно тянет за собой другое. Нарастает в геометрической прогрессии.

Металлургия невозможна без кокса. Коксовые печи выдают массу побочных продуктов. Чтобы не потерять их зря, неизбежно ставят рядом коксобензольные заводы. А где коксобензольные заводы, обязательна химия. Всякая — разная химия.

Кроме законов обязательных, своя, урало-кузнецкая счастливая особенность. Рядом с бесценными коксующимися углями, с горами из железных руд — залежания почти что немыслимые меди, свинца, золота. Значит, бок о бок, в строю одном — металлургия черная, металлургия цветная.

Шахты и металлургические заводы, продолжает Куйбышев, требуют много энергии, бурного строительства электростанций, огромного

транспорта. «Мы начали строительство большой сети железнодорожных путей, которое в одном только 1931 году по своему объему будет равно почти трем Турксибам.

...Потребуется огромное количество машиностроительной продукции, нужны будут в большом количестве блюминги, прокатные станы, горное оборудование и т. д. Все это не может быть обеспечено старыми машиностроительными заводами.

Необходимо, как видно, создать очень быстрыми темпами мощную машиностроительную базу для Урало-Кузнецкого комбината на его территории... Гигантский Свердловский машиностроительный завод является только началом. Надо будет подумать о форсировании строительства в Сибири большого завода горнопроходческого оборудования... Необходимо построить большой завод химической аппаратуры. Таким образом, Урало-Кузнецкий комбинат предполагает развитие мощного машиностроения на Урале и в Сибири.

Но и это не все. Десятки и сотни тысяч рабочих рук потребуются для обслуживания этих мощных предприятий. Урало-Кузнецкий комбинат означает массовое переселение трудящихся. Миллионы людей из европейской части нашего Союза будут переселяться туда, в Сибирь и на Урал. Население Сибири и Урала, без сомнения, начнет сильно возрастать.

...Промышленность потянет за собой сельское хозяйство Сибири, развитие которого примет громадные размеры. Кроме производства комбайнов, в УКК необходимо развить производство и других сельскохозяйственных машин.

Челябинский тракторный завод является тоже детищем урало-кузнецкой проблемы. Для обслуживания комбината нужно поднять огромное количество целины, нужно обработать миллионы гектаров земли.

Но не только хлеб будет нужен трудовому населению Сибири и Урала; оно должно снабжаться и другими предметами потребления, в частности предметами потребления промышленного производства. Имеется постановление Центрального Комитета партии о том, чтобы на стыке Средней Азии и Сибири начать строительство целого ряда текстильных предприятий. Строительство этих предприятий во что бы то ни стало должно быть начато в 1932 году.

...Строительство УКК потребует миллиона людей для своего обслуживания. Для этих людей нужно создавать города; УКК — это не только металлургические заводы, шахты, но это и новые города, которые должны очень скоро вырасти.

...В любой другой стране такой замысел мог бы быть осуществлен в

десятки, а может быть, и сотни лет. История нам не дала таких долгих сроков, да и характер у нас, большевиков, не такой: мы не можем долго ждать и топтаться на месте. Мы хотим эту проблему решить в несколько лет.

Неверно было бы думать, что это великое дело может быть обеспечено одним постановлением, одним приказом. Неверно представлять, что съезд постановил, Советское правительство приняло соответствующее решение — и дело сделано, дальше все пойдет самотеком... Только благодаря активности миллионов можно осуществить те темпы, которых мы достигли в истекшем году.

...На пороге пятилетки наш комсомол сыграл очень важную роль, став застрельщиком новых, коммунистических форм труда. И недаром комсомол награжден за это орденом Трудового Красного Знамени...

То, что урало-кузнецкая проблема также встретила со стороны комсомола поддержку, то, что комсомол взялся помочь партии и правительству в осуществлении этой великой идеи, — залог того, что и это дело будет проведено успешно.

...Нужно, чтобы комсомол со своей молодой дерзостью взялся за вскрытие существующих недостатков во всех областях, соприкасающихся с урало-кузнецкой проблемой. А недостатков этих много: плохо еще работают наши органы над планированием Урало-Кузнецкого комбината, плохо работают предприятия, снабжающие Урал... Там требуется огромное количество различного рода конструкций, оборудования и стройматериалов. Легкая промышленность... транспорт, работа таких учреждений, как «Центросоюз», органы коммунального управления, — все это должно быть повернуто в сторону Урало-Кузнецкого комбината, потому что сами по себе ни урало-кузнецкая металлургия, ни кузнецкий кокс, ни химия и т. д. не могут возникнуть. Они могут возникнуть только при мощном содействии промышленности всего Союза.

Этой ориентации до сих пор нет. Комсомол и «Комсомольская правда»... встретят огромные препятствия... Сплошь и рядом вы встретите просто непонимание урало-кузнецкой проблемы... Вы встретите подчас и саботаж...

Но я думаю, что для нашей коммунистической молодежи эта злоба и ненависть не будут препятствием, которое остановило бы их энтузиазм в деле осуществления воли партии и рабочего класса.

Молодежь! Все дружно в бой за Урало-Кузнецкий комбинат с уверенностью в том, что вы делаете великое социалистическое дело. Идите на ваши сторожевые посты, наблюдайте за тем, чтобы во всех учреждениях

Советской власти и общественности урало-кузнецкая проблема, предрешенная XVI съездом партии, заняла должное место!

Вперед в бой!»

Есть, поставлены несколько вешек — знаков путеводных. От июня тридцать первого года до ноября тридцать четвертого. От первого обмена мнениями на заседании Политбюро до утверждения второго пятилетнего плана развития страны высшей законодательной властью — Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР. А там после ноября остаются Валериану Куйбышеву два неполных месяца.

Никто заранее не догадывается. Никаких признаков. Ни за день, ни за час до смерти...

Так с июня тридцать первого года.

«Держат работа и люди прямо мертвой хваткой, не оставляя минуты спокойной», — признание близкому другу.

Уступка, вырванная родными. Вечерами Валериан Владимирович со своими ближайшими сотрудниками, в домашнем просторечье «пятилетчиками», перебирается из Госплана к себе в квартиру. В Кремле, в здании древнего Потешного дворца.

В памяти жены, сестер: «Всей шумной компанией поднимались по чугунной решетчатой лестнице. Из крохотной прихожей попадали в самую большую комнату — столовую. Мигом расчищался стол, вокруг него рассаживались и продолжали работу.

Откуда-то вдруг появлялся огромный, испускавший пар чайник. Желаящие пили горячий и крепкий чай. Чайник честно трудился всю ночь...

Время от времени Валериан Владимирович прерывал работу, он любил помечтать вслух. Подойдет к окну, вглядывается в ночь... Потом пройдет по комнате, глаза его по-особому теплеют.

— Вот выполним эту пятилетку, потом следующую... Встанут гиганты-электростанции на Волге... Родятся новые моря... Хлынут воды по Волго-Донскому каналу... Забурлит жизнь на пустынных пространствах, прорезаемых Обью, Иртышом, Ангарой, Енисеем. А ведь через две-три пятилетки обязательно доберемся до этих далеких мест!.. Когда я в старости поеду по местам своей юности, верно, не узнаю их...

Снова споры о цифрах, снова долгие часы кропотливой работы».

Услуга самая медвежья — изобразить по доброте сердечной, будто все от Куйбышева. От исключительного его дара. Наития особого. Придуманные достоинства, всякая полуправда — постоянно во вред. Валериану Владимировичу ни к чему.

Работник партии, член Политбюро, несущий всю ответственность за государственное планирование, — не импровизатор, не гений-одиночка. По внезапному озарению являющий чудеса. У всего своя история. Свои первопроходцы, свои исследователи. Свои легенды в народе.

Большая металлургия в Кузнецке — заявка гениального русского доменщика Курако... Волго-Дон — идея времен Петра Великого. Воплотить взялся Ленин. Известен точно день — четырнадцатого мая 1918 года Владимир Ильич проводит решение Совнаркома: «рассматривать как первоочередную необходимейшую работу составление проекта Волго-Донского канала». Вскоре, всего один месяц спустя, в предварительных изысканиях на Дону и Волге участвуют три тысячи человек. Военные действия, жестокие сражения все обрывают. Новая попытка в двадцатом году. Командование Кавказского фронта — Орджоникидзе и Тухачевский мечтают построить канал силами Кавказской армии труда... В голодную, лютую зиму того же двадцатого года о необыкновенных, почти сказочных возможностях, что сулит переустройство Днепра, докладывает Ленину профессор Александров...

Забота председателя Госплана ничего из наследства многих поколений не упустить, не растерять. Чтобы все в дело. В наилучший свой срок. Для полной уверенности, что старая Россия, орудиями производства оборудованная вчетверо хуже Англии, вдесятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки, уходит в прошлое бесповоротно. Новая техника. Тяжелая промышленность, прошедшая мучительную школу освоения. Теперь уже не фундамент, не опорные точки социалистической экономики. Самое построение социалистического бесклассового общества.

У председателя Госплана при таких обязанностях постоянная нужда в осторожных расчетах ученых, в дерзостной смелости комсомола. Не в противоположность, в единство. Двести научно-исследовательских институтов и сквозной комсомольский контроль. Конференции в Академии наук и заседания штаба при «Комсомольской правде». К комсомолу особый призыв:

«...Степи, леса, горы, моря и озера Советского Союза таят в своих недрах несметные сокровища, которые должны быть включены в орбиту производительного труда, поставлены на службу строящемуся социализму.

Только ничтожная часть естественных богатств наших недр хорошо изучена и подготовлена к эксплуатации. Мы еще очень мало знаем свою страну. Во вторую пятилетку мы будем строить новые гиганты социалистической индустрии там, где еще сегодня на картах геологов отмечены белые пятна; необъятные просторы, где пока царит «полудикость

и самая настоящая дикость», должны быть разбужены...

Перед нами встает важнейшее условие для создания второй пятилетки: мы должны узнать свою страну. Эта задача не может быть выполнена только силами специалистов-геологов, разведочными партиями, посылаемыми научными и хозяйственными органами...

Первое слово здесь должен сказать Ленинский комсомол, организующий всесоюзную встречу второй пятилетки. Шестимиллионная армия молодых большевиков должна стать разведчиком наших естественных богатств. Мы ждем от комсомола организации всесоюзной разведки недр одной шестой части мира.

Нужно увлечь этой мыслью миллионы молодых рабочих и колхозников, студентов, школьников и пионеров, туристов и физкультурников, фабзавучников. В каждом районе нашей страны будем искать железо, медь, нефть, уголь, торф, сырье для химической промышленности, новые почвы, новые растения. И не только искать и узнавать, но и учиться использовать эти богатства для строительства социализма».

Путеводный знак — вешка по счету вторая. По важности особая.

Февраль тридцать второго года. В Москве Всесоюзная партийная конференция. Доклад Куйбышева. Об основах второй пятилетки. Что принесет. Во имя чего крайние усилия, каждодневный труд на грани немеркнувшего подвига.

«...Будет уничтожена всякая основа для эксплуатации человека человеком... Старое разделение труда будет все более изживаться, сельскохозяйственный труд будет превращаться в разновидность индустриального труда, создавая тем самым условия для полного устранения противоположности между городом и деревней.

Это будет период, когда рабочий, занятый физической работой, начнет в широком масштабе получать политехническое образование, когда тем самым будут создаваться предпосылки для изжития в будущем противоположности между умственным и физическим трудом.

Это будет период, когда государство и диктатура пролетариата еще сохраняют свое значение и должны всемерно укрепляться... Вопрос «кто — кого?», решенный внутри Советского Союза в пользу социализма, с тем большей остротой переносится на международную арену.

Перед второй пятилеткой мы ставим... очень большую задачу — создать полную экономическую независимость социалистического хозяйства от капиталистического мира. Это необходимо для того, чтобы предотвратить всякую возможность экономического воздействия на страну

социализма со стороны борющегося с нами капитала.

Вторая пятилетка должна быть периодом, когда мы должны во что бы то ни стало добиться полной экономической независимости от внешнего капиталистического мира, чтобы нам не были страшны никакие угрозы, никакие блокады... Мы должны создать такое положение, когда все, что нужно произвести для нашего Союза, мы сможем произвести сами, и поэтому нам нет необходимости во что бы то ни стало ввозить те или другие продукты: хотим купить — купим, но можем и не купить.

Сейчас трудно говорить о задачах по годам. Мы сейчас разрабатываем только директивы к составлению плана... Мы подведем под все отрасли народного хозяйства новую техническую базу. Эта новая техника будет основана на дальнейшем развитии собственной тяжелой промышленности, в особенности машиностроения... Эта техника будет базироваться на быстром росте научных и технических кадров, выдвигаемых культурно растущим рабочим классом и крестьянством.

...Наша страна, помимо преимуществ, которые завоевал рабочий класс в октябре 1917 года, обладает огромнейшими преимуществами перед другими странами мира в отношении природных богатств. Мы обладаем несметными богатствами во всех областях: и в области водной энергии, и в области топливных ресурсов — мы имеем такие угольные жемчужины, как Кузбасс, Караганда, Донбасс, и в части нефти, в части химического сырья, в области железных руд, новые-месторождения которых чуть ли не каждый месяц обнаруживаются в различных уголках нашего Союза; в области цветных металлов всех видов, в области редких металлов, в области сырья для алюминия, в области сырья для удобрений — калий, апатиты, в области сырья для строительных материалов.

...Водные ресурсы — реки и озера — уже во втором пятилетии будут широко использованы для получения энергии с одновременным использованием их для ирригации и судоходства. Встает такая проблема, как использование Волги и ее притоков. О сооружении двух электростанций на Волге уже есть решение Центрального Комитета... Совершенно очевидно, что это будут одновременно сооружения, необходимые для улучшения судоходства по Волге. Должна быть решительно реконструирована Мариинская система каналов. Проблема Беломорского канала будет осуществлена целиком в первом пятилетии. Дальше идет Волго-Донской канал, сооружение которого в этом пятилетии, очевидно, должно быть закончено.

...Проблема Ангары также встает во весь рост. Совершенно исключительные условия для получения огромного количества

электроэнергии, созданные природой на этой мощной, с большим падением реке, требуют тщательного изучения... с тем чтобы к моменту утверждения пятилетки можно было решить вопрос о включении этой проблемы в программу работ.

Гидроэнергия и энергия топливных станций будут объединены в ряде электроколец высокого напряжения, которые создадут базу для полной электрификации промышленности... для широкого применения электричества во всем народном хозяйстве...»

Снова февраль. Теперь уже 1934 года. Опять в Москве партийный съезд. XVII Всесоюзный. Для Валериана Куйбышева последний.

Пятилетка, окончательно отработанная, принята в дружном согласии. Из возможных вариантов выбран самый достойный. Первый из лучших. Такой, что к высокой цели, к решению крупных социально-экономических проблем ведет путем наимыгоднейшим. Легкой жизни никому не обещает. Но интересы всех республик, краев, экономических районов отстаивает твердо.

Госплану одобрение полное. Из возможных доказательств может быть точнейшее — при выборах Центрального Комитета все голоса за Куйбышева. Так же на организационном Пленуме десятого числа. Снова член Политбюро.

Старый родительский дом Куйбышевых в Кокчетаве — городе уже областном. Мороз за сорок градусов с неугомонным ветром. Зима 1968 года прочно закрепляет свою свирепую репутацию.

Елена Владимировна подбрасывает поленья в печку, выложенную пестрыми старинными изразцами. Дверцы печки приоткрыты. Чуть тянется березовый дымок.

— Так что же вам еще рассказать?.. Как-то поздно вечером я пришла к Валериану. Проходя мимо комнаты Галочки, я заметила у нее свет. Вошла, чтобы пожурить племянницу, что она не спит.

Открыв дверь, я увидела, что Галочка сидит с ногами в глубоком кресле, а Валериан — на маленькой скамеечке возле нее.

— Что же делать, когда у нее так много вопросов, а я не могу найти другого времени, — как бы извиняясь, сказал Валериан.

Он показал мне длинную узкую полоску бумаги, где девочка записала вопросы, которые хотела задать отцу.

Что дня не хватало и Валериан Владимирович крупно занимал у ночи, приходилось слышать и от А. К. Гастева, в свое время директора Центрального института труда.

— Охотнее всего Куйбышев принимал меня в одиннадцать часов ночи. У себя на квартире. Надо говорить, надо экономно тратить минуты, но говорить все же надо, надо по службе, по работе. А на столе несколько килограммов папок — дел, которые он должен тщательно просмотреть, убедиться в точности работы аппарата и оформить как постановления правительства или как очередной государственный документ по регулированию жизни Союза.

И это надо сделать в эту же ночь. На завтра уже новые неумолимые дела: комиссии, выступления, деловые заседания...

При всем при этом — шахматы, бильярд, городки, крокет, волейбол. При поражениях трудно скрываемое огорчение. При выигрыше шумная радость.

Еще своими руками оборудованная фотолаборатория в чулане. Домашние безошибочно знали, если Валериан Владимирович дольше обычного проявляет пленки, печатает снимки, значит день был особенно трудный, заседание особенно бурное...

И над всем потребность главная, никогда не покидавшая, при всех

обстоятельствах обязательная литература. Книги и писатели.

Весна двадцать четвертого года. Максим Горький намеревается уйти из редакции первого советского «толстого» журнала «Красная Новь». В знак протеста против появления в «Известиях» облыжной, оскорбительной заметки. Друга, постоянного заступника Горького Ленина уже нет в живых. Возможностей редактора журнала Александра Воронского недостаточно. Что-то надо предпринять решительное. А если воззвать к Куйбышеву?

Восьмого апреля Воронский — Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович!

Как я уже писал Вам, мной были сделаны шаги к ликвидации печатного инцидента... Теперь дело продвинулось... Мне было заявлено т. Куйбышевым, что на днях должно быть опубликовано сообщение в газетах, где инсинуации будут названы своими именами^[57]. Считаю, что «долг» мой выполнен...»

Дело закончено — дружбе только начинаться.

Для редактора «Красной Нови» у Валериана Владимировича часы всегда приемные. Хотя оба предпочитают вечера. Поздние, давно перешедшие в ночь. Порой Воронский является с непомерно разбухшим портфелем. Куйбышев протягивает руку: «На сколько дней можете оставить, Александр Константинович?» На широкую ладонь Валериана Владимировича ложится новая рукопись, решить судьбу которой Воронский затрудняется. Хочет посоветоваться...

А с Горьким Куйбышев через какое-то время оказывается соседом. «Дача Куйбышева в Краснове, — помнит Ольга Лежава, — находилась рядом с дачами В. И. Межлаука и А. М. Горького... Часто они проводили вечера вместе. Сидели у костра, следя за поднимающимся столбом дыма, вели неторопливую беседу о литературной жизни, о стройках пятилетки, обо всем, чем жила тогда страна. Дружбу с А. М. Горьким Куйбышев сохранил до конца жизни».

Как часто — этого теперь не узнать, но в Краскове бывал и Владимир Маяковский. По многим свидетельствам, около двадцатого октября 1924 года Куйбышев собирает у себя наиболее близких ему старых большевиков. Так же как он, мучительно переживающих невозвратную потерю — смерть Ильича. Собирает, чтобы из уст поэта услышали его поэму о Ленине.

И еще в воспоминаниях большевика, дипломата, одно время заведующего иностранным отделом ВСНХ, Семена Ивановича Аралова:

«Маяковский приходил в ВСНХ к В. В. Куйбышеву... Расспрашивал о задачах отдела по руководству высшими техническими институтами (Главвтуз), высказывал советы о перестройке технического образования,

говорил, что электрический ток должен поднять на высоту технику, создать нового инженера-коммуниста».

Самое приятное продолжение встреч на даче в Краснове — литературные посиделки у редактора «Известий», доброго друга писателей Ивана Гронского. Как бы поздно Валериан Владимирович ни заглянул, желанные собеседники всегда находятся. Можно и викторину затеять, и скрестить оружие в своеобразном споре.

Повод быстро находится. На стене висит картина известного мариниста. Валериан Владимирович предлагает нескольким поэтам найти наиболее точное сравнение для облитого закатными красками моря, Павел Васильев: пестрые волны несутся, как хоровод девушек в цветастых платьях на сибирской ярмарке. Куйбышев: нет, совсем иное. Самотканый переливчатый шелк, из которого в Средней Азии шьют халаты и одеяла. Сколько поэтов — столько видений...

Гронский без осязательного успеха повторяет приглашение к столу. Ну, это не к спеху. Куйбышев просит Васильева прочесть стихи. Тот не чванится, повторять просьбу не заставляет. Негромким, суховатым голосом начинает свою песню:

*В черном небе волчья проседь,
И пошел буран в бега,
Будто кто с размаху косит
И в стога гребет снега.*

*На косых путях мороза
Ни огней, ни дыму нет,
Только там, где шла береза,
Остывает тонкий след.*

*Шла береза льда напиться,
Гнула белое плечо.
У тебя ж огонь еще:
В темном золоте светлица,
Синий свет в сеньях толпится,
Дышат шубы горячо.*

Стихи захватили Куйбышева, как музыка. Он попросил: пожалуйста, еще!

Поэт достал из бокового кармана несколько листков. «Повествование о реке Кульдже»:

*Мы никогда не состаримся, никогда —
Мы молоды, как один.
О как весела молодая вода,
Толпящаяся у плотин!
Мы никогда
Не состаримся.
Никогда —
Мы молоды до седин.
Над этой страной,
Над зарею встань
И взглядом пересеки
Песчаный шелк — дорогую ткань.
Сколько веков седел Тянь-Шань
И сколько веков пески?*

Куйбышев тихо, должно быть, самому себе:
— Хорошо!

О катастрофе радиограмма в ночь с тринадцатого на четырнадцатое февраля. Подробности самые необходимые напишут в Полярном море, в Москве, за океаном. В разгар событий или сразу по горячим следам.

С. И_о_ф_ф_е, заместитель начальника Главного управления Северного морского пути:

«13 февраля 1934 года мы получили в Москве донесение профессора Шмидта о гибели парохода «Челюскин». Это донесение пришло поздно ночью, и я его тут же передал Куйбышеву. 14 февраля была создана правительственная комиссия под его председательством. А так как он был очень загружен, то работа комиссии переносилась на ночь. Вся предварительная подготовка материалов, всякие подсчеты, соображения подготовлялись с таким расчетом, чтобы представить ему на рассмотрение «к концу дня». Этот термин, однако, весьма условен, ибо «к концу дня» означало, что нужно материал подготовить к часу или двум ночи».

А. Т_р_о_я_н_о_в_с_к_и_й, полпред СССР в США:

«Сообщение о гибели «Челюскина» мы прочли в американских газетах 14 февраля. В тот же день я получил от Куйбышева распоряжение выяснить возможность в случае необходимости высадки челюскинцев или части их на берега Аляски...»

О. Ш_м_и_д_т, полярный исследователь, в недалеком будущем академик:

«Когда на льдине было оглашено сообщение о создании правительственной комиссии во главе с Куйбышевым, все мы почувствовали уверенность, что будем спасены... Вопросами овладения Арктикой Валериан Владимирович занимается давно. С первой моей экспедиции на «Седове» (в 1929 году) я именно Куйбышеву первому всегда сообщал о ходе дела.

Он справлялся о каждом рейсе ледокола, интересовался заданиями, которые давались каждому летчику. наших летчиков знал лично и часто с ними беседовал».

С_о_о_б_щ_е_н_и_е Т_А_С_С:

«28 февраля председатель правительственной комиссии по организации помощи участникам экспедиции профессора Шмидта и команды «Челюскина» В. В. Куйбышев принял группу американских корреспондентов...

В беседе с американскими журналистами Куйбышев заявил:

«...На лед высадилось 101 человек, в том числе 10 жен-жин и 2 детей... Дети и большинство женщин являются членами семей научных работников, которые отправлялись на остров Врангеля. Остальные женщины — научные работники и уборщицы парохода.

...Первый вопрос, который задают мне обычно, заключается в том, в какой мере высадившиеся на лед... обеспечены необходимыми запасами продовольствия, одеждой и т. д... Продовольствия имеется в достаточном количестве. Все снабжены теплой одеждой и спальными мешками. Кроме того, на льду сооружен барак, где имеются камельки, поддерживающие достаточную температуру, и палатки.

...С момента катастрофы... ледяное поле отнесло на юго-запад на 27,8 километра. В связи с этим возникли опасения, что поле может быть угнано далеко от берега на север... Наши самолеты неоднократно пытались вылететь в район расположения лагеря, но из-за метели, пурги и плохой видимости вынуждены были возвращаться обратно, причем при посадке имели иногда место случаи повреждения шасси и винтов. Мы приняли меры к отправке пароходами дополнительных самолетов с Камчатки и из Владивостока.

Кроме того, из Хабаровска вдоль побережья Охотского и Берингова морей, пересекая Камчатку, полетит на машине, специально приспособленной для дальних зимних полетов, летчик Водопьянов.

Правительство решило направить на помощь экспедиции Шмидта лучших полярных летчиков Союза: уже на побережье Ледовитого океана работают полярные летчики Куканов и Ляпидевский; с пароходом «Смоленск» отправляются опытные полярные пилоты Молоков, Святогоров и Каманин; на другом пароходе, идущем на север, будут направлены полярные летчики Доронин, Липп, Талышев...

Кроме того, спешно отправлены через Америку (Нью-Йорк — Аляска — мыс Уэлен) известные полярные летчики Леваневский и Слепнев и известный полярник — исследователь острова Врангеля и Северной Земли Ушаков».

...На вопрос корреспондента, обратилось ли Советское правительство к правительству США об оказании помощи экспедиции, Куйбышев ответил: «Нет». На вопрос о том, насколько следует считать опасным положение челюскинцев, Куйбышев ответил, что положение челюскинцев нельзя считать безопасным, ибо опасность подстерегает их на каждом шагу. Вопрос заключается не только в оказании помощи, но в оказании скорой помощи...

Г. У_ш_а_к_о_в, известный миру полярный исследователь:

«Ни разу Валериан Владимирович не задает вопроса — можно ли спасти челюскинцев. У него на этот счет никаких сомнений, и эту свою уверенность он сообщает всем участникам спасательных работ.

Как только выяснилась возможность добраться до лагеря Шмидта через Атлантический океан и Америку, Валериан Владимирович немедленно настоял на том, чтобы отправить партию по этому пути. Он вызвал меня к себе и дал распоряжение не останавливаться ни перед чем, немедленно отправляться вместе с летчиками Леваневским и Слепневым в Нью-Йорк любыми средствами, лишь бы скорее. При этом он так уверен, что мы доберемся к цели, что просит меня передать привет Шмидту...»

С. И_о_ф_ф_е:

«Летчики знают, что Валериан Владимирович не только принимал участие в снаряжении самолетов, но что он выдержал крупный бой за это оружие спасения. В начале операции было достаточно влиятельных скептиков, которые доказывали невозможность авиации успешно работать зимой на Крайнем Севере. Эти «доводы» подогревались статьями, появившимися в заграничной печати. Готовилась такая статья и в наших «Известиях». Один весьма авторитетный профессор, начисто отрицая возможность спасения челюскинцев при помощи авиации, рекомендовал им самим пробираться на материк... пешком. Только решительный протест Куйбышева заставил редакцию статью снять...

Начало летных операций не увенчалось успехом. Первые полеты Ляпидевского в лагерь не удались. Высказываются предложения, чтобы до прибытия новых самолетов на Чукотку запретить полеты Ляпидевского. Но Куйбышев решительно отвергает эти предложения. Он настаивает на продолжении полетов».

О. Ш_м_и_д_т. Полярное море. Передано по радио.

«Сегодня 5 марта большая радость для лагеря челюскинцев и вместе с тем праздник Советской авиации. Самолет АНТ-4 под управлением летчика Ляпидевского при летчике-наблюдателе Петрове прилетел из Уэлена к нам в лагерь, опустился на подготовленный нами аэродром и благополучно доставил в Уэлен всех бывших на «Челюскине» женщин и обоих детей^[58].

...Успех полета Ляпидевского тем значительнее, что стоит почти сорокаградусный мороз... Между лагерем и аэродромом образовалась большая полынья, так что для переправы пришлось 3 километра тащить из лагеря шлюпку через лед...»

От Ш_м_и_д_т_а сутки спустя:

«Женщины отправлены вовремя, так как в лагере вновь появились

широкие трещины, лед продолжает перемещаться, таранить. Ночью разломан надвое деревянный барак, в котором жила половина челюскинцев и до отлета жили женщины и дети. Сломана также кухня. Половинки разведены на 50 метров...»

С_о_о_б_щ_е_н_и_е п_р_а_в_и_т_е_л_ь_с_т_в_е_н_н_о_й
к_о_м_и_с_с_и_и. Вторник, 10 апреля:

Уполномоченный правительственной комиссии Ушаков, прибывший в лагерь, телеграфирует, что начальник экспедиции Шмидт О. Ю. заболел. Шмидт хворает в продолжение трех дней, но ничего об этом не доносил. По сообщению Ушакова, температура у Шмидта доходит до 39,5°. Предполагается плеврит или воспаление легких... Очевидно, в виду несогласия Шмидта на внеочередной вылет Ушаков просит дать категорическое предписание Шмидту передать экспедицию своему заместителю Боброву...»

Г. У_ш_а_к_о_в. Полярное море. Передано аварийной рацией Э. Кренкеля:

«9 апреля лагерь перенес самое сильное сжатие льдов со дня гибели «Челюскина». В 2 часа утра новый высокий ледяной вал с шумом двинулся в сторону лагеря. Скоро был сметен, замечен льдом барак, разрушен один моторный бот... Совершенно разрушен аэродром, на котором стоял самолет Слепнева. Днем вновь повторилось сжатие, совершенно преобразившее район лагеря.

...Пилоты самоотверженно ведут работу. В здешних условиях, при часто меняющейся погоде, каждый неудачный полет, подъем, вынужденная посадка — смерть».

С_о_о_б_щ_е_н_и_е п_р_а_в_и_т_е_л_ь_с_т_в_е_н_н_о_й
к_о_м_и_с_с_и_и. Среда, 11 апреля:

«...11 апреля полеты продолжались. Летчики Молоков и Каманин, сделавшие вместе 7 рейсов, в Ванкарем доставили 35 человек, в том числе больного начальника экспедиции Шмидта в сопровождении врача Никитина.

11 апреля к концу дня прилетел из Анадыря в Ванкарем полярный летчик Доронин, преодолевший Анадырский хребет. В тот же день сел у мыса Северного Водопьянов...»

Председатель чрезвычайной тройки П_е_т_р_о_в. Ванкарем, 12 апреля. По радио:

«Сегодня самолеты сняли из лагеря Шмидта и доставили в Ванкарем еще 22 человека... Самолет Водопьянова прилетел в Ванкарем.

При наличии хорошей погоды завтра будут перевезены из лагеря все, и

мы начнем перевозку челюскинцев на самолетах из Ванкарема в Уэлен.

На самолете Слепнева Шмидт доставлен в Ном...»

Заместитель начальника экспедиции Б_о_б_р_о_в. Полярное море, 13 апреля, 1 час 5 минут. Рация Кренкеля:

«12 апреля в основном была закончена переброска челюскинцев и ценных грузов на материк. Сейчас получили радио с мыса Ванкарем о вылете трех самолетов. Зажигаем последний дымовой сигнал, прекращаем радиосвязь. Через полчаса я, капитан Воронин, радист Кренкель последними покидаем лагерь Шмидта, оставляя поднятый на вышке советский флаг».

П_о_л_и_т_б_ю_р_о Ц_К летчикам, снявшим челюскинцев со льдов Полярного моря. Суббота, 14 апреля. Передано в Ванкарем и Уэлен по радио.

«Восхищаемся Вашей героической работой по спасению челюскинцев. Гордимся Вашей победой над силами стихии. Рады, что Вы оправдали лучшие надежды страны и оказались достойными сынами нашей великой Родины.

Входим с ходатайством в Центральный Исполнительный Комитет СССР:

1) об установлении высшей степени отличия, связанного с проявлением героического подвига. — звания Героя Советского Союза,

2) о присвоении летчикам Ляпидевскому, Леваневскому, Молокову, Каманину, Слепневу, Водопьянову, Доронину, непосредственно участвовавшим в спасении челюскинцев, звания Героев Советского Союза...»

Л_е_т_ч_и_к Л_е_в_а_н_е_в_с_к_и_й — корреспонденту «Известий». Лето 1934 года:

«Триумфальная встреча ждала челюскинцев при возвращении в Москву. Каждый попадал в объятия родных. Одного меня никто не встречал. Немного было грустно, что среди ликующих людей нет моей матери. И вдруг кто-то бросается ко мне, горячо обнимает, целует. Оказывается, Куйбышев. Он узнал, что никто из моих близких не присутствует, и поторопился ко мне...»

Ш_м_и_д_т, благополучно поправившийся. В память о пережитом длинная густая борода и еще большая влюбленность в Арктику. Уйма дерзостных идей.

«После возвращения в Москву мы начали обсуждать дальнейшие планы освоения Севера. Во главе комиссии ЦК поставлен Куйбышев. Он горячо поддерживает наши предложения о передаче Главному управлению

Северного морского пути всего хозяйства на территории севернее 62 градуса, то есть на одной четверти Советского Союза.

Я шел на доклад с некоторым опасением, не слишком ли запрашиваю, а Валериан Владимирович обрадованно воскликнул:

— Вот это настоящий размах!

Докладывая об экспедициях на поиски олова и нефти в некоторых северных районах, я из осторожности предупреждаю, что научных данных пока мало, что большие расходы на разведку могут и не оправдаться. Куйбышев внимательно слушает. «Понятно, Отто Юльевич! На такое дело средств не жалко. Только поменьше риска для участников экспедиций». Север есть Север. Без риска не обойдешься. А положительные результаты уже выявляются. Много находим в арктических просторах. Начинается великое хозяйственное овладение Севером».

Дальше — Юг. Море. Зеленая вода в гаванях, соленые брызги. Солнце. Ласковое солнце Крыма. Беспощадно щедрое — Средней Азии.

Крым — отпуск. После затянувшейся тревоги за судьбу челюскинцев. За благополучие КСК. Не фамилия, не имя. Всего лишь первые буквы названия государственного учреждения. Непривычного. Своеобразного. Комиссия советского контроля.

Необходимое объяснение читателям «Комсомольской правды» — передовая статья Валериана Куйбышева. Семнадцатого марта.

КСК, рассказывает Валериан Владимирович, учреждена XVII партийным съездом. Для осуществления высшего контроля над государственным аппаратом, органами власти. Чтобы деятельность их более отвечала «гигантски выросшим запросам нынешнего периода — периода второй пятилетки.

...Общественный контроль всегда выдвигался Лениным... как дело огромной политической важности, как одна из важнейших форм участия трудящихся в управлении государствам. Здесь мы ждем активной помощи многомиллионного Ленинского комсомола.

...Мы уверены, что комсомольские организации... будут первыми помощниками Комиссии советского контроля и ее уполномоченных на местах. Это в первую очередь касается «легкой кавалерии» комсомола. XVII партсъезд постановил: «Восстановить оправдавшую себя практику организации «легкой кавалерии» комсомола, успешно вскрывавшей бюрократические недостатки аппарата...

Мы предлагаем комсомолу взять из плана нашей работы определенные темы и проверить их. Эту работу «легкой кавалерии» надо будет организовать так, чтобы она не только проверяла и помогала нам контролировать те или иные факты, но подготовляла и выдвигала свои предложения в руководящие органы — в Совнарком и Совет Труда и Оборона.

...И к самой «легкой кавалерии» мы предъявляем требования — не относитесь легкомысленно и поверхностно к проверяемым вопросам, не администрируйте, не увлекайтесь мандатами, не оказывайте общественного движения. Помните, что казенщина — враг всякого дела и в первую очередь враг общественного контроля».

Два ответа, наиболее вероятных, почему первым председателем КСК

Политбюро рекомендует Куйбышева. КСК в самом близком, прямом родстве с Рабкрином. В двадцать третьем, когда Ленин особенно тревожился за судьбу Рабкрина, выбор пал на Куйбышева. Тем более сейчас. Зрелости, умения, дальновидности — всех качеств прибавилось,

Ответ второй. В решении съезда, приведенном в статье Валериана Владимировича, — чтобы деятельность государственного аппарата отвечала гигантски выросшим запросам периода второй пятилетки. Каждая строка, каждая задумка, каждая цифра которой Куйбышеву более чем известна!

Целых два месяца — с марта по май — главная государственная должность Валериана Куйбышева — председатель КСК. Дольше обстоятельства никак не позволяют. К Комиссии советского контроля прибавляется еще работа в Совете Труда и Оборона, в Совете Народных Комиссаров. Первым заместителем председателя.

...Остаток лета в Крыму. У Черного моря, которое никогда не бывает черным. Отпуск. Последний отпуск Валериана Владимировича. А обжигающее солнце Средней Азии, оазисы, пески, долгие дни в седле — служебная командировка. По обстоятельствам внезапно возникшим. Неблагополучию в хлопковом хозяйстве.

В записках Акмаля Икрамова^[59], первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана: «Валериан Владимирович задумал проверить не менее ста колхозов. Я сопровождаю его во всех поездках. Наблюдаю, как он работает...

Ферганский район, колхоз имени Фрунзе. Товарищи уверяют, что в артели нет никакого учета. Куйбышев говорит: «Давайте проверим до конца». Результат самый неожиданный. Счетовод сам выдумал форму учета, сложную и запутанную, но с конечным результатом абсолютно правильным. Куйбышев замечает нам с упреком: «Почему вы не дали возможности этому счетоводу учиться? Видите, он работает честно, но не умеет правильно записывать. Криком людей не воспитаешь...»

Другой район — Нарпайский. В колхозе «Пахтакор» несомненное засилье бывших баев, феодалов. На общем собрании они названы по именам. Некоторые районные работники, думаю, с лучшими намерениями, спешат пополнить список секретарем правления колхоза. Ошибок, грубых упущений за ним достаточно. Куйбышев наказывать этого человека решительно запрещает. Мне дает поручение специально проследить из Ташкента за тем, чтобы, как он выразился, ни один волос с головы секретаря не упал.

Встречают Куйбышева всюду как родного человека. Не забыли, помнят. Снова, как в зиму 1920 года, избирают своим делегатом на Всесоюзный съезд Советов».

Только Валериану Владимировичу мандатом не воспользоваться.

Счет уже на дни. Вечером седьмого января 1935 года Куйбышев выступает с докладом правительства на Московском областном съезде Советов. Двадцать третьего, в среду, председательствует в Совете Труда и Оборона.

В ту же среду видится с сестрой Еленой. «Поздно вечером он собрался поехать на дачу и звал меня с собой, но я не поехала: были какие-то дела в городе.

Валериан и его жена вышли проводить меня в переднюю. Брат стоял на лестнице, ведущей в комнаты. Я уже спустилась, чтобы одеться, и снизу смотрела на сильную, крепкую фигуру Валериана. Он оперся на перила, как бы желая подняться на руках. Лицо его было спокойное, глаза, как всегда, ласковые и веселые.

— Сегодня у тебя был консилиум врачей, что они тебе сказали? — спросила я.

— Они сказали, что я здоров, — ответил мне брат.

— А сердце?

— Сердце? Это самое здоровое, что есть в моем организме...»

Счет переходит на часы. После разговора с сестрой их остается меньше сорока. Тридцать... Двадцать. Последняя ночь... Последнее рабочее утро.

Неистребимая привычка — начинать работу с просмотра газет. В «Правде» на первой странице — на все колонки — снимок «На заседании Совнаркома 23 января». Весьма равнодушный к фотографированию, сам немало преуспевший на этом поприще, Куйбышев внимательно разглядывает лица товарищей. Со многими он дружит долгие годы. Орджоникидзе... Межлаук, Рудзутак, Элиава... Кажется, немного постарели!..

Долгий, требовательный телефонный звонок. Вызывает Ленинград. Чудесная новость! На рассвете в гавань вошло исследовательское судно «Буг». Несколько дней назад «Буг» наскочил на подводную скалу. Вместе с другими курсантами на борту сын Володя... Родных Валериан Владимирович уговаривает: «Никакой опасности... Авария совсем невелика». Сам полон тревоги... Обошлось!.. Обошлось!!

Быстрый взгляд на часы. Время бежит беспощадно. В пятнадцать часов прием летчиков, снявших в прошлом году со льдов челюскинцев.

Обсуждение новых арктических полетов... В семнадцать часов — коммунистическая фракция съезда Советов. В восемнадцать — открытие съезда в Большом Кремлевском дворце. До того надо успеть разобрать почту, принять неотложные решения.

Около четырнадцати часов Куйбышев подписывает постановления правительства о расширении пионерских владений в Крыму — в манящем детвору Артеке; об отпуске средств, леса, металла — всего, что требуется населению пострадавших от землетрясения районов Таджикистана.

Вызывает секретаря. Говорит, что-то с сердцем плохо. Пойдет домой, приляжет.

Почти полное повторение того, что в двадцать шестом произошло с Феликсом Дзержинским. Сил хватает, чтобы добрести до дома. Жены не застаёт, она на работе. Стелет себе на кушетке в кабинете.

Счет на минуты. Сколько их прошло между тем, как Валериан Владимирович прилег, укрывшись с головой пледом, и смертью, никто не знает. Маленький, крохотный сгусток крови сотворил непоправимое.

Это двадцать пятого января. А шестого июня ему исполнялось сорок семь лет. Всего сорок семь!

Тбилиси — Москва

1968–1970

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. КУЙБЫШЕВА

1888, 25 мая (6 июня) — в Омске родился Валериан Владимирович Куйбышев.

1898, август — поступает в Омский кадетский корпус.

1902 — впервые участвует в политических сходах.

1904 — вступает в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Примыкает к фракции большевиков. Выбор на всю жизнь.

1905, июнь — оканчивает кадетский корпус.

Август — зачислен в Петербургскую военно-медицинскую академию.

Осень — по заданию Петербургской организации РСДРП участвует в транспортировке оружия для боевых дружин. Распространяет нелегальную литературу.

1906, начало года — за «политическую неблагонадежность» исключен из академии.

Март — уезжает к родным в сибирский город Кузнецк. Организует нелегальный кружок социал-демократов-большевиков. Печатает листовки.

Начало лета — в Омске переходит на нелегальное Положение. Под фамилией Касаткина избран членом Омского комитета РСДРП.

Ноябрь — впервые арестован. В заключении находился до апреля 1907 года.

1907, весна — выслан под гласный надзор полиции в город Каинск Томской губернии. Вместо Каинска нелегально поселяется в Томске. Ведет пропагандистскую работу. Является одним из руководителей военной организации и членом Томского комитета РСДРП.

Май — спасаясь от нового ареста, перебирается в город Петропавловск. Издает газету «Степная жизнь». На четвертом номере газета закрыта, типография опечатана. Редактор-издатель скрывается.

Осень — некоторое время снова работает в томском революционном подполье, затем отправляется в Петербург.

1908, июль — арестован. Этапом отправлен из Петербурга в Томск.

После трехмесячного заключения «водворен» на место ссылки — в Каинск.

1909, апрель — арестован, помещен в одиночную камеру томской

губернской тюрьмы. Обвиняется в получении нелегальной литературы.

Осень — на короткое время выходит на свободу. Поступает на юридический факультет Томского университета.

1910, февраль — вновь арестован.

Июль — выслан в Нарым.

Ноябрь — за создание в Нарыме большевистской организации Куйбышев арестован, отправлен в Томск.

1911, март — возвращен в Нарым, в ссылку.

1912 — совместно со Свердловым организует первомайскую демонстрацию ссыльных. Произносит речь.

Апрель — май — подлежит призыву в армию. Получает «проходное свидетельство» для следования в Омское воинское присутствие.

Июнь — по требованию томских жандармских властей арестован. Для начала жестоко избит. Главное из обвинений — «противоправительственная деятельность» в Нарымском крае.

1913, март — суд выносит оправдательный приговор. Куйбышев уезжает к родным в Тамбов. Находится под гласным надзором полиции.

Июнь — октябрь — нелегально отправляется в Петербург. Оттуда в Вологду и дальше в Харьков. Обычная жизнь профессионального революционера.

1914, апрель — готовит первомайскую демонстрацию в Харькове.

Май — снова Петербург.

Декабрь — избирается членом Петербургского комитета РСДРП (б), руководит пропагандистской работой, издает нелегальную литературу.

1915, июль — очередной арест. Куйбышев выслан на дальнюю окраину Иркутской губернии сроком на три года.

1916, весна — бежит из ссылки. Обосновывается в Самаре. Под фамилией Иосифа Адамчика поступает фрезеровщиком на казенный трубочный завод. Входит в состав губернского комитета большевиков.

Сентябрь — арестован. Приговорен к ссылке в Туруханский край на пять лет.

1917, март — по дороге в Туруханскую ссылку Куйбышев освобожден в связи с Февральской революцией. Семнадцатого марта приезжает в Самару. Возглавляет губернскую большевистскую организацию.

Апрель — участвует в работе VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б). Тогда же, в Петрограде, Свердлов представляет Куйбышева Ленину.

Октябрь, 27 — Самарский Совет избирает Куйбышева председателем ревкома.

1918, март — делегат VII экстренного съезда РКП (б) в Петрограде и IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов в Москве.

Июль — назначен политическим комиссаром и членом Революционного военного совета 1-й армии.

Сентябрь — после освобождения частями 1-й армии Симбирска переведен комиссаром и членом Реввоенсовета 4-й армии, армии, нацеленной на Самару.

Октябрь — в Самаре восстановлена Советская власть. Куйбышев — председатель Самарского губернского исполкома.

1919, февраль — на Самарской партийной конференции избран делегатом на VIII съезд РКП(б).

Апрель — назначен членом Реввоенсовета Южной группы войск Восточного фронта.

Июль — член Реввоенсовета и некоторое время командующий 11-й армией, обороняющей Астрахань и устье Волги.

Август — приказ о назначении членом Реввоенсовета Туркестанского фронта.

Октябрь — утвержден членом особой Комиссии ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана. 23-го комиссия отправляется в Ташкент.

Декабрь — возглавляет стодесятикилометровый поход советских войск по пустыне Каракум. Закаспийская группировка белых наголову разбита. Открыт путь к нефтяным промыслам, к городу и порту Красноводск.

1920, сентябрь — назначен полномочным представителем РСФСР в Бухарской народной советской республике.

Декабрь, 22–29 — участвует в работах VIII Всероссийского съезда Советов. Съезда, принявшего знаменитый ленинский план ГОЭЛРО.

1921, январь — февраль — направлен на работу в профсоюзы. Избран членом президиума ВЦСПС.

Март — на X съезде РКП (б) избран кандидатом в члены ЦК партии.

Май — Всероссийский съезд Советов народного хозяйства избирает Куйбышева членом президиума ВСНХ. Вскоре по предложению В. И. Ленина Валериан Владимирович назначается начальником Главэлектро (оставаясь и членом президиума ВЦСПС, и членом президиума ВСНХ). Правительство возлагает на Главэлектро все обязанности по осуществлению плана электрификации России.

1922, март — апрель — участвует в работах XI съезда партии. Избирается членом ЦК. 3 апреля Пленум ЦК избирает Куйбышева секретарем Центрального Комитета РКП (б).

1923, апрель — делегат XII съезда партии. Избран членом

Центральной контрольной комиссии (ЦКК). После съезда поставлен во главе объединенного, по настоянию В. И. Ленина, партийно-советского контроля — Рабкрина и ЦКК. Одновременно назначен заместителем председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона.

1924, май — на XIII съезде партии выступает с отчетным докладом ЦКК. Съезд вновь избирает Валериана Владимировича членом Центральной контрольной комиссии. На пленуме ЦКК избран ее председателем.

1925, декабрь — XIV съезд партии вопреки свирепым атакам «новой оппозиции» полностью одобряет деятельность ЦКК. Куйбышев снова избран в ЦКК, возглавляет ее работу.

1926, август — назначен председателем ВСНХ СССР.

Декабрь — на VII Всесоюзном съезде профсоюзов делает доклад о состоянии промышленности и перспективах ее развития. Участвует в пуске Волховской ГЭС. Знакомится с работой крупнейших заводов Ленинграда и Северо-западного края.

1927, май — объезжает заводы южной металлургии и машиностроения. В Николаеве осматривает судостроительные заводы — намечает программу строительства танкеров.

Июнь — на заседании Совета Труда и Оборона отстаивает разработанный ВСНХ план большого промышленного строительства.

Декабрь, 12–19 — Куйбышев — делегат XV съезда партии. Избран членом ЦК. Девятнадцатого на Пленуме избран в состав Политбюро.

1928, март — по поручению Политбюро комиссия в составе Кржижановского, Куйбышева и Орджоникидзе изыскивает средства для сооружения Сталинградского тракторного, Керченского и Кузнецкого металлургических заводов, Мариупольского трубного, Уральского завода тяжелого машиностроения, Ростсельмаша и др.

Сентябрь — руководит I Всесоюзным совещанием по профессионально-техническому образованию. Выступает с докладом.

Ноябрь — от имени ВСНХ публикует проект первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

1929, январь — на страницах «Правды» и «Комсомольской правды» призывает комсомол начать хозяйственный поход.

Апрель — на XVI конференции ВКП(б) обосновывает необходимость высоких темпов роста тяжелой промышленности. Конференция одобряет разработанный ВСНХ проект пятилетнего плана.

Декабрь — выступает с докладом на I Всесоюзном съезде ударных бригад. Съезд принял обращение ко всем рабочим СССР с призывом

выполнить пятилетку в четыре года.

1930, *июнь — июль* — XVI съезд партии. Доклад Валериана Куйбышева о выполнении пятилетнего плана промышленности. Куйбышев избран членом ЦК, а затем в состав Политбюро Центрального Комитета.

Ноябрь — назначен председателем Госплана СССР, одновременно остается заместителем председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона.

1931, *февраль* — призывает комсомол взять под свой контроль строительство Урало-Кузнецкого комбината.

Июнь — Политбюро образует специальную комиссию во главе с Куйбышевым для разработки проекта второго пятилетнего плана развития народного хозяйства.

1932, *февраль* — докладывает XVII партийной конференции основные проектировки новой пятилетки.

Апрель — Выступление на Московской областной конференции ассоциации работников науки и техники «Для науки и техники в стране социализма нет никаких пределов, никаких рубежей!»

В том же месяце руководит Всесоюзной конференцией по размещению производительных сил в Урало-Кузнецком комбинате.

1933, *январь* — участвует в работе объединенного Пленума ЦК и ЦКК. Делает доклад: «Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства».

24 *января* — представляет сессии ЦИК СССР народнохозяйственный план первого года второй пятилетки.

1934, *январь — февраль* — XVII съезд ВКП(б) — последний съезд, в котором участвует В. В. Куйбышев. Докладывает окончательный вариант второго пятилетнего плана. Избран в члены ЦК и позднее, на Пленуме, в состав Политбюро.

Изменение в государственных обязанностях В. В. Куйбышева. Из Госплана он переходит во вновь образованную Комиссию советского контроля. Становится председателем КСК.

В той же первой половине февраля назначен председателем правительственной комиссии по организации помощи участникам экспедиции профессора Шмидта и команде парохода «Челюскин», раздавленного льдами в Полярном море.

Май — ЦИК СССР назначает В. В. Куйбышева первым заместителем председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона.

Осень — выезжает в Среднюю Азию в качестве уполномоченного ЦК и Совнаркома. Налаживает хлопковое хозяйство страны.

1935, январь, 7 — выступает с отчетом правительства на Московском областном съезде Советов.

Январь, 23 — последний раз председательствует на заседании Совета Труда и Оборона.

Январь, 25 — смерть Валериана Владимировича Куйбышева.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дом в Кокчетаве, где жила семья Куйбышевых.

Семья Куйбышевых. 1900 год.

Валериан с братом Анатолием. Омский кадетский корпус. 1903 год.

*Валериан Куйбышев — по «виду на жительство» Касаткин — вскоре после перехода на
нелегальное положение. 1906 год.*

Валериан Куйбышев — студент Томского университета. 1909 год.

В. В. Куйбышев в томской тюрьме. 1910 год

Селение Нарым. В первом доме справа жил в годы ссылки (1910–1912) В. В. Куйбышев.

Группа политических ссыльных в Нарыме (слева направо): Я. М. Свердлов, В. В. Куйбышев, В.

М. Косарев, З. И. Филановский и И. Я. Жилин. 1912 год.

Валериан Владимирович Куйбышев в самарской тюрьме. 1916 год.

Валериан Владимирович Куйбышев во время гражданской войны. 1918–1919 годы.

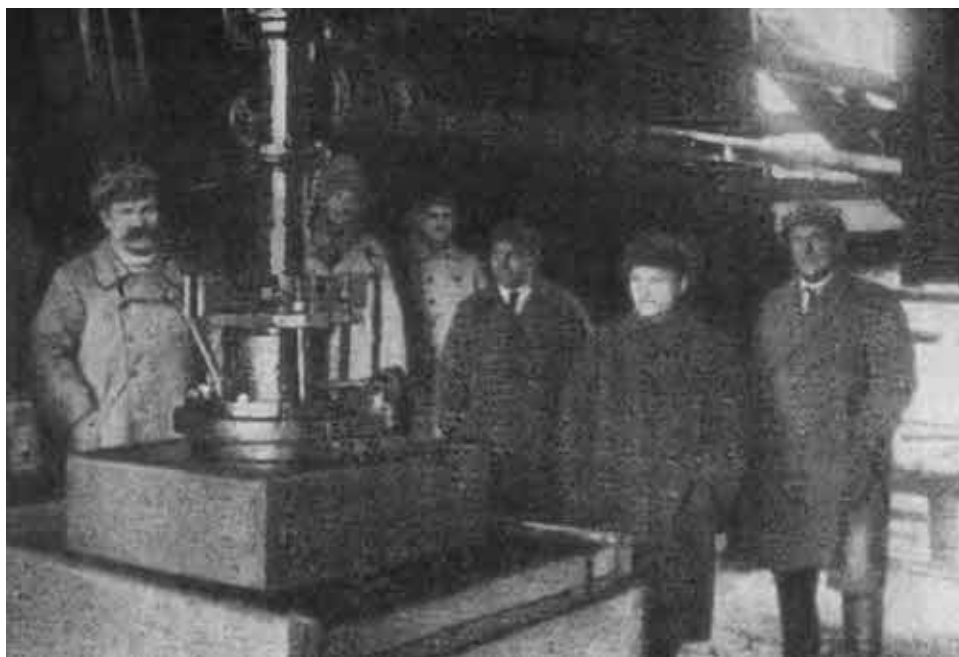
В. В. Куйбышев и М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте. 1920 год.

Выступление В. В. Куйбышева на митинге. Туркестанский фронт.

В. В. Куйбышев и С. М. Буденный на вокзале в Ростове. Март 1923 года.

В. В. Куйбышев и С. М. Киров в бухте Ильича. Баку, 1924 год.

Валериан Владимирович Куйбышев с сыном Володи. Серебряный бор, 1924 год.

Заседание Донецкой губернской контрольной комиссии с участием В. В. Куйбышева. 1925 год.

В. В. Куйбышев и Г. И. Петровский в городе Артемовске на Украине. 1925 год.

Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышев, С. М. Киров.

Члены Президиума ВСНХ (слева направо): С. С. Лобов, М. Л. Рухимович, В. В. Куйбышев, В. И. Межлаук.

С. М. Буденный, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев среди делегатов города Свердловска на XIV Всероссийском и V Всесоюзном съездах Советов. Май.1929 года.

Валериан Куйбышев с братом Николаем.

Валериан Владимирович с сестрами Еленой Владимировной (справа) и Галиной Владимировной

(слева).

За партией в шахматы. Валериан Владимирович с женой Ольгой Андреевной Лежава. Дача в Краснове. (Снимок из семейного альбома. Публикуется впервые.)

*В. В. Куйбышев с делегатами XVI партийной конференции — комсомольскими работниками.
Апрель 1929 года. (Снимок из личного архива О. А. Лежова. Публикуется впервые.)*

В. В. Куйбышев и академик Д. Н. Прянишников.

В. В. Куйбышев на трибуне XVII съезда партии. Февраль 1934 года.

На встрече челюскинцев. Справа налево: В. В. Куйбышев, О. Ю. Шмидт, Герой Советского Союза летчик-комсомолец Н. П. Каманин. Москва, 1934.

Валериан Владимирович Куйбышев. 1934 год.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., тт. 36, 37, 39, 42, 45, 48, 50, Б1, 53, 54.

В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. Сборник. Ташкент, издательство «Узбекистан», 1960.

В. И. Ленин, Военная переписка. М., Издательство политической литературы, 1956.

Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 3-е. М., Издательство политической литературы, 1967.

В. В. Куйбышев, Избранные произведения. М., Издательство политической литературы, 1958.

И. Бардин, Жизнь инженера. М., «Молодая гвардия», 1938.

И. Березов, Валериан Владимирович Куйбышев. М., «Молодая гвардия», 1958.

Борцы революции. Сборник. Куйбышевское областное издательство, 1956.

Были пламенных лет. Рассказывают участники гражданской войны в Самарской губернии. Сборник. Куйбышевское областное издательство, 1963.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3 (книга первая, 1967; книга вторая, 1968). Т. 4 (книга первая, 1970). М., Издательство политической литературы.

История коммунистической организации Средней Азии, Ташкент, издательство «Узбекистан», 1967.

А. Клеванский, Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., издательство «Наука», 1965.

В. В. Куйбышев — выдающийся пролетарский революционер и мыслитель. Томск, Книжное издательство, 1963.

Г. Куйбышева, О. Лежава, Н. Нелидов, А. Хавин, В. В. Куйбышев. Биография. М., Издательство политической литературы, 1966.

Е. Куйбышева, Воспоминания сестры. М., Издательство детской литературы, 1959.

В. В. Куйбышев в Среднем Поволжье. Сборник. Куйбышевское областное издательство, 1936.

Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников. Ташкент, Государственное издательство, 1957.

Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышевское областное издательство, 1967.

Первые годы строительства в СССР. Сборник. М., Издательство литературы по строительству, 1968.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). М., Госполитиздат, 1958.

Седьмой экстренный съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1962.

В. Устинов, Ленинская политика партии на Востоке. Фрунзе, Киргизское государственное издательство, 1963.

notes

Примечания

Даты до марта 1918 года даются по старому стилю. (Здесь и далее примечания автора.)

Полное имя, данное отцом инженером-технологом Леоном Шанцером, — Виргилий Максимилиан Петр. Обладатель столь длинного имени родился 21 сентября 1867 года в поселке Шабо, неподалеку от Аккермана. В зрелые годы говаривал: «Мать — француженка, отец — австриец, а я настоящий русский». Как только Виргилий стал совершеннолетним, он подал прошение о принятии его в русское подданство. Сохранилось свидетельство, выданное канцелярией одесского градоначальника 12 августа 1889 года за № 9658: «Предъявитель сего Виргилий Шанцер приведен к присяге на подданство России».

В 1908 году, после очередного побега из ссылки, Шанцер эмигрирует за границу. Становится членом ЦК РСДРП, одним из редакторов большевистской газеты «Пролетарий»... Умер в Москве, в тюремной больнице, 24 января 1911 года.

Из тюрьмы оба избранника омичей освободились одновременно. Каждый своим путем направился в западные губернии России, чтобы граница была под рукой. Виргилия Шанцера в последний час перехватывают давние знакомые — агенты московского жандармского управления. На съезд добираться Попову. Особых приключений на его долю не достается на этот раз.

Куйбышев в автобиографии, написанной в Самаре, в кон-це 1918 года: «Поехал в Петропавловск. Работал «профессионалом» в партии и в то же время начал редактировать и издавать легальную газету. На четвертом номере газета была закрыта, типография опечатана, а мне пришлось скрыться».

Каинск — ныне город Куйбышев на реке Оми Новосибирской области.

Анатолия Куйбышева в тот раз освободили из тюрьмы семнадцатого мая. Назавтра после допроса Валериана.

Очевидная описка Куйбышева. Должно быть «3 августа». Он не мог попасть в Нарым до суда, начавшегося семнадцатого июля в Томске.

Лена — Елена Ревзон.

В навигацию следующего, 1911 года в Нарым вновь доставят Якова Свердлова, схваченного в Петербурге. Срок ссылки ему теперь удвоят в наказание за побег.

Тогда, в нарымской ссылке, девушка Анна, Анна Андреевна Иванова, сделала выбор на всю жизнь. С 1911 года она член Коммунистической партии. После революции работала в Чека. Не раз, рискуя головой, выполняла специальные задания в городах, захваченных Колчаком, Семеновым, японскими интервентами. В мирные годы сотрудница Центрального Комитета партии, Наркомата тяжелой промышленности, Министерства угольной промышленности. Всегда на переднем крае.

«Кресты» — печально известная всей России столичная петербургская тюрьма.

Андрей Сергеевич Бубнов в 1912–1913 годах член редакционной коллегии «Правды».

Илья Ионович Ионов — из ветеранов большевистской партии. В 1908 году приговорен судом к восьми годам каторги. По отбытии отправлен на вечное поселение в Тутуры. В советское время руководил издательствами «Земля и фабрика», «Академия».

Вспоминая о пережитом, рассказывая о людях, с которыми довелось встречаться, Ионов выделяет Куйбышева. «С первых же дней приезда он оживил всю нашу колонию, растормошил, взбудоражил всех. По праву занял положение руководителя. Его работа в нашей колонии сохранила для партии, для революции много большевиков».

«Во время моей первой прогулки на тюремном дворе, — рассказывал много позже токарь с «Саламандры», латышский большевик Иван Бирн, — я заметил товарища высокого роста, с большими волосами, большим лбом. Шел он твердым шагом, тяжело ставя ногу, будто испытывая прочность почвы, на которую ступал. Это был товарищ Адамчик.

С первых же минут он начал меня жадно расспрашивать о положении в организации и политических новостях последнего времени. Я коротко сообщил что знал: забастовки в Петрограде, Иванове и других городах, брожение в деревне, резко меняющееся настроение солдат.

— Как ведет себя новый министр внутренних дел Протопопов? — следующий вопрос Адамчика.

— Вновь испеченный министр явился в Государственную думу в мундире шефа жандармов. Ясно, чего можно от него ожидать...

— Положение в стране очень серьезное, — заключил наш разговор на ходу Адамчик. — Приближаются большие события, революционный взрыв произойдет в ближайшее время. Я(аль только, что мы в такое время сидим за решеткой, вместо того чтобы работать на воле...»

Новониколаевск — ныне Новосибирск.

Прасковья Афанасьевна Стяжкина, Паня, — первая жена Куйбышева. С 1908 года в большевистской партии. Была одновременно с Куйбышевым отправлена из Петербурга в иркутскую ссылку. Бежала весной 1916 года — через три недели после Валериана Владимировича. Приехала к нему в Самару. Здесь снова арестована.

В третьем томе «Истории Коммунистической партии Советского Союза»: «Некоторые большевики уже в марте были избраны председателями Советов: С. Г. Шаумян — Бакинского, В. В. Куйбышев — Самарского, Р. Эндруп — Рижского».

У меньшевиков и эсеров, ратующих за «защиту русской революции от внешнего натиска», за войну, стало быть, сторонников наберено много. Сравнивать только нельзя. У большевиков костяк другой. Алексей Митрофанов, второй Алексей — Галактионов, Серафима Дерябина, Владимир Мяги, Франциск Венцек, Евгения Коган — все прошли тюрьмы, каторгу, ссылки. У Мяги, питерского уроженца, к тому же расстрелян брат за участие в восстании на флоте в 1905 году. У члена губкома, популярного оратора, двадцатисемилетнего Александра Масленникова — его имя теперь носит трубочный завод, — четыре ареста, четыре ссылки, три побега. Последнюю, Туруханскую ссылку отбывал вместе с Яковом Свердловым.

В первые дни еще Андрей Бубнов. Потом Центральный Комитет отозвал его в Петроград.

На VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) в действительности было 133 делегата с решающим голосом и 18 с совещательным.

Венден — ныне город и железнодорожная станция в Латвии, в восьмидесяти километрах от Риги.

Газета «левых коммунистов». Выходила в Петрограде с 5 по 19 марта 1918 года. Всячески добивалась срыва Брестского договора. Поносила сторонников мира.

IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов состоялся в Москве четырнадцатого — шестнадцатого марта 1918 года. Декларацию, оглашенную Куйбышевым, подписали пятьдесят пять большевиков — делегатов съезда и восемь членов ВЦИК. Среди поставивших свои подписи были Арманд, Дыбенко, Покровский, Усиевич, Фрунзе, Ярославский.

Председатель Самарского городского Совета *Александр Масленников* и комиссар Самаро-Златоустовской железно и дороги *Павел Вавилов* не смогли пробиться к Волге. Их схватили, жестоко истязали. Затем в качестве заложников увезли в Омск. Куйбышев отрядил через фронт, через территории, захваченные чехами и белыми, несколько отважных людей во главе с бывшим политкаторжанином латышом А. Пасперне. Вместе с омскими большевиками они организовали побег дерзкий и удачный. Масленников и Вавилов стали крупными работниками Сибирского революционного подполья. В апреле 1919 года вновь арестованы. Вскоре расстреляны по приказу адмирала Колчака.

Ярослав Гашек — будущий писатель-сатирик, щедро подаривший миру бравого солдата Швейка. С апреля 1918-го формировал в Самаре из таких же, как он, военнопленных интернациональные дружины для защиты Советской власти. Руководил чешской секцией РКП (б). После падения Самары некоторое время скрывался в городе. Позднее работал в политотделе 5-й армии. В конце 1920 года вернулся в Чехословакию. Сотрудничал в коммунистической газете «Руде право».

Полная фамилия неизвестна. Куйбышев ее никогда не называл, должно быть, щадя самолюбие этого человека, Валериану Владимировичу достаточно симпатичного.

Новая встреча Куйбышева с Д. произошла в Туркестане. «У меня, — заключает Валериан Владимирович, — не было основания преследовать его и казнить за совершенное им некогда преступление, и потому я и Фрунзе послали его драться с басмачами».

Рукою Михаила Тухачевского написано в январе тридцать пятого: «Громадный партийный авторитет, понимание военного дела, любовь к войскам... настойчивая воспитательная работа позволили Валериану Владимировичу добиться в 1-й армии раньше, чем во всех других армиях Восточного фронта, высокой боеспособности».

Иващенко — сейчас промышленный город Чапаевск.

Екатеринбург — ныне Свердловск.

При первой попытке сдать Астрахань — без борьбы, без сопротивления — Ленин обратился к губернскому исполкому и губкому партии: «Неужели правда, что в Астрахани уже поговаривают об эвакуации?»

Если это правда, то надо принять беспощадные меры против трусов и немедленно выделить надежнейших и твердых людей для организации защиты Астрахани и для проведения самой твердой политики до конца...»

Куйбышев не только главный работник Туркестанской комиссии. До приезда Фрунзе, до последних чисел февраля 1920 года, на плечах Валериана Владимировича высшее военное руководство армиями, действующими на туркестанских фронтах. Обособленными, друг от друга отдаленными на сотни километров. Обязанность трудная, столь же деликатная — нельзя обидеть, ущемить Федора Федоровича Новицкого, официального заместителя командующего. Поэтому приказ о назначении Куйбышева главнокомандующим всех вооруженных сил Туркестана, приказ, подписанный осенью в Самаре, по настоянию Валериана Владимировича не оглашается.

Приезд Фрунзе ношу облегчает. Ненадолго. В мае Туркестан оставляет Элиава. Председательствовать в Комиссии Куйбышеву.

Копию боевого донесения Куйбышев через радиостанцию Кушки направляет Реввоенсовету 11-й армии, Кирову. Большая это радость — сообщить добрые вести другу.

«Рыскулов незаурядная фигура и может обработаться в Москве в недюжинного коммуниста», — напишет Куйбышев секретарю ЦК Елене Дмитриевне Стасовой, чтобы взяла во внимание при назначении Турара Рыскулова на новую работу. Станет Рыскулов видным государственным деятелем — заместителем председателя Совнаркома Российской Федерации.

У Соколова при аресте нашли безупречные документы, несколько порошков хины — в Туркестане свирепствовала малярия — и самодельный, любительский английский словарь. Полковник ждал извинений. Доброжелательно — устно и письменно — излагал задачи организованной им экспедиции по исследованию лесных богатств пограничного с Кашгаром Нарына. Покуда в одну из бессонных ночей чекисты отыскивали в порошке хины клочок папиросной бумаги — подробную дислокацию советских войск в Закаспии и Фергане. А любительский словарики после расшифровки оказался вполне профессиональной инструкцией, составленной британским генералом Маллесоном для Соколова.

Темы дальнейших собеседований с Соколовым вышли за рамки исследования лесных богатств. Стали более животрепещущими — о шпионской сети, укрывшей весь Туркестан, о связях с басмачами, о курьерах из Кашгара, Мешхеда, Бухары...

Решение Политбюро от 29 июня, переданное по телеграфу в Ташкент Куйбышеву, состоит из четырех дополняющих друг друга документов: «О наших задачах в Туркестане»; «О партийном строительстве в Туркестане»; «Об организации власти в Туркестане»; «Инструкция Турккомиссии».

Термин «Хивинское ханство» употреблялся только в русской и западноевропейской литературе. Местные официальные источники, коренное население, продолжали называть Хиву Хорезмским государством. В переводе буквальном «Хорезм» — «Земля Солнца». От иранского «хур» — солнце, «зм» — земля.

Орден Труда, которым хорезмцы наградили Ильича, хранится в Москве, в Центральном музее Ленина.

Командующий группой войск, имевшей решающее значение в освобождении Бухары, Василий Клементьев твердо держится мнения:

«Особенно велика заслуга В. В. Куйбышева в подготовке и успешном проведении Бухарской операции. Многие коммунисты Туркестана тогда еще не вполне ясно понимали ее значение. Надо было их убедить в том, что среди множества проблем Востока бухарская революция стала наиболее назревшей. Вопрос о ней горячо обсуждался на закрытых партийных собраниях. Выступления на них Валериана Владимировича были очень вескими и убедительными. Полагаю, что именно ему мы обязаны тем, что многочасовые бурные дебаты заканчивались без эксцессов, что постепенно узбекские и таджикские коммунисты осознали необходимость помочь бухарской революции и начали добровольно вступать в Красную Армию».

Два года спустя член Туркестанского бюро ЦК РКП (б) Я. Петерс — Ленину: «...самая сильная группа, имеющая, безусловно, довольно широкие корни в массах, это группа Файзуллы Ходжаева. Она пытается подхватить лозунги дехканства и организовать их. Сам Файзулла Ходжаев... стал настоящим вождем революции. Является более честным и чистым, чем все остальные».

Еще в бытность Куйбышева в Бухаре, в ноябре 1920 года на заседании коммунистической фракции Всероссийской конференции профсоюзов, Троцкий призвал «завинтить гайки» военного коммунизма. «Перетряхнуть профсоюзы» на предмет их немедленного «огосударствлений». Первоначальная аудитория кажется невозможно малой, никак не соответствующей грандиозности идеи. Требуется трибуна, пресса всей страны. Дискуссия общепартийная.

Раскольнические домогательства Троцкого поддерживают «рабочая оппозиция», группа «демократического централизма», «нейтральный», «буферный» Бухарин. «Трест уклонов»! Троцкий в Самаре 2 февраля 1921 года: если бы пришлось выбирать между программой Ленина и платформой «рабочей оппозиции», то он бы само собой подал свой голос за «рабочую оппозицию».

Волей-неволей в навязанную партии дискуссию приходится вмешаться Ленину. Публикуется ленинская «платформа десяти». Статьи Ильича: «Кризис партии», «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина». Дело идет «об отношении к крестьянству, подымавшемуся против военного коммунизма, об отношении к беспартийной массе рабочих, вообще о подходе партии к массе, когда гражданская война уже кончилась».

Итоги дискуссии подводит X съезд партии. «Платформа десяти» на долгие десятилетия становится программой всей деятельности профсоюзов.

Немногие недели спустя ВСНХ получает право переводить заводы, фабрики, полностью целые отрасли промышленности на хозяйственный расчет «в соответствии с Положением о льняном тресте». Под началом Куйбышева, можно бы еще добавить. С мая, со Всероссийского съезда совнархозов, Куйбышев вместе с Рудзутаком и Чубарем член Президиума ВСНХ. Обстоятельство, которое нисколько не помешает другому съезду — профессиональных союзов — переизбрать Куйбышева в Президиум ВЦСПС. Друзья обнадеживают: «Плечи у тебя, Валериан, широкие!...»

Герберт Уэллс, Россия во мгле.

Прощаясь с Уэллсом, Ильич пригласил: «Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время». В 1934 году Герберт Уэллс вновь приехал в Советский Союз. Теперь и он без волшебного зеркала видел Россию совсем другой. Во втором томе «Опытов автобиографии» (Лондон, 1934, стр. 778, 779) признание: претворение в жизнь плана Ленина достаточно успешное. Электрифицированная Россия — не утопия!

Основу плана ГОЭЛРО составляла грандиозная по тому времени программа строительства 30 крупных (районных) электростанций. Одновременно предполагалось восстановить разоренное сначала первой мировой войной, а затем гражданской войной и интервенцией промышленное производство и увеличить его примерно вдвое по сравнению с довоенным уровнем 1913 года. По сути дела, ставилась задача создать собственную тяжелую индустрию — единственно возможную материальную основу социализма.

Александровск — ныне областной центр город Запорожье.

В известной статье Ленина «О кооперации», продиктованной Владимиром Ильичем 4 и 6 января 1923 года: «...мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации...» А кооперация после победы социалистической революции, особенно после перехода к новой экономической политике, подчеркивает Ильич, имеет «гигантское, необъятное значение».

Результаты обследования были настолько важны, что Политбюро посчитало необходимым обсудить их на пленарном заседании Центрального Комитета партии.

Меры, предложенные ЦКК и Рабкрином, получили полное одобрение, составили основу решения XIII съезда РКП(б) о внутренней торговле.

Месяцем раньше Валериан Куйбышев в лекциях, читанных в университете имени Свердлова: «Если посмотрите, какие вопросы ставятся на наших заседаниях, то тут и концерты Страдивариуса, и Большой театр, и лесной трест, и какой-нибудь юридический вопрос. Одним словом, диапазон работы велик настолько, насколько велико разнообразие нашего государственного аппарата... Было очень трудно специализировать человека на какой-нибудь отрасли работы, которая была ему чужда по прежней практике, как дореволюционной, так и советской... Пробовали товарища на одной работе, на другой, на третьей... Требовался большой период, прежде чем это внутреннее распределение сил получило свое более или менее полное завершение. Теперь мы достигли больших результатов. Люди въелись в ту работу, которую они взяли на себя, и у нас уже образуются совершенно определенно крупные специалисты по целому ряду вопросов из членов ЦКК и сотрудников РКП... Я могу считать одно достигнутым — Рабкрин и ЦКК стали хорошей школой, готовящей руководителей государственного аппарата».

Ф. У. Тейлор — американский инженер, основоположник системы организации труда, рассчитанной на максимальное уплотнение рабочего дня. Раскрывая глубоко противоречивый характер тейлоризма, Ленин показал, что в этой системе, представляющей «последнее слово самой бесшабашной капиталистической эксплуатации», содержится вместе с тем «громадный прогресс науки, систематически анализирующей процесс производства и открывающей пути к громадному повышению производительности человеческого труда».

В четвертом томе Истории Коммунистической партии Советского Союза:

«После апрельского (1926 г.) Пленума ЦК ВКП(б)... Троцкий, Зиновьев и Каменев совместно пытались дезорганизовать работу Политбюро, втягивали его членов в бесконечные дискуссии. В разных районах страны оппозиционеры устраивали конспиративные собрания и рассылали фракционные документы с целью дискредитировать линию партии. Документы направлялись в Ленинград, Одессу, Владивосток, Пятигорск, Омск, Гомель, Брянск, Саратов и другие места».

Письмо Ф. Дзержинского к Куйбышеву разыскал ветеран-чекист Николай Иванович Зубов. Подробнее об этом в книге Н. Зубова «Дзержинский». Изд-во политической литературы, 1965, стр. 346–350.

Президент Академии наук в тридцатые годы А. П. Карпинский, ученый крупнейший, напишет: «С именем В. В. Куйбышева связана организация широко разветвленной сети научно-исследовательских институтов. Достижениями некоторых из этих институтов, превратившихся сейчас в мощные научные комбинаты, заслуженно гордится не только советская, но и мировая наука».

О том же академик А. Ф. Иоффе: «Вспоминаются мои беседы с товарищем Куйбышевым — тогда председателем ВСНХ — о научных институтах. Он потребовал у меня развернутую программу для физико-технического института... Из двух представленных мною смет — минимальной и максимальной — он принял вторую и в тот же вечер провел ее в президиуме ВСНХ».

Верный себе, Куйбышев снова, как в Главэлектро, выходит за рамки, очерченные его «ведомству». На средства ВСНХ основывает, содержит институты «чистой» теории — физических, математических наук. Хуже того. Поддерживает поиски, проекты, бог знает на какие десятилетия рассчитанные. Вроде ракет Циолковского или тайн атомного ядра, над которыми бьется институт Иоффе...

Екатеринослав — ныне Днепропетровск.

Брянский завод — завод имени Дзержинского.

А уж Кузнецк, куда направлялся Бардин, особенно хорошо. В Кузнецке воинским начальником служил отец Куйбышева — Владимир Яковлевич. В Кузнецке в первые месяцы 1906 года Валериан Владимирович организовал нелегальный большевистский кружок, отпечатал листовки. Из Кузнецка, загоня лошадей, — железной дороги не было и в помине — мчался на свидание с сыном Валерианом, преданным военному суду, Куйбышев-отец.

Мясницкая — ныне улица Кирова.

Академик Отто Юльевич Шмидт в январе 1935 года: «Последняя моя встреча с Валерианом Владимировичем происходила несколько дней назад. Она была посвящена вопросам, связанным с изданием Большой Советской Энциклопедии...»

25 апреля 1924 года в «Известиях» сообщение редакции: «Мы сожалеем о том, что могло создаться впечатление, не желательное ни для А. М. Горького, ни для редакции «Известий».

Дети — трехлетняя Алла, дочь начальника станции острова Врангеля Буйко, и шестимесячная Карина, дочь геодезиста Васильева, также направлявшегося на зимовку на остров Врангеля.

Давно — в 1919 году в уездном городе Туркестана Намангане Куйбышев встречается совсем юного Акмаля. Симпатичного парня, плохо понимающего по-русски. «Товарищ Валериан несколько раз с настойчивостью хорошего учителя повторял мне одно и то же для того, чтобы я мог лучше понять. Терпеливо объяснял, какой вред приносят великодержавные и местные националистические течения. Наставлял на путь истины». Акмаль понял достаточно хорошо. Сделал выбор на всю жизнь...